Национальный исследовательский Томский государственный университет
Региональное отделение Российского психологического общества
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ДИАЛОГ ПАРАДИГМ

Сборник материалов
VI Сибирского психологического форума
12–14 ноября 2015 г., г. Томск

Под редакцией
профессора С.А. Богомаза

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2016

УДК 159.9
ББК 88
П865

П865 **Психологическая антропология: диалог парадигм** : сборник материалов VI Сибирского психологического форума (12–14 ноября 2015 г., г. Томск) / под ред. проф. С.А. Богомаза. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 290 с.

ISBN 978-5-94621-563-3

В сборник включены труды ученых – участников VI Сибирского психологического форума «Психологическая антропология: диалог парадигм», который состоялся в рамках Международной конференции «HR-тренд 2015: Управление талантами и трансформация корпоративной культуры», проведенного факультетом психологии Национального исследовательского Томского государственного университета в ноябре 2015 г. при поддержке Томского отделения Российского психологического общества, Международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Сборник посвящен актуальным проблемам современной психологической науки, в первую очередь – исследованиям в области психологической антропологии.

Для психологов, педагогов, философов, социологов, специалистов в сфере управления и связей с общественностью, а также всех, кто интересуется проблемами психологической антропологии.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-94621-563-3

© Томский государственный университет, 2016
© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Абакумова Н.Н., Елизаров М.Ю. Построение профессионального профиля медиатора в социальной сфере: к постановке проблемы.....8
Александрова Л.А. Динамика удовлетворенности жизнью и личностных ресурсов у студентов с ОВЗ в условиях инклюзивного профессионального образования 11
Алексеева А.М. Механизмы защиты и копинг-стратегии как психологические корреляты формирования аллостатической нагрузки у сотрудников УВД, участвовавших в боевых действиях 15
Атемасов А.В. Исходные практически значимые проблемы психологии супружеского конфликта.....20
Барканова А.В. Социально-психологические страхи выпускников.....25
Богомаз С.А., Мартынова М.А. Субъективное оценивание реализуемости базисных ценностей в городской среде вузовской молодежью из двух сибирских городов.....29
Будакова А.В. Имплицитные теории и разные виды интеллекта: анализ взаимосвязи на примере студенческой выборки 33
Бызова В.М., Перикова Е.И., Калашникова Ю.А. Уровень рефлексивности как фактор психологического благополучия 37
Вайберт М.И. Здоровье в иерархии ценностей студенческой молодежи 42
Ванданова Э.Л. Маргинальная личность: поиск определения 46
Вишневская М.Г., Стоянова И.Я. Спектр деятельности медицинского психолога в современных условиях 50
Вишнякова Н.Н. Особенности алекситимии и нервно-психической адаптации у студентов различных диспансерных групп учета 54
Волкова О.В. Культурно-историческая концепция как основание к построению кибернетической модели исследования генеза выученной беспомощности детей с ослабленным здоровьем 59
Воробьева И.В., Кружкова О.В. Роль детско-родительских отношений в подростковом вандализме.....63

Глухов А.П., Окушова Г.А. Смена локуса этнического дискурса: ключевые функции витруальных комьюнити в трансляции и воспроизводстве виртуальной этнонациональной идентичности 67
Дарвиш О.Б. Профессиональные установки и психологическая устойчивость будущих педагогов 72
Демещенко В.А., Шабаловская М.В. Стилевая саморегуляция и мотивация студентов гуманитарных специальностей с разным уровнем академической успеваемости.....76
Долганов Д.Н. Оценка субъективного ощущения счастья методом семантического дифференциала 80
Екшова К.В. Исследование влияния ненаправленной анималотерапии в форме просмотра видеороликов с образами животных на эмоциональный статус 85
Залевский Г.В. Целостно-ценностная парадигма и биопсихосоциоэтническая модель природы человека и его здоровья в контексте позитивной антропологической психологии 89
Зуева Д.Е. Исследование связи аналитического интеллекта и академической результативности у студентов младших курсов 96
Козлова Н.В., Горячкина И.В. Повышение уровня стрессоустойчивости в условиях танцевальной деятельности 100
Козлова Н.В., Кудрявцева О.В. Критическое мышление как фактор формирования внутренней картины здоровья у людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями 104
Костюкова Т.А. Проблема самоопределения личности в трациционных российских духовных ценностях 108
Кружкова О.В., Воробьева И.В. Идентичность с городом и субъективная оценка стресс-факторов среды мегаполиса 113
Кукуев Е.А. Свойство «открытость» в системной антропологической психологии.....118
Лазарева Е.Ю. Оценка психологических ресурсов у больных, перенёсших инсульт.....123
Лещинская С.Б. Особенности смысложизненных ориентаций студентов с различными имплицитными теориями 126

Литвина С.А., Муравьева О.И. Взаимосвязь субъективной оценки реализуемости ценностей и параметров средовой идентичности в российских городах 130
Логинова И.О. Жизненное самоосуществление как контекстуальная рамка современных исследований человека 134
Мареева Л.В. Жизнестойкость как компонент реабилитационного потенциала спортсменов в предсоревновательный период 138
Митюрев В.В. Депрессия на стыке психоаналитической концепции и экзистенциальной психологии 142
Назметдинова Д.Г. Оценка когнитивных нарушений и эмоционально-мотивационной сферы у пациентов, перенесших ишемический инсульт 146
Неклюдова С.В. Открытость новому опыту как характеристика инновационного поведения 154
Нелюбин Н.И. Познавательная активность человека в свете постнеклассической психологии 159
Немцев А.В. Религиозный смысл как результат встречи с Личностью 165
Николаева И.А. Ценностные установки и ценностные оценки себя и других в формировании и диагностике идентичности 169
Николаева И.А., Зайнулина Ю.И. Отражение деформаций ценностных отношений личности в семиотике «ценностной вертикали» 173
Парфенова Г.Л. Конфликтность личности студентов колледжа 178
Перикова Е.И., Бызова В.М. Психологические характеристики восприятия иллюзорных изображений 182
Петрова В.Н., Захарова С.В. Модель компетенций сотрудника отдела продаж недвижимости 188
Полевая С.С. Взаимосвязь имплицитных теорий школьников, их успеваемости и личностных свойств 193
Пономарева И.В., Эвкина К.Ю. Соотношение личностной беспомощности и семейных взаимоотношений 197
Попенко Н.В. Проблемы выбора жизненных установок в ситуации тяжелого заболевания 201

Пугачева Н.Ю. Изучение самосознания больных пожилого возраста с ишемической болезнью сердца 205
Рассказова Е.И. К вопросу о роли когнитивного инсайта в норме и патологии: апробация шкалы когнитивного инсайта А. Бека в группе ультравысокого риска развития шизофрении 208
Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Социальная тревога как основа формирования антивитального и суицидального поведения у современных подростков 213
Скавинская Е.Н. Развитие эмпатических способностей в рамках практикующих групп психологов 217
Стоянова Е.И., Живаева Ю.В. Устойчивость жизненного мира студентов, относящихся к разным профессиональных сферам 221
Стоянова И.Я., Шухлова Ю.А., Терехина О.В., Сагалакова О.А., Чеканова М.О. Образовательная ситуация в контексте витальной направленности и психологической безопасности у студентов 224
Сычев О.А., Гордеева Т.О., Гижицкий В.В. Профили мотивации как предикторы настойчивости в учебной деятельности 228
Танабасова У.В. Особенности стратегий поведения коллективизма и индивидуализма (на примере алтайской этнической группы) 233
Темирева К.А. Психодиагностика счастья и качества жизни: возможности и ограничения качественного и количественного подходов 237
Терре К.В., Шутилина (Корнева) А.А., Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Избыточный контроль и планирование пищевого поведения как нарушение саморегуляции при формировании антивитального мотива деятельности в динамике развития анорексии 240
Трофимова Ю.В. Академическая мобильность: психологические основания 246
Трубачева Д.Е. Этапы актуализации дисфункциональных убеждений при депрессивных симптомах у студентов первого курса 250

Филенко И.А. Специфика формирования инвариантов профессиональной идентичности студентов на этапе профессионального обучения 255
Частоколенко Я.Б. Миф и мечта в жизненном мире творческих молодежных субкультур 259
Чеснокова Г.Н. Личностные ценности медицинских сестер..... 263
Шекетера А.А. Имплицитные теории интеллекта и личности как психологические факторы личностного потенциала студентов 267
Шухлова Ю.А., Терехина О.В., Чеканова М.О. Показатели здоровья и психологической безопасности студентов в образовательной среде вуза..... 272
Щелин И.В., Шакурова Л.М. Специфика угроз психологической безопасности воспитанников военно-интернатных учреждений 276
Языков К.Г., Абушаева М.Э. Методология системно-синергетического подхода к обоснованию состояния тревожности..... 279
Яцута Е.И., Мудрец Т.В., Александрова Л.А. Разработка модели исследования и развития психологического и воспитательного потенциала замещающей семьи..... 284

Построение профессионального профиля медиатора в социальной сфере: к постановке проблемы

Абакумова Н.Н., Елизаров М.Ю.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Creation of a professional profile of a mediator in the social sphere: to statement of a problem

Abakumova N.N., Elizarov M.Y.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В работе обсуждается актуальная проблема перехода от количества полученных студентом знаний к возможности оценки его способности и готовности работать медиатором в социальной сфере. Представлены общекультурные и профессиональные компоненты профессионального профиля медиатора. Обсуждаются уровни оценки элементов профессионального профиля медиатора: аксиологический, когнитивный, деятельностный и коммуникативный.
Ключевые слова: высшее образование, медиация, компетенции, профессиональный профиль.

Abstract. In paper there is discussed an actual problem of transition from amount of the gained knowledge by the student to possibility of an assessment of his ability and readiness to work with a mediator in the social sphere. Common cultural and professional components of a professional profile of a mediator are presented. Levels of an assessment of elements of a mediators' professional profile are discussed: axiological, cognitive, activity and communicative.
Keywords: the higher education, mediation, competences, professional profile.

Переход к новым образовательным стандартам (ФГОС 3+) актуализировал проблему диагностики профессионально значимых компетенций будущих специалистов. Разработка образовательных программ по профилям подготовки включает раздел проверки (диагностики) формируемых компетенций, что делает процесс подготовки специалистов открытым и абсолютно прозрачным.

Подготовка специалистов в области медиации – новое и важное направление не только в образовании, но и в социальной сфере. Нормативная база, обеспечивающая подготовку медиаторов для социальной сферы, достаточно обширна:

• Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе

совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации [2];

• Профессиональный стандарт. Специалист в области медиации (медиатор) [4];

• Проект Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.04.02. Психолого-педагогическое образование (уровень магистратуры) и пр.

Наряду с этим вопросы, касающиеся диагностики формирования компетенций, построения индивидуального профессионального профиля по данному направлению, еще недостаточно проработаны. Наиболее перспективным представляется использование алгоритма диагностики профессиональных и общекультурных компетенций студентов системы высшего образования [3].

Использование данного алгоритма позволяет структурировать систему требований ФГОС 3+, администрации вуза и работодателя, предъявляемых к подготовке будущих специалистов (цели и содержание учебного процесса, разработку контрольно-измерительных материалов, информационное и мониторинговое сопровождение и пр.). Построение профессионального профиля студента позволяет гибко учитывать результаты диагностики компетенций и корректировать их формирование через введение дополнительных дисциплин в образовательную программу или кампусные курсы.

На начальном этапе выделяется набор общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых для освоения специальности медиатор. Элементами профессиональных компетенций профиля медиатора становятся:

• аксиологический (нравственно-ценностные позиции медиатора);

• когнитивный (полнота и обобщенность профессиональных знаний о процедуре, принципах и технике медиации, законодательной и нормативной базе);

• коммуникативный (поддержание баланса времени, сил и власти между сторонами, переформулирование, разъяснение, обобщение и резюмирование высказываний, анализ выгод, последствий, издержек и возможностей);

• деятельностный (формирование и развитие профессиональных умения и навыков организации и проведения процедуры медиации в социальной среде).

Указанные элементы могут быть оценены с точки зрения результатов реализации учебного процесса [1] по трем уровням: 1) репродуктивному, когда знания и навыки используются в знакомой и стереотипной ситуации; 2) самостоятельной продуктивной деятельности на уровне подготовки, организации и проведения процедуры медиации и подписания итогового медиативного соглашения; 3) самостоятельной творческой деятельности медиатора.

Профессиональный профиль строится для каждого студента направления подготовки «Психолого-педагогическое образование» на основе установленных стандартов общекультурных и профессиональных компетенций, таким образом происходит формирование модельного представления будущей профессиональной деятельности медиатора. Специфика деятельности медиатора проявляется на этапе отбора, когда, согласно требованиям профессионального стандарта, устанавливаются особые условия допуска к работе – возраст не менее 25 лет. Профессиональный профиль медиатора диагностируется с точки зрения формируемых ценностных ориентаций, результатов образовательной деятельности. Использование данной методики позволит сделать прозрачными результаты обучения для всех целевых групп: студентов, преподавателей, администрации вуза и работодателей.

Проблема современного образования – осуществление перехода от количества полученных студентом знаний к возможности оценки его способности и готовности работать по выбранной специальности. Разработка методики построения профессионального профиля медиатора позволит не только диагностировать компетенции выпускника магистерской программы «Медиация в профессиональной сфере», но и даст возможность преподавателю реализовать педагогический мониторинг в отношении собственной профессиональной деятельности и учебной деятельности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова Н.Н., Истомина Н.Н. Компетентностный подход в учреждениях общего и высшего профессионального образования: реализация и диагностика // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 33–38.
2. Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации. URL: http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/srednee-professionalnoe-obrazovanie/normativnye-dokumenty/kontseptsiya-razvitiya-do-2017-goda-seti-sluzhb-mediatsii-v-tselyakh-realizatsii-vosstanovitelnogo-pravosudiya-v-otn.html.

3. Прокофьева Е.Н., Левина Е.Ю., Загребина Е.И. Диагностика формирования компетенций студентов вуза // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 297–801.
4. Профессиональный стандарт. Специалист в области медиации (медиатор). URL: http://arbitrage.spb.ru/pdf/Profstandart-mediatora.pdf.

Динамика удовлетворенности жизнью и личностных ресурсов у студентов с ОВЗ в условиях инклюзивного профессионального образования*

Александрова Л.А.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Dynamics of satisfaction with life and personality resources in disabled students during inclusive professional education

Alexandrova L.A.
National Research University "Higher School of Economics", Moscow

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов лонгитюдного исследования удовлетворенности жизнью и отдельных личностных ресурсов, таких как субъективная витальность, осмысленность жизни, жизнестойкость, толерантность к неопределенности и самоэффективность, у студентов с ОВЗ и их условно здоровых сокурсников в процессе получения ими профессионального образования в условия инклюзии.
Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, личностные ресурсы, инклюзивное профессиональное образование, студенты с ОВЗ.

Abstract. Article discusses the results of longitudinal study of satisfaction with life and personality resources such as subjective vitality, sense of life, hardiness, tolerance to ambiguity and self-efficacy in disabled students comparing to healthy ones during the process of inclusive professional training.
Keywords: satisfaction with life, personality resources, inclusive professional education, disabled students.

Инклюзивное профессиональное образование – это вызов равных возможностей, осознанно принимаемый молодым людьми с ограничен-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Исследование развития личности учащихся с ограниченными возможностями здоровья в условиях профессионального образования», № 13-36-01049.

ными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью. В ходе обучения они сталкиваются с множеством трудностей, как типичных для всех студентов, так и специфических, обусловленных имеющимися у них ограничениями [1]. М. Чиксентмихайи первым обратил внимание на соотношение способностей и задач как на фактор, влияющий на развитие [5], а, согласно подходу Д.А. Леонтьева, трудности могут выступать как источник развития [4], что особенно характерно для осознанно выбранных трудностей.

Этот тезис применительно к студентам с ОВЗ был доказан сотрудниками Лаборатории проблем развития личности лиц с ОВЗ ИПИО МГППУ, а также в процессе работы над проектом РГНФ, посвященным исследованию развития личности учащихся с ОВЗ в условиях профессионального образования (2013–2015 гг.) [1–3].

Данное исследование динамики удовлетворенности жизнью и личностных ресурсов студентов с ОВЗ является продолжением этой работы и основано на анализе данных лонгитюда, проводившегося на базе ИТ МГППУ и СПК МГППУ с 2009 по 2014 г. За этот период были получены данные двух срезов для 175 человек: 54 студентов с ОВЗ и 122 условно здоровых (УЗ) студентов, трех срезов для 72 человек: 14 студентов с ОВЗ и 58 УЗ студентов, данные 4 срезов для 25 человек (4 студента с ОВЗ и 21 УЗ студент).

Использованы следующие методы: шкала удовлетворенности жизнью SWLS Э. Динера и др. в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина (Diener et al., 1994; Осин, Леонтьев, 2008); шкала диспозиционной витальности Р. Райана и С. Фредерик в адаптации Л.А. Александровой (Ryan, Frederick, 1997; Александрова, 2014); тест смысложизненных ориентаций СЖО Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 1992); тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (Maddi, 2001; Леонтьев, Рассказова, 2006); шкала общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека (Шварцер и др., 1996), опросник толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой (McLain, 1993, Луковицкая, 1998).

При анализе достоверности различий между студентами с ОВЗ и УЗ студентами с использованием *t*-критерия Стьюдента обнаружено, что наиболее выраженные различия касались субъективной витальности и толерантности к неопределенности ($t = -2{,}4$, $p < 0{,}05$). Студенты с ОВЗ изначально имели более низкие показатели данных личностных ресурсов, однако при повторных срезах эти различия сгладились, перестав быть значимыми.

При детальном рассмотрении различий между срезами у УЗ и ОВЗ студентов было выявлено, что нивелирование различий происходит за счет различной динамики личностных ресурсов и удовлетворенности жизнью в процессе обучения. Хотя в обеих группах в отношении большинства ресурсов имеет место положительная динамика, однако она более выражена у студентов с ОВЗ. Так, при последовательном сравнении первого и последующих срезов было обнаружено, что у УЗ студентов значимые различия по личностным ресурсам отсутствуют, за исключением удовлетворенности жизнью, которая значимо выше в четвертом срезе ($t = –2,6$, $p < 0,05$). У студентов с ОВЗ между первым и вторым срезами достоверных различий также нет, однако они появляются при сравнении первого и третьего срезов, касаясь такой составляющей жизнестойкости, как принятие риска ($t = –2,2$, $p < 0,05$), и углубляясь к четвертому в отношении данного показателя ($t = –2,7$, $p < 0,05$), а также локуса контроля над жизнью ($t = –2,2$, $p < 0,05$).

Сравнение средних по срезам показало, что у студентов с ОВЗ положительную динамику от первого к четвертому срезу демонстрируют удовлетворенность жизнью, осмысленность жизни (в особенности локус контроля над жизнью), жизнестойкость, а также принятие риска. Субъективная витальность и самоэффективность, хоть и подвержены колебаниям от среза к срезу, в целом достаточно стабильны, а толерантность к неопределенности имеет тенденцию к снижению ближе к концу обучения. У УЗ студентов толерантность к неопределенности незначительно снижается, удовлетворенность жизнью существенно повышается в процессе обучения, зато остальные показатели относительно стабильны.

Далее был проведен корреляционный анализ данных всех четырех срезов, раздельно для УЗ и ОВЗ студентов. Остановимся на взаимосвязях, касающихся динамики рассматриваемых показателей ходе обучения. У студентов с ОВЗ от среза к срезу возрастают удовлетворенность жизнью ($r = 0,32$, $p < 0,05$), общая жизнестойкость ($r = 0,35$, $p < 0,05$) и принятие вызова жизни ($r = 0,42$, $p < 0,01$). У УЗ студентов в ходе совместного обучения существенно повышается только удовлетворенность жизнью ($r = 0,19$, $p < 0,01$).

Для сопоставления выраженности личностных ресурсов и выявления соотношения ресурсов в структуре личностного потенциала у студентов данные, полученные в первых двух срезах, были переведены в Z-шкалу (раздельно для данных УЗ и ОВЗ). На основе описательных статистик (mode, median) можно сделать вывод о том, что у студентов с ОВЗ

в структуре личностного потенциала изначально доминирует жизнестойкость (вовлеченность и контроль). Однако в дальнейшем (2 срез) она уступает место осмысленности жизни (в частности, осмысленности настоящего, прошлого и убежденности в способности контролировать себя и значимые события своей жизни). В то же время у УЗ студентов в первом срезе в структуре личностного потенциала доминируют осмысленность будущего и локус контроля над «Я», а во втором – осмысленность жизни в целом, будущего, а также локус контроля над «Я» и над жизнью.

Кроме того, были проанализированы взаимосвязи между удовлетворенностью жизнью и рассматриваемыми личностным ресурсами при повторных измерениях. Для этой цели анализировались взаимосвязи между показателями двух срезов. Было обнаружено, что удовлетворенность жизнью студентов с ОВЗ в первом срезе предсказывает выраженность личностных ресурсов во втором (от $p < 0,05$ до $p < 0,001$), за исключением толерантности к неопределенности. Аналогичная картина, но с еще более тесными корреляционными взаимосвязями (от $p < 0,01$ до $p < 0,001$) наблюдается у УЗ студентов, дополняясь личностным ресурсом толерантности к неопределенности.

При рассмотрении взаимосвязей между удовлетворенностью жизнью (2 срез) и личностными ресурсами (1 срез) было выявлено, что, у УЗ студентов они проявляются в отношении всех рассматриваемых ресурсов и находятся на уровне значимости от $p < 0,01$ до $p < 0,001$. У студентов с ОВЗ удовлетворенность жизнью в будущем предсказывается только уровнем выраженности жизнестойкости ($p < 0,01$), субъективной витальности ($p < 0,05$) и осмысленности жизни ($p < 0,05$) в прошлом.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) в процессе обучения имеет место положительная динамика рассматриваемых личностных ресурсов, более выраженная у студентов с ОВЗ, чем у УЗ студентов; 2) имеются различия в динамике личностных ресурсов у УЗ и ОВЗ студентов; 3) у студентов с ОВЗ изначально иная структура личностных ресурсов, нежели у УЗ студентов, однако в процессе обучения происходит выравнивание структуры личностного потенциала; 4) в ходе обучения различия в выраженности личностных ресурсов между УЗ и ОВЗ студентами сглаживаются; 5) удовлетворенность жизнью в ходе обучения растет и у тех, и у других; 6) удовлетворенность жизнью у УЗ и ОВЗ студентов зависит от развития разных личностных ресурсов, но предшествующий уровень развития этих ресурсов предсказывает удовле-

творенность жизнью в будущем и у тех, и у других. Все это позволяет утверждать, что в ходе получения профессионального образования в условиях инклюзии студенты с ОВЗ развиваются не только в профессиональном, но и в личностном плане. Профессиональное образование повышает их психологическую готовность к принятию вызовов жизни, в том числе вызова равных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Л.А., Бобожей В.В. Личностные ресурсы студентов с ОВЗ как фактор преодоления учебных трудностей // Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья : материалы II международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья», 12–13 декабря 2013 г. / под ред. А.М. Щербаковой. М., 2013. С. 31–36.
2. Александрова Л.А., Лебедева А.А., Бобожей В.В. Психологические ресурсы личности и социально-психологическая адаптация студентов с ОВЗ в условиях профессионального образования // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 1. С. 50–62.
3. Лебедева А.А. Субъективное благополучие лиц с ограниченными возможностями здоровья : дис. … канд. психол. наук. М., 2012.
4. Леонтьев Д.А. Развитие личности в норме и в затрудненных условиях // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 3. С. 97–106.
5. Чиксентмихайи М. В поисках потока. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 194 с.

Механизмы защиты и копинг-стратегии как психологические корреляты формирования аллостатической нагрузки у сотрудников УВД, участвовавших в боевых действиях

Алексеева А.М.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Psychological correlates of the formation of allostatic load in the military who participated in the fighting

Alekseeva A.M.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются результаты исследования влияния психологических защит, копинг-стратегий на формирование аллостатической нагрузки у военных до и после боевых командировок. Исследование проведено среди 90 военных сотрудников г. Томска. Ре-

зультаты могут быть применены при отборе военных сотрудников для выполнения очередного боевого задания, а также имеют практическую значимость в работе клинического психолога для выявления им терапевтических мишеней.
Ключевые слова: стресс, аллостаз, аллостатическая нагрузка, копинг-стратегии, психологические защиты.

Abstract. The article examines the results of research of influence of psychological protection, coping strategies to the shaping influence of allostatic load among the military before and after combat missions. The study was conducted among 90 militaries from Tomsk. The results can be applied in the selection of military personnel for the next combat mission, and also have practical significance in the work of the clinical psychologist to identify therapeutic targets.
Keywords: stress, allostasis, allostatic load, coping-strategies, psychological defense.

Участие военнослужащих в боевых действиях, выполнение профессиональных обязанностей в повседневной работе непосредственно связаны с риском для жизни и здоровья. Наиболее характерным психическим состоянием, развивающимся под влиянием экстремальных условий жизни, является стресс. Известно, что под воздействием стрессовых условий в организме выделяются так называемые «гормоны стресса», которые помогают преодолеть стрессовую ситуацию и восстановить нормальное состояние организма. Однако при избытке этих гормонов или при их выработке уже после прекращения воздействия стресс-факторов нормализация функций организма не наступает. В этом случае исследователи говорят о формировании аллостатической нагрузки (allostatic load), которая рассматривается как результат избыточной реакции на стресс, ведущий к преждевременному изнашиванию организма человека. Понятия «аллостаз» и «аллостатическая нагрузка» были предложены в 1993 г. докторами Стеллар и Эвен из Йельского университета. Аллостаз буквально означает «достижение стабильности через изменения». Термин «аллостаз» относится к активному процессу, при помощи которого организм отвечает на ежедневные события и поддерживает гомеостаз [1]. На сегодняшний день выделено несколько факторов, которые связаны с накоплением аллостатической нагрузки: генетический фактор [2], пренатальный стресс, стресс-модулирующая функция матери в постнатальный период [3], скука, социальный статус человека, в частности бедность, пролонгированное воздействие психотравмирующих стрессоров в контексте боевых действий [4] и т.д. Можно констатировать, что эти

понятия достаточно «молодые» и в основном исследуются за рубежом. Изучению психологических коррелят формирования аллостатической нагрузки как фактора, снижающего профессиональное долголетие лиц «экстремальных профессий», практически не уделялось внимания в современных отечественных исследованиях. Целью работы явилось определение психологических коррелят формирования аллостатической нагрузки у сотрудников УВД, выполнявших служебные задания в зоне боевых действий.

В исследовании принимали участие 90 сотрудников УВД. Возраст испытуемых варьирует от 23 лет до 41 года, все респонденты мужского пола. Были выделены три группы респондентов по количеству служебных командировок: 1-я группа – 1–2 командировки, 2-я группа – 3–4 командировки, 3-я группа – 5 и более командировок. Методы исследования: биохимический анализ на выявление гормонов стресса; психодиагностические методики: опросник Келлермана–Плутчика – методика «Индекс жизненного стиля», а также копинг-тест Лазаруса. При статистической обработке применялись непараметрические методы: критерий знаковых рангов Вилкоксона и непараметрический критерий для «К» независимых выборок Краскела–Уоллиса. При математической обработке результатов исследования применялась программа статистической обработки данных STATISTICA: программный пакет для статистического анализа, разработанный компанией StatSoft.

Результаты. Результаты биохимического анализа показали, что до выезда в служебные командировки уровень гормонов стресса у 38,89% респондентов соответствует показателю острого стресса, переходное состояние (граничит с нормой и сбалансированной патологией) определено у 24,44% респондентов, сбалансированная патология характерна для 11,11%, состояние хронического стресса выявлено у 5,56% респондентов. Норма характерна для 20% респондентов. Повторный срез биохимического анализа после служебных командировок показал следующие изменения: у 36,67% респондентов отмечались показатели острого стресса, переходное состояние выявлено у 21,11%, на сбалансированную патологию указывали результаты анализов 25,56% респондентов, показатели хронического стресса не были отмечены в результатах анализов респондентов после участия в служебных командировках. Показатели нормы снизились до 16,67%. Результаты по группам показали, что у респондентов 1-й и 2-й групп преобладает состояние ОС, снижается количество респондентов с переходным состоянием и в два раза чаще встречаются респонденты с показателем сбалансированной патологии. Большинство

респондентов 3-й группы находятся в переходном состоянии от нормы к сбалансированной патологии, а также в этой группе, по сравнению с другими, значительно уменьшилось количество испытуемых с показателем состояния «норма». На основании этих данных можно говорить о некоторой динамике биологических изменений, указывающих на формирование аллостатической нагрузки у некоторых респондентов.

Следующий этап исследования предполагал выявление возможных психологических коррелят аллостатической нагрузки. Анализ полученных результатов по защитным механизмам свидетельствует о том, что для большинства респондентов выборки характерно использование таких механизмов психологической защиты, как «отрицание» и «интеллектуализация», в меньшей степени они прибегают к механизму «замещение». Статистически значимых различий до и после командировок не выявлено. Можно говорить о том, что боевые командировки не влияют на психологические защиты, которые используют военные. Показатели общей напряженности защит (ОНЗ), свидетельствующие о наличии у респондентов внутренних конфликтов, указывают, что процент таких респондентов несколько увеличился после командировок с 3,33 до 4,44%. Наибольшее количество респондентов данной выборки имеет показатель ОНЗ в интервале ниже нормы, что указывает на хорошие способности к саморегуляции у доминирующего большинства респондентов. По результатам статистической обработки удалось выявить уровень асимптотической значимости в виде тенденции (p = 0,058) до командировок по механизму защиты «реактивные преобразования» у испытуемых группы 3, а также выявлена высокая асимптотическая значимость (p = 0,03) по защитному механизму «интеллектуализация» после командировок в 1-й группе испытуемых.

Статистический анализ по копинг-стратегиям позволил выделить несколько шкал с высоким средним значением как до, так и после командировок, такие как «планирование» (13,18 ± 3,945), «самоконтроль» (11,21 ± 4,526). Это говорит о том, что военные преодолевают негативные переживания за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, обладая при этом высоким контролем поведения, а также преодолевают проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения. При обработке теста по суммарному баллу именно эти шкалы попадают в интервал высокой напряженности. Выраженность данных стратегий отражает специфику профессиональной деятельности и полностью ей соответствует, что не может быть квалифици-

ровано как «дезадаптивное проявление». Данные стратегии в сочетании с возможностями гибкого использования «поиска социальной поддержки» и «положительной переоценки» образуют высокий уровень готовности многих респондентов к эффективному совладанию. По результатам статистического анализа было выявлена высокая асимптотическая значимость ($p < 0{,}001$) по такой копинг-стратегии, как «конфронтация». В результате анализа статистических таблиц была выявлена асимптотическая значимость ($p = 0{,}05$) копинг-стратегии «дистанцирование». На этапах до и после командировок данная стратегия чаще используется респондентами 1-й группы. С увеличением количества посещений горячих точек копинг-стратегия «дистанцирование» используется военными реже. Установлено, что респонденты в состояниях нормы, острого и хронического стресса до командировок используют чаще такие стратегии совладания, как «планирование» и «самоконтроль». Респонденты, которым соответствуют состояние сбалансированной патологии и переходное состояние, чаще используют «планирование» и «положительную переоценку». Испытуемые в состоянии «норма» как до командировок, так и после в равной степени используют такую копинг-стратегию, как «поиск социальной поддержки», при этом им не свойственна стратегия «конфронтации». Для респондентов, чье состояние характеризуется как сбалансированная патология и переходное состояние, в меньшей степени характерна стратегия «поиска социальной поддержки». Испытуемые в состоянии острого стресса после командировок чаще начинают обращаться к поиску социальной поддержки.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы, носящие гипотетический характер.

1. Накопление аллостатической нагрузки в условиях 1–2, а также 3–4 служебных командировок может проявляться в том, что эти группы военных как до, так и после ЧС продолжают находиться в состоянии острого стресса. В случаях более 5 выездов для большинства военных аллостатическая нагрузка соответствует переходному состоянию до ЧС, а после выполнения боевого задания стресс на уровне сбалансированной патологии. Мы можем предполагать, что частота выездов задает тенденцию к переходу в СПБ. Возможно, критический период накопления аллостатической нагрузки начинается примерно от 5–6 командировок.

2. Можно сделать предположение о том, что накопление аллостатической нагрузки связано как с увеличением количества служебных выездов, так и с психологическими ресурсами совладания.

3. Военные, которые многократно выезжают в служебные командировки, чаще прибегают к реактивным преобразованиям, в то время, как военные, которые находились в командировках 1–2 раза, чаще прибегают к интеллектуализации. Военнослужащие с меньшим количеством выездов в служебные командировки склонны использовать дистанцирование как стратегию совладания как до, так и после командировок. После выездов в служебные командировки значимо снижается частота использование копинг-стратегии «конфронтация» во всех группах респондентов.

4. Испытуемые с биохимическим показателем стресса «норма» как до служебных командировок, так и после чаще используют такую копинг-стратегию, как «поиск социальной поддержки», и при этом практически не используют копинг-стратегию «конфронтация».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочетков Я.А. Маркеры гормонального баланса при депрессивных расстройствах : дис. ... канд. биол. наук. М., 2009. 139 с.
2. McEwen B.S. Protective and damaging effects of stress mediators // N Engl J Med. 1998. № 338. P. 171–179. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-148530.html (дата обращения: 22.03.14).
3. Тишевская И.А. Психическое развитие младенца с позиций аллостатической парадигмы адаптации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 17 (193).
4. Темпы биологического старения и маркеры аллостаза у ветеранов афганского конфликта с ранними формами хронической ишемии мозга / Д.Ш. Альтман [и др.] // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2012. № 3 (85). Ч. 2.

Исходные практически значимые проблемы психологии супружеского конфликта

Атемасов А.В.

Московский государственный университет дизайна и технологии, Москва

The starting practically important problems of psychology of matrimonial conflicts

Atemasov A.V.

Moscow State University of Design and Technology, Moscow

Аннотация. В статье выделяются и обосновываются ключевые психологические проблемы супружеского конфликта как исходно значимые для

духовного благополучия семьи. Рассматриваются конфликты разных типов (конструктивные и деструктивные) и форм (открытой и скрытой) между супругами. Предлагаются основные правила профилактики деструктивных конфликтов.
Ключевые слова: семья, супружество, психология, конфликты конструктивные и деструктивные, профилактика деструктивных конфликтов.

Abstract. The article consider select and prove the more important psychological problems of matrimonial conflict as starting for inward welfare of family. Consider conflicts of various types (construction and destruction) and forms (open and close) between husband and wife. Propose basic rule of prophylactic of destruction conflicts.
Keywords: family, matrimony, psychology, conflicts construction and destruction, prophylaxis of destruction conflicts.

В настоящее время все больше осознается ценность создания не любой семьи, а только благополучной. Но при этом часто делается акцент на ее материальном благополучии. Вместе с тем едва ли не в большинстве случаев недооценивается значение нравственно-психологических основ организации семьи, что сплошь и рядом приводит к распаду браков.

Общеизвестно, что ядром семьи является супружество; значит, с его нормализации и надо начинать. От того, насколько благополучным – прежде всего, психологически – оно будет, во многом зависит и духовно-нравственное благополучие семьи в целом. В свою очередь, существенным показателем нравственно-психологического благополучия брака служит характер конфликтов между супругами.

Понятие конфликта в разных источниках трактуется по-разному: внимание акцентируется на разных его сторонах и аспектах. Однако все авторы сходятся в том, что конфликт – это столкновение противоположно направленных тенденций, сопровождаемое острыми эмоциональными переживаниями. Такая трактовка конфликта в пределах рассматриваемых в данной статье вопросов представляется достаточной.

Бесконфликтные отношения между супругами вряд ли вообще возможны. Однако важен дифференцированный подход к пониманию конфликтов: не все они играют непременно отрицательную роль, поскольку различаются разные их типы [1, 5]. Конфликты конструктивного типа могут быть даже полезными и способствовать прогрессивному развитию личности каждого супруга, росту взаимопонимания между ними и в результате – позитивному развитию супружеских отношений. Этого нельзя сказать о конфликтах деструктивного типа, при которых, например, каж-

дая сторона или одна из сторон постоянно отстаивает справедливость своей позиции, притом нередко вопреки здравой логике и даже в глубине души понимая свою неправоту. Подобные ситуации часто возникают в борьбе за лидерство – откровенное или завуалированное. Возникает такая борьба из-за отсутствия должного осознания того, что при подлинно психологически благополучном супружестве единоличного лидерства во всех вопросах быть не может: в действительности одна сторона лучше разбирается в чем-то одном, другая – в другом, в зависимости от знаний, умений, навыков и способностей в том или ином конкретном деле или вопросе.

Важно различать и то, в какой форме происходят конфликты – открытой или скрытой. Неоспоримое преимущество открытой формы состоит в том, что стороны знают о конкретных разногласиях между собой и потому могут их учесть. При скрытой форме супруги о них могут даже не догадываться, что угрожает образованием «снежного кома», когда недовольства накапливаются, суммируются и, согласно известному философскому закону перехода количественных изменений в качественные, могут «прорваться». Тут многое зависит от длительности терпения у критикуемых партнеров: одни из них могут «смиряться» надолго и даже на всю жизнь, не помышляя о разводе, другие изо всех сил стараются терпеть, порой даже не подавая вида, но в итоге их терпение «лопается».

Деструктивная конфликтогенность – в широком смысле – возникает по ряду причин. Среди них – непонимание того, что в межличностных, а тем более супружеских, конфликтах полной правоты одной из сторон, как правило, не бывает, в чем-то виновата каждая сторона. Не обязательно «сиюминутно» – вина может иметь место как в настоящем, так и в прошлом. При этом доля вины каждой стороны тоже может быть различной, но она есть непременно. Важными причинами деструктивных конфликтов часто являются негативные качества личности: высокомерие, эгоизм, изворотливость, недобросовестный подход к анализу конфликтных ситуаций, дефицит рефлексии, самокритичности, адекватной оценки собственных поступков, упрямое нежелане разобраться в конфликте и увидеть свою вину. Наличием этих негативных качеств и объясняются нескончаемые попытки во что бы то ни стало (а нередко и любой ценой, и даже умышленно вопреки вполне осознаваемым фактам) отстоять свои намерения или свою точку зрения, неуступчивость, отсутствие подлинного стремления к поиску такого решения споров, которое устраивало бы обе стороны, нежелание выслушивать другую сторону и вникать в суть разногласий.

Конструктивные конфликты совсем иные по своей природе, сути и направленности. В них партнеры ищут общие, сходные позиции в главном и, опираясь на них, искренне пытаются найти пути решения вопросов, устраивающие обоих, без ущемления существенных интересов каждой стороны. Партнеры внимательно прислушиваются к доводам друг друга, корректируя при этом собственные взгляды, намерения и действия.

Как известно, любую болезнь, в том числе социальную и личностно-психологическую, значительно легче предупредить, чем вылечить. Поэтому особая роль отводится не столько преодолению уже существующих и «укоренившихся» деструктивных конфликтов, сколько их заблаговременному предупреждению, профилактике. С этой целью автором были разработаны программа и методические рекомендации по курсу психологии брака и семьи [2], основополагающие темы которого в переработанном виде вошли в предложенный позднее автором более глобальный инновационный спецкурс «Экология личности» [4].

Из вышеупомянутых деструктивно конфликтогенных факторов можно вывести следующие основные правила психологической культуры поведения в конфликтных ситуациях:

- В любом конфликте не считать себя полностью правым.
- В ходе диалога не перебивать другую сторону, внимательно слушать ее доводы с целью максимально возможного уяснения и уточнения сути разногласий.
- Не расширять поле конфликта – предмет спора, его границы; говорить только о самом разногласии.
- Сдерживать эмоции, не унижать другую сторону и не провоцировать ее на грубость.
- Честно и самокритично оценивать собственные взгляды, высказывания и поступки.
- Поставить себя на место другой стороны, посмотреть на ситуацию ее глазами.
- Активно, добросовестно и доброжелательно искать выход, устраивающий обе стороны.

Казалось бы, перечисленные правила элементарны и широко известны. Но беда в том, что, зная о них, мы далеко не всегда их соблюдаем на деле (свидетельством чему являются даже многие транслируемые по телевидению политические дискуссии). Эти простые правила необходимо тщательно прививать с детства, они должны войти в привычку, стать обязательными, сформировать любовь к культуре общения и осознанию

ценности общей культуры личности – только при этом условии они смогут играть профилактическую роль в предотвращении деструктивных конфликтов.

Многие вопросы профилактики деструктивных супружеских конфликтов упираются в проблему межличностной совместимости партнеров. Однако эта проблема чрезвычайно широка и многогранна, а степень всесторонней совместимости личностей выявить и вовсе вряд ли возможно: если одна отдельно взятая личность настолько многогранна, что представить всю совокупность ее свойств и качеств – дело проблематичное, то определить совместимость личностей – задача еще более сложная. Автором была предпринята попытка разработать методику определения бытовой совместимости будущих супругов [3], но бытовая совместимость – лишь незначительная часть межличностной совместимости в целом. Проблема межличностной совместимости требует отдельного и подробного рассмотрения.

И последнее замечание, хотя по своему значению оно должно быть первым, изначально важным. Мы очень многого не знаем о современных супружеских конфликтах, особенно отечественных. Если во времена СССР супружеские конфликты все-таки изучались (что отражено, например, в работах В.А. Сысенко), то в последние десятилетия из-за сложностей в развитии российской науки они почти не исследуются. Необходимо возобновить их фактическое научное изучение, поскольку умозрительные теоретические рассуждения, лишенные опоры на экспериментальные данные – психологически грамотно поставленные и проведенные исследования, – явно не лучшая основа для развития науки и объективных плодотворных выводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология : учебник для вузов. 5-е изд. СПб. : Питер, 2013. 512 с.
2. Атемасов А.В. Психология брака и семьи : рабочая учебная программа и методические рекомендации по курсу. Балашиха : Институт бизнеса, права и информационных технологий, 2003. 19 с.
3. Атемасов А.В. Прогностическая методика для определения бытовой совместимости у будущих супругов // Сборник научных работ Московского экономико-лингвистического института. М. : НОУ МЭЛИ, 2004. Вып. 3. С. 112–114.
4. Атемасов А.В. Экология личности : программа и методические рекомендации к спецкурсу для студентов вузов и учащихся средних специальных учебных заведений. М. : Педагогическое общество России, 2013. 48 с.
5. Дмитриев А.В. Конфликтология : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2000. 320 с.

Социально-психологические страхи выпускников

Барканова А.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Social-psychological fears of graduates

Barkanova A.V.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье анализируется проблема социально-психологических страхов в контексте продуктивности завершающего этапа образования выпускников высшей школы. Предполагается, что социально-психологические страхи выпускников взаимосвязаны с успешным написанием и защитой выпускной квалификационной работы. Делается попытка теоретического изучения данной проблематики с целью дальнейшего выхода на эмпирическое исследование социально-психологических страхов выпускников высшей школы.
Ключевые слова: социально-психологические страхи; выпускные квалификационные работы; эффективность деятельности; классификация страхов.

Abstract. This article is devoted to analysis of the social-psychological problem of fears in the context of the efficiency of closing stage in education of university graduates. It's believed that social-psychological fears of graduates are connected with successful writing and graduation thesis defensing. There is an attempt of theoretical studying the problematics with the purpose of the future lead to empirical research social-psychological fears of graduates.
Key words: social-psychological fears; graduation thesis; activity efficiency; classification of fears.

Проблема страха является одной из актуальных проблем психологического знания и уже долгое время привлекает интерес исследователей, поскольку страх может держать человека в постоянном напряжении, порождать неуверенность в себе и не позволять личности реализоваться в полную силу. Он сковывает активность человека, а в отдельных случаях буквально парализует его; при длительном действии тревоги и страха в организме могут возникнуть и развиться различные психосоматические болезни [5].

По словам Рушель Блаво (Блаво, 2011), страхи часто встают на пути у начинаний, буквально тормозят человека на пути к выбранной цели, не позволяя сбыться мечтам и оправдаться надеждам; страхи заставляют

выбирать дороги (дороги и в переносном смысле, и в прямом), которые в итоге оказываются слишком долгими, либо слишком трудными, либо вовсе не имеющими конца; страхи приводят к недугам и хворям самого разного характера, потому что диктуют организму свои правила: к примеру, выключиться в тот момент, когда от организма требуется громадная доля ответственности и самоотдачи. В результате получается, что очень многое из того, чего человек хочет добиться, оказывается недостижимым по причине именно страхов (Блаво, 2011). И это свойственно выпускникам в период написания и защиты выпускных квалификационных работ.

Чтобы идти работать по своей профессии, заниматься тем, что на самом деле тебе интересно, нужно понять, насколько сильно страх влияет на нарушение всех этих планов, в том числе через оценку эффективности написания и защиты своей выпускной квалификационной работы. Это определяет необходимость выяснить механизмы страха в таких ситуациях и найти способы его преодоления.

В данной статье делается попытка теоретического изучения проблемы социально-психологических страхов у выпускников ВУЗов, что позволит выйти к исследованию этой проблемы и выработке соответствующих практик, поскольку именно страхи могут не позволить студентам-выпускникам в последующем активно адаптироваться к тем социальным условиям, которые требуют от них максимального проявления профессиональных и личностных качеств, обеспечивающих продуктивное освоение профессиональной деятельности.

Понятие «страх» можно отнести к понятиям иррационального плана, и поэтому дать четкое, однозначное его определение представляется затруднительным [1]. Однозначным в его изучении является лишь то, что страх – это эмоциональное состояние живого существа. А.Ф. Чернавский в своем системном исследовании страха пишет, что страх может быть рассмотрен как совокупность эмоциональных реакций (психических процессов), эмоциональных проявлений (психических состояний) и личностных качеств (психических свойств). По его мнению, состояние страха понимается как целостное психическое проявление, характеризующееся тем или иным уровнем интенсивности угрозы или опасности. Это состояние всегда причинно обусловлено, носит временный характер, оказывает влияние на деятельность и жизнедеятельность индивида [4].

В своей книге «Психология страха» Юрий Щербатых описывает некоторые механизмы возникновения страха. К ним он относит страх непо-

нятного, страх неизвестности (страх перед будущим), страх, питающий сам себя, неотвратимость (страх обреченных), страх распаленного воображения, страх непредсказуемости, амбивалентный страх («и хочется, и колется»), механизмы формирования навязчивых страхов (фобий) [5].

Страх могут вызывать различные причины и механизмы, начиная явной видимой опасностью и заканчивая личностными особенностями человека. Так, К. Изард подразделяет причины страха на внешние (внешние процессы и события) и внутренние (влечения и гомеостатические процессы, т.е. потребности, и когнитивные процессы, т.е. представление человеком опасности при воспоминании или предвидении) (Изард, 2006).

А.С. Зобов же все опасности, вызывающие страх, разделил на три группы: 1) реальные, объективно угрожающие здоровью и благополучию личности; 2) мнимые, объективно не угрожающие личности, но воспринимаемые ею как угроза благополучию; 3) престижные, угрожающие поколебать авторитет личности в группе [1].

Для постановки проблемы социально-психологических страхов очень важна классификация видов страхов. Существует огромное количество классификаций страхов в отечественной и зарубежной психологии.

Одним из первых в России (в 1927 г.) предпринял попытку дифференцировать разные виды страха психолог и психиатр Н.Е. Осипов [1]. Он описал такие понятия, как страх, жуть, ужас, боязнь.

В популярной энциклопедии Юрия Щербатых «Психология страха» все страхи разбиты на три группы: природные, социальные и внутренние. Природные страхи непосредственно связаны с угрозой жизни человека, социальные страхи – с боязнью и опасениями за изменение своего социального статуса, внутренние страхи рождены лишь сознанием человека и не имеют под собой реальной основы беспокойства [5].

Другие психиатры, например Б. Сэдок и Г. Каплан, предпочитают делить страхи на конструктивные, представляющие естественный защитный механизм, который помогает лучше приспособиться к экстренной ситуации, и патологические. Последние являются неадекватным ответом на определенный стимул по интенсивности или длительности и часто приводят к ситуации психического нездоровья.

Для того чтобы лучше понять структуру социально-психологических страхов, необходимо рассмотреть их в классификациях как один из видов страха. Так, Юрий Щербатых в своей работе говорит о том, что постепенно происходит замещение биологических страхов на социальные. По его мнению, социальные страхи могут вытекать из биологических, но

всегда имеют специфический социальный компонент, который в них выходит на первое место, оттесняя более примитивные факторы выживания [5]. Он описывает несколько видов социальных страхов. Это такие страхи, как страх ответственности, страх перед экзаменами, застенчивость, страх оценки окружающих, боязнь провала, боязнь критики и боязнь успеха.

А.И. Захаров предлагает классификацию страхов на природные и социальные. По его исследованиям подростков 10–16 лет выявлено явное преобладание природных страхов в 10–12 лет и социальных – в последующие годы, с максимальным нарастанием в 15 лет [1]. То есть исследования А.И. Захарова подтверждают мнение Ю. Щербатых о том, что социальные страхи постепенно заменяют природные (у А.И. Захарова) и биологические (у Ю. Щербатых).

Социальные страхи, по мнению С.Ю. Мамонтова [2], основываются на неуверенности личности в собственных возможностях и достоинствах, они всегда подразумевают боязнь того, что посторонние могут оттолкнуть, осудить, обидеть.

Анализ социальных страхов как одного из видов страха различными авторыми показал, что именно в них явно прослеживается угроза социальному статусу человека. В свою очередь эта угроза социальному статусу есть угроза безопасности человека, поскольку оказывает влияние на его здоровье.

Теоретический анализ проблемы социально-психологических страхов определяет необходимость их изучения, а также выявления их взаимосвязи с результативностью выпускных квалификационных работ как на уровне подготовки, так и на уровне презентации.

Мы исходим из предположения о том, что социально-психологические страхи могут сопровождать образовательный этап выпускника в высшей школе в период написания и защиты выпускной квалификационной работы и влияют на результативность этих работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорофеева Г.А. Страхи: определение, виды, причины // Известия Южного федерального университета. 2002. Т. 25, вып. 5. С. 177–184.
2. Миниярова В.А. Особенности проявления страхов у студентов с различным социально-психологическим типом личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2006. 21 с.
3. Устинова А., Левченко Е.В. Взаимосвязь представлений о страхе, особенностей межличностных отношений и характеристик любви у студентов // Человек в мире. Мир в чело-

веке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (20–22 октября 2010 г.) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. С. 334–338.
4. Чернавский А.Ф. Системное исследование страха : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2008. 26 с.
5. Щербатых Ю.В. Психология страха : популярная энциклопедия. М. : Эксмо, 2005. 512 с.

Субъективное оценивание реализуемости базисных ценностей в городской среде вузовской молодежью из двух сибирских городов*

Богомаз С.А.[1], Мартынова М.А.[2]
[1]*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск*
[2]*Лесосибирский педагогический институт (филиал Сибирского федерального университета), Лесосибирск*

Subjective evaluation by youth of the feasibility of basic values in an urban environment of two Siberian cities

Bogomaz S.A.[1], Martynova M.A.[2]
[1]*Tomsk State University, Tomsk*
[2]*Lesosibirsk Pedagogical Institute (branch of Siberisn Federal University), Lesosibirsk*

Аннотация. В статье приведены результаты исследования специфики восприятия городской среды вузовской молодежью из двух сибирских городов (Лесосибирск, Томск). Особенности восприятия городской среды молодыми людьми были определены на основе их субъективных оценок реализуемости базисных ценностей в городской среде. При обработке полученных данных с помощью факторного анализа были выделены три фактора, отражающие характер восприятия городской среды вузовской молодежью и возможные варианты ее поведения в ней.
Ключевые слова: восприятие, базисные ценности, субъективное оценивание реализуемости базисных ценностей, город, городская среда, вузовская молодежь.

Abstract. The article presents the results of research on the perception of the urban environment of high school youth in two Siberian cities (Lesosibirsk,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Психологические факторы средовой самоидентичности», № 15-06-10803.

Tomsk, Russia). Features of perception of the urban environment young people were identified on the basis of their subjective evaluations of the feasibility of basic values in the urban environment. When processing the received data using factor analysis we identified three factors that reflect the nature of perception of the urban environment of high school youth and possible behavior in it.
Keywords: perception, basic values, subjective assessment of the feasibility of basic values, city, urban environment, high school youth.

Современная вузовская молодежь является основной движущей силой развития общества, и именно для этой социальной группы в настоящее время характерно стремление переехать в более крупные города, потенциал которых, с ее точки зрения, достаточно высок для личностно-профессионального развития. Однако поведение человека в городской среде определяется не только веером имеющихся в ней возможностей, но и характером его оценки условий города. При этом потенциал городской среды можно определить на основе того, насколько она позволяет человеку реализовать наиболее значимые для него базисные ценности. Именно «видение» в условиях города возможностей для претворения в жизнь этих ценностей, а не их богатство само по себе, стимулирует человека к развитию [1, 3, 4].

В связи с этим нами было проведено исследование субъективного оценивания реализуемости базисных ценностей в городской среде вузовской молодежью. В нем приняли участие студенты старших курсов, магистранты, аспиранты из двух сибирских городов – Лесосибирска (Красноярский край) и Томска. Выбор именно этих городов обусловлен тем, что исторически в них сложились разные социокультурные условия. Общая численность выборки составила 473 чел. (214 чел. – из г. Лесосибирска, 259 чел. – из г. Томска). Средний возраст испытуемых – 22,74 ± 2,61 года. Для сбора эмпирических данных была использована методика «Субъективное оценивание реализуемости базисных ценностей» (автор С.А. Богомаз; далее – методика СОРБЦ) [2]. Полученные данные были обработаны с помощью методов описательной статистики, факторного анализа (метод главных компонент с последующим вращением по типу Varimax-normalized) и расчета *t*-критерия Стьюдента.

По мнению вузовской молодежи, проживающей в двух сибирских городах, созданные в них условия являются вполне благоприятными для личностно-профессионального развития (n = 473, суммарный индекс по методике СОРБЦ = 5,27 ± 1,03 балла). С большей долей вероятности в среде обоих городов могут быть реализованы базисные ценности «лю-

бить и быть любимым» (6,20 ± 1,35 балла), «иметь благополучную семью» (6,05 ± 1,34 балла) и «быть справедливым» (5,79 ± 1,43 балла). Напротив, определенные трудности, по мнению молодежи, можно встретить в городских условиях при претворении в жизнь таких ценностей, как «стать известным и знаменитым» (4,36 ± 1,67 балла), «быть материально обеспеченным» (4,41 ± 1,94 балла) и «иметь власть» (4,71 ± 1,59 балла). Следует отметить, что величина стандартного отклонения для базисных ценностей «быть материально обеспеченным» (4,41 ± 1,94 балла), «быть уникальным и оригинальным» (4,82 ± 1,88 балла) и «иметь хорошую работу» (4,95 ± 1,88 балла) является достаточно большой по значению. Следовательно, молодые люди из двух сибирских городов наименее единодушны в оценивании городских условий с точки зрения наличия в них возможностей для реализации этих ценностей. Также установлено, что значимые различия между подгруппами из Лесосибирска и Томска прослеживаются в отношении субъективного оценивания реализуемости большей части базисных ценностей и суммарного индекса по методике СОРБЦ (t = 6,87 при p = 0,000). Получается, что исторически сложившиеся в г. Лесосибирске социокультурные условия не являются подходящими в полной мере для личностно-профессионального развития, не отличаются богатством и разнообразием. Однако такие ценности, как «любить и быть любимым» и «быть справедливым», могут быть успешно реализованы в условиях обоих сибирских городов.

В ходе факторного анализа, основой для проведения которого выступили значения субъективных оценок реализуемости 20 базисных ценностей в городской среде всеми участниками исследования (n = 473), были выделены 3 фактора, суммарная доля дисперсии равна 55,9%. Каждый из факторов представляет собой объединение субъективных оценок нескольких близких друг к другу базисных ценностей, поэтому они могут быть охарактеризованы как метаценности (метапотребности), по аналогии с определением понятия метаценностей, предложенного А. Маслоу, т.е. как высшие аспекты жизни, достигаемые самоактуализирующимися людьми и включающие в себя такие ценности, как истина, добро, красота, справедливость и совершенство [3, 4].

В состав первого фактора со значимыми факторными нагрузками вошли следующие базисные ценности: «любить и быть любимым» (0,754), «быть справедливым» (0,721), «иметь благополучную семью» (0,718), «быть примером для других» (0,670) и «самоутвердиться в жизни» (0,621). Этот фактор объясняет 18,3% выделенных в данной выборке раз-

личий. Он был обозначен нами как метаценность построения отношений с другими людьми. Следует отметить, что в этом факторе объединены базисные ценности, которые находятся в верхней части иерархии ценностей, построенной как в отношении выборки в целом, так и в отношении подгрупп из отдельных городов. Примечательно, что молодые люди придерживаются мысли о том, что построение близких, доверительных отношений с другими людьми, соблюдение принципа справедливости в ходе общения позволят приблизиться к тому, чтобы самоутвердиться в жизни.

Второй фактор включает в себя потребности в том, чтобы «стать свободным» (0,767), «достичь поставленной цели» (0,682), «быть уникальным и оригинальным» (0,656), «быть уважаемым» (0,649), «все знать о мире» (0,590) и «быть материально обеспеченным» (0,546). Доля дисперсии, объясняемая этим фактором, равна 16,8%. Содержание этого фактора позволяет зафиксировать метаценность стремления к успеху, достижения престижного положения. При этом в двух сибирских городах реализация этой метаценности сопряжена с обретением материальной обеспеченности, получением всесторонних знаний о мире, раскрытием собственной индивидуальности, проявлением настойчивости и целеустремленности, приобретением уважительного отношения со стороны других людей и достижением подлинной свободы. Удивительно, но достижение обеспеченности в материальном плане в данном случае не связано с самореализацией в профессиональной сфере.

В третьем факторе доля дисперсии составляет 20,8%. Он объединяет в себе такие ценности, как «иметь хорошую работу» (0,800), «достичь успехов в профессии» (0,688), «достичь успехов в карьере» (0,684), «иметь власть» (0,624), «стать известным и знаменитым» (0,597), «жить полной жизнью» (0,572) и «найти смысл жизни» (0,530). Этот фактор был обозначен нами как метаценность самореализации в профессии. В нем оказалось несколько базисных ценностей (ценность «стать известным и знаменитым», ценность «иметь власть»), которые определены как реализуемые в меньшей степени и в выборке в целом, и в подгруппах из отдельных городов. Однако, по мнению молодых людей, реализация этих ценностей сопряжена с обретением смысла жизни и достижением успехов в профессиональной сфере. Получается, что если молодые люди знают, к чему стремятся в жизни, и стараются проживать ее в полной мере, то они, скорее всего, будут прилагать усилия для достижения успехов в профессии, а это может обеспечить возможность влиять на жизненные события и способствовать достижению известности.

Следует отметить, что если в условиях города созданы возможности для реализации той или иной метаценности, то целая группа базисных ценностей будет претворена в жизнь. При этом если потенциал городской среды достаточен для удовлетворения одной или нескольких потребностей из этой группы, то косвенно их реализация будет способствовать воплощению в жизнь и других. Кроме того, можно предположить, что каждый из факторов отражает одну из перспектив личностно-профессионального развития, которая формируется в условиях городской среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомаз С.А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. М. : Институт психологии РАН, 2008. С. 262–297.
2. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
3. Микляева А.В., Румянцева П.В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб. : Речь, 2011. 160 с.
4. Смолова Л.В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой. СПб. : Речь, 2008. 379 с.

Имплицитные теории и разные виды интеллекта: анализ взаимосвязи на примере студенческой выборки*

Будакова А.В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Implicit theories and different types of intelligence: analysis of the relationship on the example of a student sample

Budakova A.V.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. Исследование посвящено изучению связи между имплицитными теориями интеллекта и разными видами интеллекта (абстрактно-

* Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

логическим, социальным и эмоциональным интеллектом). Исследование проведено с участием 85 молодых людей. Результаты показывают, что с ростом интеллекта растет убежденность в невозможности развивать личность. Показано, что на уровне тенденции эмоциональный интеллект положительно связан с теориями о возможности развивать интеллект и личность.
Ключевые слова: имплицитные теории, абстрактно-логический интеллект, социальный интеллект, эмоциональный интеллект.

Abstract. The study investigates the relationship between implicit theories of intelligence and different types of intelligence. The study was conducted with the participation of 85 young people. The results show that with the growth of intelligence is growing assurance that people can't develop the personality. It is shown that as the trend emotional intelligence is positively associated with theories about the possibility of developing intelligence and personality.
Keywords: implicit theories, Summary-logical intelligence, social intelligence, emotional intelligence.

В современной научной литературе все больше возрастает интерес к изучению интеллектов разных видов, что не удивительно, поскольку интеллект является одной из ключевых характеристик, способствующих успешности, профессиональным и личностным достижениям людей, а также ведущим критерием разных видов селекции в современной реальности (кадровой, межличностной, статусной и т.д.).

Одним из аспектов изучения интеллектуальных феноменов являются имплицитные теории интеллекта, считающиеся важными факторами мотивации достижений человека [1, 3]. Имплицитные теории отражают представления людей о том, что интеллект и личность могут развиваться и изменяться с течением времени и под воздействием разных обстоятельств. По результатам исследований, люди, уверенные в том, что интеллект и черты личности поддаются изменениям, более настойчивы, не склонны избегать препятствий в процессе обучения, стремятся к саморазвитию. Напротив, сторонники теории стабильного интеллекта и личности легко сдаются перед лицом трудностей и ориентируются на получение формальной оценки своих знаний [4].

Результаты зарубежных коллег на европейской выборке показывают, что имплицитные теории интеллекта не связаны с интеллектуальными способностями, измеряемыми тестами интеллекта, но определенно оказывают влияние на познавательную деятельность и поведение в ситуации обучения [5].

Специфика нашего исследования состоит в том, что мы изучили не только классическую связь «теории – абстрактно-логический интеллект» на примере студенческой выборки, но и обратили внимание на связи таких теорий с социальным и эмоциональным интеллектом. Социальный и эмоциональный интеллект, являясь по сути когнитивными конструктами, напрямую связаны с личностными качествами человека. Мы предположили, что уверенность в возможности наращивания интеллектуальных способностей и способность улучшать и понимать свои личностные характеристики связаны, вероятно, с определенным уровнем абстрактного интеллекта и, может быть, с социальным (определяющим способ и успешность поведения личности в конфликтных ситуациях) и эмоциональным интеллектом (определяющим способность распознавать свои и чужие эмоции и адекватно реагировать на них).

Для проверки нашей гипотезы было проведено исследование с участием 85 студентов вузов в возрасте от 18 до 23 лет.

Мы использовали модифицированный опросник К. Двек (Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов) для диагностики имплицитных теорий. Для измерения абстрактно-логического интеллекта мы пользовались заданиями теста «Прогрессивные матрицы Равена», рассчитывалась результативность – количество баллов за правильные ответы, а также продуктивность – отношение количества баллов за правильные ответы ко времени выполнения теста [2]. Для диагностики социального интеллекта использовалась методика «Оценка оптимального выбора в конфликтной ситуации» С.В. Щербакова, для измерения эмоционального интеллекта использовали опросник «Эмоциональный интеллект» Д.В. Люсина. Обработка проводилась с помощью SPSS Statistics.

В процессе обработки результатов тестирования было проанализировано распределение, оно было близко к нормальному, показатели выборки оказались в пределах нормативных значений.

В ходе корреляционного анализа были получены значимые корреляционные связи показателей имплицитных теорий и методики «Матрицы Равена». Собственно, с теорией о развитии интеллекта связи не обнаружено, но обнаружены отрицательные связи между шкалой «обогащение личности» и показателями «результативность» ($r = –0{,}229$, $p = 0{,}012$) и «продуктивность» ($r = –0{,}224$, $p = 0{,}014$). Это говорит о тенденции к тому, что чем выше абстрактно-логические способности молодых людей, чем выше их продуктивность в интеллектуальной деятельности, тем ниже их убежденность в возможности развития личности. Другими словами, вы-

сокоинтеллектуальные студенты склонны считать, что личность неизменна и нельзя поменять никакие её стороны.

В процессе дальнейшего анализа не было обнаружено значимых связей имплицитных теорий с показателями методики социального интеллекта. То есть интеллектуальная способность эффективно решать конфликтные ситуации оказалась не связана с теориями о развитии интеллекта и личности. Таким образом, стратегии поведения в социальных ситуациях не связаны с убежденностью в возможности развиваться.

При этом показатели эмоционального интеллекта оказались значимо связаны с показателями имплицитных теорий. Так, показатель «наращиваемый интеллект» оказался положительно связан с такими показателями эмоционального интеллекта как «контроль экспрессии» (r = 0,312, p = 0,005) «понимание собственных эмоций и управление ими» (r = 0,259, p = 0,022) и «управление своими и чужими эмоциями» (r = 0,229, p = 0,043). Результаты говорят, что существует тенденция к тому, что чем выше убежденность молодых людей в возможности наращивать свои интеллектуальные способности, тем выше их интеллектуальная способность понимать и контролировать свои эмоции, а также управлять эмоциями других людей.

Теоретический показатель «обогащение личности» оказался связанным с «контролем экспрессии» (r = 0,269, p = 0,017). То есть теория о том, что личность можно развивать, связана со способностью контролировать внешнее выражение своих эмоций. Вероятно, способность следить за тем, что выражается внешне, согласуется с возможностью контролировать и собственную личность, и ее проявления.

Также показатель опросника имплицитных теорий «самооценка обучения» оказался связан с показателями эмоционального интеллекта «управление чужими эмоциями» (r = 0,273, p = 0,015), «способность к управлению своими и чужими эмоциями» (r = 0,241, p = 0,033) и с интегральным показателем эмоционального интеллекта (r = 0,245, p = 0,030). Таким образом, повышение оценки молодыми людьми прикладываемых ими усилий к обучению согласуется с их способностью влиять на эмоциональное состояние других людей и управлять своими эмоциями, а также в целом согласовано с уровнем эмоционального интеллекта. Это, возможно, связано с тем, что способность понимания эмоций и управления ими связана с мотивационным компонентом. Требуется желание и усилие воли для контроля проявления эмоций, так же как и для приложения усилий к обучению. Поэтому, возможно, наиболее волевые молодые

люди, способные контролировать свои эмоции, склонны оценивать свои усилия как значительные.

Таким образом, результаты исследования показывают, что рост абстрактного интеллекта соответствует снижению уверенности в убеждении относительно возможности развивать личность, а социальный интеллект оказался никак не связан с имплицитными теориями интеллекта. При этом способность понимать и контролировать свои и чужие эмоции оказалась положительно связана и с теорией о наращиваемом интеллекте, и с теорией обогащаемой личности. Также результаты показали связь самооценки в обучении студентов с их эмоциональным интеллектом. То есть развитие именно эмоционального интеллекта может быть позитивно связано с формированием субъективных убеждений о развитии интеллекта и личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 444 с.
2. Мацута В.В., Суднева О.Ю., Богомаз С.А. Роль интеллектуальных и личностных факторов в достижении высокой результативности в ЕГЭ по математике // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 52–66.
3. Ablard K.E. Implicit theories of intelligence and self-perceptions of academically talented adolescents and children // J. Journal of Youth and Adolescence. 1996. № 25 (2). P. 137–148.
4. Dweck C.S. Self-theories: Their role in motivation, personality, and development. Philadelphia : Psychology Press, Taylor & Francis Group, 1999. 195 p.
5. Dweck C.S., Bempechat J. Children's theories of intelligence: Consequences for learning // Learning and Motivation in the Classroom / eds. by S. Paris, G. Olson, H. Stevenson. Erlbaum, Hillsdale, NJ, 1983. P. 46–54.

Уровень рефлексивности как фактор психологического благополучия

Бызова В.М., Перикова Е.И., Калашникова Ю.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

The level of reflexivity as a factor of psychological well-being

Bysova V.M., Perikova E.I., Kalashnikova Y.A.

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Аннотация. В работе представлены результаты эмпирического исследования рефлексивности как фактора, определяющего содержание актуаль-

ного психологического благополучия личности. Показано, что высокий уровень рефлексивности, в отличие от низкого, способствует самопринятию и пониманию окружающих, осмысленности жизни и направленности в будущее.
Ключевые слова: рефлексивность, психологическое благополучие, психическая ригидность.

Abstract. The article shows the results of empirical research of reflexivity as a factor determining the actual content of the psychological well-being of the individual. It has been shown that high levels of reflexivity, in contrast to the low level, promotes self-acceptance and understanding of others, the meaningfulness of life and sense of purpose.
Keywords: reflexivity, psychological well-being, mental rigidity.

Проблема рефлексии неразрывно связана с развитием представлений о себе и имеет многоаспектный характер. А.В. Карпов выделяет направления операционализации понятия рефлексивности, среди которых наиболее важными являются рефлексия как инструмент осмысления своей жизнедеятельности и рефлексия как свойство, обусловленное генетическими закономерностями. Рефлексивность как способность осознания себя и своего актуального состояния может оказывать благоприятное воздействие на психологическое благополучие. Проблема психологического благополучия личности недостаточно изучена как в зарубежной, так и в отечественной психологии, поскольку отсутствует общепризнанное определение этого понятия (Ryff, 1989, 1995, 1996; Братусь, 2000) [1, 4]. Для психологического благополучия личности важны, прежде всего, адекватное восприятие мира, принятие его, самопознание и саморазвитие. Оценка собственного психологического благополучия может отражать в целом психологическое здоровье личности, однако стоит учитывать её зависимость от уровня рефлексивности [3].

Мы предположили, что уровень рефлексивности определяет содержание актуального психологического благополучия.

Цель и задачи нашего исследования состояли в определении уровня рефлексивности, изучении компонентов психологического благополучия личности, выявлении показателей ригидности и флексибильности респондентов.

Методы и методики. В исследовании использованы «Шкалы психологического благополучия» (автор К. Рифф) в адаптации Т.Д. Шевеленковой, Т.П. Фесенко, Н.Н. Лепешинского, Томский опросник ригидности Г.В. Залевского; методика определения индивидуальной меры

рефлексивности (А.В. Карпов), клинико-психологическая беседа в рамках мультимодального опросника жизненной истории А. Лазаруса [2, 3, 4]. Достоверность различий оценивалась с помощью метода ANOVA-MANOVA и критерия Стьюдента. Обработка проводилась в программе SPSS 19.

Выборка. В исследовании приняли участие 39 слушателей профессиональной переподготовки Санкт-Петербургского государственного университета, в том числе 32 женщины и 7 мужчин в возрасте от 24 до 37 лет (средний возраст 30,5 лет).

Таблица 1

Показатели психологического благополучия респондентов и нормативные значения шкал (средние значения и стандартные отклонения)

Шкалы психологического благополучия	Респонденты, *N* = 39		Нормативные значения	
	M	*MS*	*M*	*MS*
Позитивное отношение	60,8	10,9	60,5	11,4
Автономия	56,5	7,9	58,0	10,9
Управление средой	56,2	9,9	57,0	15,3
Личностный рост	65,7	7,4	64,4	9,7
Цель в жизни	62,3	8,8	62,8	8,8
Самопринятие	57,0	10,7	58,8	15,6
Баланс аффекта	93,1	20,0	89,7	12,5
Осмысленность жизни	95,6	16,6	65,0	6,1
Человек как открытая система	67,8	7,8	38,0	6,1
Общая шкала психологического благополучия	354,7	42,5	370,3	24,1

В табл. 1 представлены результаты изучения компонентов психологического благополучия личности в сравнении с нормативными значениями, полученными Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко.

Из табл. 1 можно видеть, что полученные нами результаты по основным шкалам близки к нормативным значениям, выделенным авторами модификации методики К. Рифф. Различия обнаружены по дополнительным шкалам: «осмысленность жизни» (*M* = 95,6 *MS* = 16,6; *M* = 65,0 *MS* = 6,1 соответственно) и «человек как открытая система» (*M* = 67,8 *MS* = 7,8; *M* = 38 *MS* = 6,1 соответственно). Эти различия можно объяснить тем, что респонденты нашей выборки (слушатели профессиональной переподготовки) оказались более целеустремленными, с жизненными перспективами, с готовностью к обучению. Кроме того, им были свойственны реалистичный взгляд на жизнь, открытость новому опыту и осмысленность собственного существования.

В табл. 2 представлена выраженность компонентов психологического благополучия у лиц с разным уровнем рефлексивности. Выборка респондентов была разделена на основании полученных стенов: показатель менее 4 стенов отражает низкий уровень развития рефлексивности; от 4 до 7 стенов – средний уровень; 7 и выше – высокий уровень развития рефлексивности [3].

В табл. 2 можно видеть, что наибольшие различия существуют между респондентами с низкими и высокими показателями рефлексивности. Респондентам с низким уровнем рефлексивности были свойственны невнимание к переживаниям других людей, трудность в установлении доверительных отношений, а также недостаточно четкое представление о перспективах своего развития в профессиональной сфере. Респондентам с высоким уровнем рефлексивности были свойственны забота о благополучии других, способность к сопереживанию, позитивное отношение к себе, а также высокий контроль внешних обстоятельств и условий, осмысленность жизни и направленность в будущее.

Таблица 2

Показатели шкал психологического благополучия в соответствии с уровнями рефлексивности (средние баллы и стандартные отклонения)

Шкалы психологического благополучия	Низкий уровень рефлексивности	Средний уровень рефлексивности	Высокий уровень рефлексивности	Достоверность различий
Позитивное отношение	57,40 ± 7,12	62,2 ± 6,5	68,3 ± 7,1	0,04
Управление средой	56,8 ± 6,3	53,4 ± 4,5	64,9 ± 5,1	0,009
Цель в жизни	56,4 ± 5,1	61,6 ± 6,4	69,4 ± 7,3	0,05
Самопринятие	56,1 ± 6,7	53,6 ± 8,1	66,8 ± 9,2	0,008
Осмысленность	92,7 ± 12,1	90,0 ± 8,9	112,0 ± 1,9	0,001
Общая шкала благополучия	353,8 ± 34,8	342,0 ± 30,9	378,0 ± 39,1	0,01

В табл. 3 представлены показатели шкал психологического благополучия флексибильных и ригидных респондентов. Выборка респондентов была разделена согласно медианному критерию оценки общего показателя ригидности в тесте Г.В. Залевского: показатели флексибильности (от 0 до 110) и высокие показатели психической ригидности (от 115 до 160) [2].

Из табл. 3 можно видеть существование различий в показателях основных компонентов психологического благополучия в группе ригидных и флексибильных. Все показатели психологического благополучия выше в группе флексибильных респондентов, у которых обнаружены выражен-

ная потребность в контроле над внешними обстоятельствами, высокая целеустремленность, самоуважение и признание своих достоинств и недостатков. Группа ригидных респондентов характеризовалась в целом более низкой удовлетворенностью своей жизнью, в частности отношениями с окружающими, отношением к будущему и к самому себе.

Таблица 3

Показатели психологического благополучия ригидных и флексибильных респондентов (средние баллы ± стандартное отклонение)

Шкалы психологического благополучия	Психическая ригидность		Флексибильность		Значимость различий
	Средние значения	Стандартные отклонения	Средние значения	Стандартные отклонения	
Управление средой	53,70	9,21	60,26	10,10	0,045
Цель в жизни	59,45	8,29	67,06	7,70	0,007
Самопринятие	53,7	11,1	62,3	7,8	0,012
Осмысленность	91,0	16,4	103,2	14,6	0,025
Общее благополучие	342,5	44,8	374,4	30,8	0,021

Выводы. Результаты исследования свидетельствуют о различиях показателей психологического благополучия в группах с разным уровнем рефлексивности и ригидности. Респонденты с низким уровнем рефлексивности отличались низким самопринятием и недостаточным пониманием других. Респонденты с высоким уровнем рефлексивности обнаруживали выраженную направленность личности на различные позитивные аспекты собственного функционирования. Для ригидных респондентов, в отличие от флексибильных, в целом свойственна неудовлетворенность жизнью. Флексибильные характеризовались целеустремленностью и самоуважением. Таким образом, высокий уровень рефлексивности можно рассматривать как косвенный фактор психологического благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология. М., 2006. 359 с.
2. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Москва ; Томск : Том. гос. ун-т, 2004. 460 с.
3. Карпов А.В. Рефлексивность как психологическое свойство и методика её // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–57.
4. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–130.

Здоровье в иерархии ценностей студенческой молодежи

Вайберт М.И.
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

Health in hierarchy of values of the students

Vaibert M.I.
The Chuvash State University of I.N. Ulyanov, Cheboksary

Аннотация. Исследовались отношение к здоровью, самооценка состояния здоровья, ценностные ориентации молодежи. Респондентами являлись студенты гуманитарных и технических факультетов.
Ключевые слова: здоровье, ценности термальные и инструментальные, ценностные ориентации, ценностно-мотивационная сфера.

Abstract. In the paper were investigated the attitude towards health, a self-assessment of a state of health, valuable orientations of youth. Respondents of the research were students of humanitarian and technical faculties.
Keywords: health, values thermal and tool, valuable orientations, valuable and motivational sphere.

Формирование ценностного отношения к здоровью человека является важнейшей проблемой современности. Психическое, социальное и физическое здоровье личности является основой благополучия общества. Ученые предлагают следующие уровни для описания ценности здоровья: биологический, социальный, личностный, психологический.

XX в. был отмечен возрастающей ролью психологии в обеспечении здоровья. В 1930-е гг. многие исследователи обратили внимание на взаимосвязь между духовной жизнью человека и его физиологическими процессами.

Сейчас уже не вызывает сомнений, что не менее 30% (а по некоторым данным – не менее 50%) обращающихся с соматическими жалобами в поликлиники и стационары, – по существу, практически здоровые люди, но имеющие дефекты в психическом, нравственном, социальном здоровье [1].

К основным составляющим здоровья можно отнести следующие:

- нормальное функционирование организма на всех уровнях его организации;
- включение гомеостатического механизма;
- адаптивность организма к окружающей среде;

• полное физическое, эмоциональное, когнитивное, социальное и духовное благополучие.

Известно, что на состояние здоровья оказывают влияние следующие факторы: социально-экономические и генотипические, качество медицинского обслуживания, экологическая обстановка, а также образ жизни.

Объект нашего исследования: система ценностей.

Предмет: здоровье в иерархии ценностей студенческой молодежи.

Гипотеза: в системе ценностей юношей и девушек здоровье занимает приоритетное место.

Исследованием были охвачены студенты 1–3 курсов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в количестве 100 человек, из них 50 юношей и 50 девушек. Репрезентативную выборку составили студенты как гуманитарных, так и технических факультетов.

При изучении данной проблемы использовалась комплексная методика исследования, включающая в себя методы наблюдения, беседы, методики «Самооценка состояния здоровья» Д.Н. Давиденко, «Отношение к здоровью», «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Исследование проводилось в несколько этапов.

1. Аналитический этап, где были применены такие методы, как наблюдение, беседа, опрос, анализ научной литературы.

2. Экспериментальный этап проводится с целью апробации гипотезы, в нём использовались следующие методики: «Самооценка состояния здоровья» Д.Н. Давиденко; «Отношение к здоровью»; «Ценностные ориентации» М. Рокича.

3. Рефлексивный этап: анализ результатов и математико-статистическая обработка данных по Пирсону в Microsoft Excel, подведение итогов.

По результатам методики «Самооценка состояния здоровья» (Д.Н. Давиденко) было установлено, что свое состояние здоровья как «хорошее» оценили 60% девушек и 48% юношей; как «плохое» – 4% девушек и 10% юношей. То есть большинство испытуемых характеризуют свое состояние хорошим самочувствием, ощущением радостного, приподнятого настроения.

Для изучения психологических особенностей отношения человека к своему здоровью была использована методика «Отношение к здоровью». К здоровью респонденты также относятся по-разному. Факторами, которые оказывают негативное влияние на состояние здоровья, они указали следующие: вредные привычки (30%), образ жизни (25%), экологическая

обстановка (15%), качество медобслуживания (10%), недостаточная забота о своем здоровье (8%), особенности питания (2%). Респонденты указали, что для поддержания своего здоровья они занимаются физическими упражнениями, посещают спортивные секции (51%), следят за своим весом (14%), посещают врача с профилактической целью (15%), избегают вредных привычек (15%), закаляются (5%).

В целом значимость здоровья в индивидуальной иерархии ценностей, степень сформированности представлений на сохранение и укрепление здоровья, понимание роли здоровья в обеспечении активной продуктивной жизни, соответствие поведения человека требованиям здорового образа жизни находятся на достаточно высоком уровне.

Анализ понятия «здоровье» показал, что 32% респондентов определяют здоровье как хорошее самочувствие (ощущение комфорта, благополучия, спокойствие, уверенность), 12% испытуемых считают, что это отсутствие болезненных ощущений, 10% – что это гармония психического и физического, 9% – гарантия успеха во всех делах, 8% – это активная, деятельная жизнь, 6% считают, что это основа всей деятельности человека, 5% – когда не задумываешься, что это такое, 4% респондентов определяют «здоровье» как ощущение радости и счастья.

Для изучения ценностно-мотивационной сферы студентов использовалась методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич). Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе. Иерархия инструментальных ценностей девушек: 1) честность; 2) воспитанность; 3) жизнерадостность; 4) образование; 5) смелость; 6) ответственность; 7) самоконтроль. Иерархия инструментальных ценностей юношей: 1) смелость; 2) честность; 3) жизнерадостность; 4) ответственность; 5) твердая воля; 6) воспитанность; 7) терпимость. Иерархия терминальных ценностей у девушек: 1) здоровье; 2) самостоятельность; 3) активная, деятельная жизнь; 4) любовь; 5) уверенность в себе; 6) счастливая семейная жизнь; 7) общественное признание. Иерархия терминальных ценностей у юношей: 1) здоровье; 2) самостоятельность; 3) хорошие и верные друзья; 4) интересная работа; 5) активная, деятельная жизнь; 6) общественное признание; 7) любовь. В контексте нашего исследования важно, что в иерархии терминальных ценностей и у юношей, и у девушек первое место занимает здоровье. Большое значение имеют активная, деятельная жизнь, сча-

стье, а инструментом достижения этих целей является жизнерадостность и ответственность.

По результатам нашего исследования была выявлена прямая зависимость (положительная) следующих признаков: хорошее здоровье и отсутствие вредных привычек ($r = +0{,}73$ при $p < 0{,}001$), поэтому с уверенностью можно сказать, что отсутствие вредных привычек благотворно влияет на здоровье человека, и это осознается самими студентами. Положительный эффект, как показала корреляция, на здоровье оказывают и хорошее питание ($r = +0{,}66$ при $p < 0{,}001$), здоровый образ жизни ($r = +0{,}66$ при $p < 0{,}001$), диета ($r = +0{,}87$ при $p < 0{,}001$), регулярное профилактическое посещение врача ($r = +0{,}67$ при $p < 0{,}001$), закалка ($r = +0{,}86$ при $p < 0{,}001$). Положительную зависимость имеют неблагоприятные экологические условия и «плохое» здоровье ($r = +0{,}73$ при $p < 0{,}001$), это свидетельствует о том, что, живя в неблагоприятных экологических условиях, человек должен тщательнее заботиться о своем здоровье. На ухудшение здоровья влияют вредные привычки ($r = +0{,}73$ при $p < 0{,}001$), неудовлетворенность медобслуживанием ($r = +0{,}81$ при $p < 0{,}001$), недостаточная забота о своем здоровье ($r = +0{,}68$ при $p < 0{,}001$), неудовлетворенность собственным питанием ($r = +0{,}76$ при $p < 0{,}001$).

Можно сделать следующие выводы:

1. Представления испытуемых о критериях здоровья явно смещены в сторону физического здоровья, то есть имеет место «соматизация» понятия здоровья. Девушки обнаруживают большее понимание роли психических и социальных признаков здоровья.

2. Факторами, которые оказывают наиболее существенное влияние на состояние здоровья, большинство указали следующие: вредные привычки, образ жизни, экологическая обстановка, качество медобслуживания, недостаточная забота о своем здоровье, особенности питания. Испытуемые также выделили следующие факторы, поддерживающие здоровье: занятие физическими упражнениями, посещение спортивных секций, прохождение регулярных медосмотров, отказ от вредных привычек, закаливание организма. Сюда входят профилактика зависимого поведения (алкоголизм, наркомания, курение), а также борьба с гиподинамией, нерациональным питанием, стрессами.

3. Практическая значимость работы заключается в применении результатов исследования к решению проблем, связанных с формированием у учащейся молодежи ценностного отношения к здоровью, мотивации на здоровый образ жизни.

Можно дать следующие рекомендации:

1. Для профилактики переутомления необходимо отводить время для отдыха с целью восстановления работоспособности и для личностного развития.

2. При проведении коррекционных мероприятий с целью профилактики факторов риска возникновения различных психосоматических заболеваний необходимо формировать ориентацию здоровый образ жизни.

3. В перспективе необходимо использовать индивидуально-ориентированные оздоровительные программы при низком уровне психического и физического здоровья с учетом возрастных, личностных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров Г.С. Психология здоровья. СПб. : Питер, 2006. 607 с.

Маргинальная личность: поиск определения

Ванданова Э.Л.
Федеральный институт развития образования, Москва

Marginal identity: a search for definition

Vandanova E.L.
Federal Institute of education development, Moscow

Аннотация. В статье обсуждаются методологические основания психологического содержания маргинальности и разработки методологических подходов определения маргинальной личности. На основании теоретического анализа выделены три вектора направления исследований: изучение маргинальности как культурно-психологической реальности; переосмысление опыта изучения маргинального человека с позиций системной антропологической психологии; изучение маргинального человека как культурно-психологического феномена этногенеза.
Ключевые слова: маргинальность, маргинальная личность, психологическое содержание явления маргинальности.

Abstract. The paper discusses the methodological Foundation of the psychological content of the marginality and the development of methodological approaches to the definition of a marginalized person. On the basis of theoretical analysis, the three vector directions of research: the study of marginality as

a cultural and psychological reality; redefining the experience of studying marginalized person from positions of the system anthropological psychology; the study of the marginal man as a cultural and psychological phenomenon of ethnogenesis.
Keywords: marginality, marginal person, psychological content of the phenomenon of marginality.

Ограниченность моделями экономического детерминизма препятствует пониманию таких социальных процессов, как миграция населения, маргинализация отдельной его части, сопровождающих глобализацию. Человечество имеет определенные характеристики: антропологические, психологические, образовательные, гендерные, возрастные и др. Поэтому любой процесс, осуществляемый, населением вторичен к его качествам, что означает – социальные процессы также вторичны по отношению к характеристикам человечества и человека. Большинством ученых признается тот факт, что антропологические характеристики останутся неизменными, следовательно, изменение человечества должно происходить в сфере психологических характеристик.

Первый существенный момент в рассмотрении заявленной нами проблемы – обоснование того, что мы действительно изучаем человека, а не социологическую абстракцию. Термин «маргинальность» используют в научной литературе для определения поведения человека, чаще дезадаптивного, деструктивного, для обозначения аномии, т.е. социологического термина, введенного Э. Дюркгеймом. В результате оба термина приобрели сходное наполнение и определение, которое трактует маргинальность в качестве социального процесса. Вместе с тем очевидно, что нельзя рассматривать социальное явление без определения психологических характеристик человека.

Если мы условно объединим все явления, связанные с участием маргиналов (как их представляют СМИ), то окажется, что эти явления назвать единичными случаями будет не совсем корректно: 1) традиционно маргиналами называют лиц без определенного места жительства; 2) этнокультурные маргиналы (этнические мигранты, некоторые этнические меньшинства); 3) маргиналами и маргинальной средой признаются преступные сообщества; 4) маргиналами могут быть названы представители творческой богемы; 5) маргиналами представляют участников протестных движений; 6) маргиналы – беженцы и лица, пережившие военные действия; 7) маргиналы – спивающиеся в городах и селах люди при отсутствии работы, в условиях низкой занятости; 8) маргиналы – «ус-

пешные» менеджеры любой ценой стремящиеся к успеху, как ценой собственного труда, так и ценой судеб конкурентов.

Здесь мы наблюдаем факт слияния, пусть даже ассоциативного, разных явлений в одно, что позволяет нам представить их как единую культурно-психологическую реальность. Когда речь заходит о характеристиках маргинального человека, имеют в виду абстрактный символ «маргинал», обозначающий негативный эмоционально-оценочный императив. Изначально Р. Парк и Э. Стоунквист поставили вопрос о том, как ведет себя маргинальный человек в условиях существования на так называемой этнокультурной границе.

Вспышки массового агрессивного, девиантного поведения, объясняемые различными причинами (экономическими, политическими или протестными, на фоне проявления нетерпимости) заставляют признать существенную роль фактора маргинальности в этих процессах. Продолжать трактовать маргинальность как сумму единичных случаев становится все сложнее. Созрела потребность в изучении этого явления на стыке различных наук. Серьезные шаги в этом направлении уже сделаны, примером тому служит коллективная монография «Маргинальность в современной России» [1].

Дальнейшее развитие этого направления видится нам как поиск методологических оснований определения маргинальности и маргинальной личности. Двигаясь в этом направлении возможно рассмотрение маргинальности в контексте термина «культурно-психологическая реальность» предложенного М.А. Гусельцевой для обозначения исследовательской единицы [2]. Такое обозначение маргинальности как исследовательской единицы будет опираться на положения методологии историко-генетического подхода, способствующей изучению проблемы по вертикали (в разные возрастные и исторические периоды) и горизонтали (в разных психолого-педагогических направлениях), а также методологии системно-деятельностного подхода, помогающей структурировать различные концепции в целостную систему, раскрывающей специфику проблемы и способы ее изучения.

Второй момент связан с тем, насколько явление маргинальности может быть отнесено к разряду теорий, изучающих отдельные аспекты глобализации и эволюционности процессов. В рамках доктрины глобализации маргинальность трактовалась как процесс культурной адаптации мигрантов неевропейского мира. Существующие теории политической, экономической и информационно-культурной глобализации признают нали-

чие трансформации среды человечества. Наша задача осложняется тем, что мы хотели бы уйти от эмпиризма в исследовании проблемы маргинальности и понять ее не как совокупность эмпирически наблюдаемых симптомов, феноменов и актов, а как глубинный сущностный процесс, который появляется через те или иные явления и факты. В этой связи становится важным признание в качестве методологических предпосылок к построению методологии психологии маргинальности идеи системной антропологической психологии (В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский), идей становления этнокультурной идентичности и «поведения личности в условиях высокой неопределенности и множественности выбора в поликультурном обществе» (Г.У. Солдатова), становления идентичности в транзитивном обществе (Т.Д. Марцинковская, М.С. Гусельцева) [3–5].

На протяжении длительного периода в развитии человечества трансформация выступает как основной закон действия антропологического фактора развития. Одним из основных процессов развития человечества выступает этногенез. Для этногенеза сущностью содержания являются трансформации признаков этноса, языка и др. Явление маргинальности наиболее ярко проявляется в периоды активизации этногенетических процессов. Так мы подходим к еще одному важному моменту в изучении поставленного нами вопроса.

Третий момент – изучение маргинальной личности трудно представить без обращения к теории этногенеза. В области теории этногенеза для нас наиболее значимы достижения отечественных исследователей: теория Ю.В. Бромлея, спорная биолого-этнографическая концепция этноса Л.Н. Гумилева, теория этногенетических модусов развития В.П. Алексеева. Столь же значимы для построения теории маргинальной личности концепции, раскрывающие основное содержание этнопсихологических явлений, разработанные психологами, философами, этнографами. К ним относятся работы М. Мид, Р. Бенедикт, К. Леви-Стросса, М. Сегала, Д. Кемпбелла, М. Коула. Не менее важны традиционно рассматриваемые межкультурное взаимодействие и межэтнические контакты в рамках социогенеза, теоретические идеи Л.М. Аболина о принципе равновесия между сохранением самобытной культуры и развитием межкультурного взаимодействия разных этносов.

Таким образом, концептуально значимыми направлениями в изучении маргинальной личности являются вектор, затрагивающий культурно-психологические феномены этногенеза, вектор, затрагивающий феноме-

ны психологической транзитивности, вектор, учитывающий принципы системной антропологической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маргинальность в современной России : коллективная монография / Е.С. Балабанова, М.Г. Бурлучкая, А.Н. Демин. М. : [б.и.], 2000. 208 с.
2. Гусельцева М.С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 2. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 28.10.2015).
3. Клочко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре : материалы 1-й региональной школы молодых ученых-психологов. 2000. С. 8–16.
4. Солдатова Г., Шайгерова Л. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 10. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 28.10.2015).
5. Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 28.10.2015).

Спектр деятельности медицинского психолога в современных условиях

Вишневская М.Г., Стоянова И.Я.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The medical psychologist's activity in modern conditions

Vishnevskaja M.G., Stojanova I.J.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления работы медицинских психологов. Разводятся направления медицинской и клинической психологии. Анализируются основные формы и сферы активности медицинских психологов, которые продиктованы современностью.

Ключевые слова: медицинская психология, клиническая психология, направления и формы работы.

Abstract. In the paper the basic directions of medical psychologists are analyzed. There is shown the differs between the medical and clinical psychology. We analyzed the basic forms and spheres of activity of medical psychologists, which are dictated of the modernity.

Keywords: medical and clinical psychology, basic forms and spheres of activity.

В современном мире деятельность клинического психолога довольно обширна. Помощь клинического психолога можно встретить в семейных консультациях, в школе, в различных медицинских учреждениях. Клинические психологи занимаются психологическим консультированием и диагностикой, проводят реабилитационные мероприятия.

Клиническая психология – многообразная наука, включающая в себя множество отраслей и смежных наук. Мы бы хотели обратить внимание на одну из отраслей клинической психологии – медицинскую психологию.

Медицинская психология является молодой наукой. Не так давно её внесли в обязательную программу для студентов медицинских вузов, до этого медицинская психология изучалась только как факультативный предмет.

Предметом внимания клинического психолога является человек с «душевными» болезнями и проблемами, с трудностями самореализации, прямиком зависящими от здоровья человека. Человек испытывает сложность в адаптации, что может привести к риску возникновения болезненных состояний (психические расстройства, психосоматика). Различные болезни, недуги и их последствия могут влиять на психический склад человека, изменять его, что впоследствии ведет к дезадаптации.

Медицинская психология направлена на решение как практических, так и теоретических задач, связанных с патологическим состоянием и диагностикой болезней, психопрофилактикой заболевания, психокоррекционными формами влияния на процесс выздоровления, Медицинский психолог изучает влияние различных психологических факторов на течение, возникновение болезни и процесс выздоровления людей.

Медицинский психолог изучает психику больного, наблюдает за его поведением во время болезни, оказывает непосредственную помощь больному в борьбе с болезнью. Работает с родственниками больного и консультирует их.

Главным предметом медицинской психологии как науки, в которой происходит пересечение медицины и психологии, является, по Э. Кречмеру [1], психологический анализ природы болезней, т.е. предметом медицинской психологии являются многообразные особенности психики больного и их влияние на здоровье и болезнь, а также обеспечение оптимальной системы лечебных психологических влияний, в том числе всех обстоятельств, сопутствующих обслуживанию больного.

Медицинская психология разделяется на две категории: общую и частную. Общая медицинская психология изучает ключевые закономерно-

сти психологии больного человека (критерии нормальной, временно измененной и болезненной психики), психологию поведения медицинских работников и врачей, психологическую атмосферу лечебно-профилактических учреждений, психологию повседневного общения в системе «врач–больной», медицинскую деонтологию (вопросы о врачебном долге, врачебной тайне, этике), индивидуальность пациента (включающую в себя характер, темперамент и личность).

Частная медицинская психология изучает непосредственно самого больного: частную психотерапию, особенности психических процессов у психических больных, психику больных с дефектами органов и систем (слепота, глухота и т.п.), процесс подготовки к операции и послеоперационный период и т.д.

Так как одним из основных разделов медицинской психологии являются мероприятия по сохранению и укреплению здоровья человека, то предполагается, что медицинская психология тесно взаимосвязана с такими направлениями, как психогигиена и психопрофилактика.

Некоторые психиатры, например Л.Л. Рохлин, Н.В. Иванов, рассматривают психогигиену как часть психиатрии, тогда как медицинские психологи Б.Д. Карвасарский, К.К. Платонов, гигиенист И.И. Беляев и психотерапевт И.З. Вельвовский считают ее отдельной отраслью медицинской психологии, выделяя из общих задач гигиены частные, среди которых ведущее значение приобретают (по Г.К. Ушакову и Н.Д. Лакосиной) [2]:

- психогигиена взаимоотношений между врачом и пациентом;
- психогигиена медико-генетических советов и консультаций;
- психогигиена режима лечебных учреждений;
- психогигиена семьи, в частности неполной и дисфункциональной;
- психогигиена обучения, воспитания и труда (медработников);
- психогигиена лиц в кризисные периоды их жизни, включая пубертатный и климактерический;
- психогигиена брака и половой жизни.

Работа медицинского психолога является незаменимой во многих учреждениях и сферах. В учебных заведениях психолог необходим для работы с детьми и родителями, он исследует проблемы, возникшие у ребенка, и объясняет родителям, что нужно делать в сложившийся ситуации. Обязательна помощь психолога в работе с детьми с различными отклонениями, патологиями и заболеваниями (синдром Дауна, аутизм) и в первую очередь помощь непосредственно родителям таких ребятишек.

Психолог должен дать подробное описание заболевания ребенка, объяснить родителям на доступном языке, с чем они столкнулись и как можно помочь своему ребенку, какие воспитательные меры необходимы при его обучении и развитии. При необходимости успокоить родителей, поскольку не все они могут быть морально настроены на то, что их ребенок может быть с каким-либо отклонением, родители могут испугаться оттого, что они просто не полностью осведомлены о заболевании своего ребенка.

Работа медицинского психолога необходима в сферах, связанных с чрезвычайными происшествиями (МЧС, спасатели), для оказания психологической помощи людям, попавшим в страшную чрезвычайную ситуацию (терроризм, похищение, зона боевых действий и т.д.).

Психологическое консультирование и реабилитация людей, отбывающих наказание или вернувшихся из мест лишения свободы, также является сферой деятельности психолога.

Медицинский психолог осуществляет психологическое консультирование людей, которым предстоит операция, а также последующую помощь, консультирование и участие в реабилитации данного пациента. Он помогает людям, которые перенесли потерю конечности, восстановить психическое состояние при возникновении фантомных болей.

Перинатальная психология – один из основных аспектов клинической и медицинской психологии. Задачи специалистов этого направления – психологическое консультирование беременных женщин, работа с новорожденными и их мамами, психологическая помощь родителям, перенесшим тяжелые роды, выкидыши и преждевременное прерывание беременности, работа с родителями, узнавшими о возможных патологиях или отклонениях у своего будущего или уже рожденного ребенка, сотрудничество с врачами во время реабилитационного периода после родов.

Психолог вносит незаменимый вклад при работе в психиатрических больницах и диспансерах: работает с людьми, страдающими различными психическими заболеваниями, проводит психологическое консультирование родственников, чья семья столкнулась с данной ситуацией, работает в наркологических диспансерах, участвует в реабилитации пациентов, справившихся со своей зависимостью.

Психологическая работа в детских домах и домах ребенка: психологическое восстановление и работа с «трудными» детьми, помощь детям, попавшим в детские дома, потерявшим родителей.

Таким образом, сфера интересов медицинской психологии многогранна и обширна, и в данной статье мы постарались рассмотреть основные направления деятельности специалистов этого профиля. Как можно заметить, работа клинического и медицинского психолога не ограничивается только учебными заведениями и больницами. В современном мире помощь клинического психолога зачастую просто необходима. Люди практически каждый день сталкиваются с различными жизненными ситуациями, в которых им необходимы психологическая помощь и консультирование, следовательно, профессия клинического психолога является неотъемлемой частью современной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гройсман А.Л. Медицинская психология : лекции для врачей-слушателей курсов последипломного образования : в 2 ч. М. : Магистр, 1995.
2. Орлова Е.А., Колесник Н.Т. Клиническая психология. М. : Юрайт, 2013. 363 с.
3. Перре М., Бауман У. Клиническая психология и психиатрия. СПб., 2012.
4. Пушина Т.П. Медицинская психология : (методические указания). Новосибирск : Научно-учебный центр психологии НГУ, 1996.
5. Холмогорова А.Б. Клиническая психология : в 4 т. М. : Академия, 2010. Т. 1: Общая психология. 458 с.
6. Медицинская психология : полный курс. URL: http://www.klex.ru/ea1 (дата обращения: 06.04.2015).

Особенности алекситимии и нервно-психической адаптации у студентов различных диспансерных групп учета

Вишнякова Н.Н.

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск

Features of alexithymia and neuro-psychological adaptation among students of various groups of dispensary accounting

Vishnyakova N.N.

Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk

Аннотация. Представлены результаты изучения алекситимии и нервно-психической адаптации у студентов, принадлежащих к трем группам диспансерного учета. Установлено, что доля алекситимического радикала в структуре личности студентов, имеющих соматические заболевания, больше, чем у здоровых лиц. Выявлена статистически значимая корреля-

ция показателей алекситимии и нервно-психической адаптации. Определены группы риска возникновения психосоматических заболеваний среди здоровых студентов.
Ключевые слова: группы диспансерного учета, уровни развития алекситимии, нервно-психическая адаптация, дезадаптация, психосоматические заболевания.

Abstract. The article presents the results of investigation of alexithymic characteristics and neuro-psychological adaptation among students belonging to the three groups of dispensary. The study revealed growth alexithymic radical in the person's structure corresponding to the psychosomatic disease. A statistically significant correlation of alexithymia and psychological adaptation is determined. The groups of risk of psychosomatic diseases among healthy students are marked.
Keywords: Groups dispensary, levels of alexithymia, neuro-psychological adaptation, maladjustment, psychosomatic diseases.

В настоящее время отмечается рост нарушений эмоционального здоровья современного человека. Игнорирование и недооценка эмоциональной стороны жизни приводят к утрате эмоционального здоровья, что в свою очередь способствует возникновению неблагоприятных последствий для психического и соматического здоровья [4]. Адаптационные процессы тесно связаны со стрессом и эмоциональным напряжением. Психическая напряженность проявляется в снижении устойчивости психических функций и приводит к дезинтеграции деятельности.

В практической медицине чрезвычайно важно распознавать проблемы со здоровьем на этапе нарушения адаптации как предиктора заболеваний, что сделает возможным проведение профилактических мероприятий [1].

Цель исследования состояла в изучении степени выраженности алекситимических характеристик и нервно-психической адаптации, являющихся предпосылкой развития психосоматических и преневротических заболеваний у студентов медицинского вуза, принадлежащих к трем группам диспансерного учета.

Материал и методы. Исследование проводилось в отделении общей врачебной практики на базе университетской клиники семейной медицины КрасГМУ в период проведения планового медицинского осмотра. В исследовании приняли участие 307 студентов второго и третьего курсов КрасГМУ. Вывод о состоянии здоровья делался исходя из анализа медицинских карт амбулаторного больного (ф. 025/у). Данные диагнозов соответствовали общепринятым критериям по МКБ-10. Все респонденты на момент обследования находились в стадии ремиссии.

Уровень алекситимии определялся с помощью Торонтской алекситимической шкалы (TAS, G. Taylor). G. Taylor рассматривает алекситимию как неспецифическое расстройство в переживании эмоций, досимволический стиль психики [5]. В России эта методика адаптирована в Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева, ее надежность и валидность доказаны в многочисленных исследованиях [3]. Алекситимия определялась у респондентов, набравших более 74 баллов, менее 62 баллов – отсутствие алекситимии, показатели в интервале 62–74 баллов расцениваются как пограничные, свидетельствующие о личностной дезинтеграции и росте психоэмоционального напряжения.

Для проведения уровневой оценки психического состояния использовался разработанный в Психоневрологическом научно-исследовательском институте им. В.М. Бехтерева тест «Нервно-психическая адаптация» (Гурвич И.Н., 1992). Эта методика позволяет разделить обследуемых лиц на 5 выделяемых в психиатрии групп психического здоровья. Крайними категориями многомерной шкалы адаптации выступают абсолютное (идеальное) нервно-психическое здоровье и вероятное болезненное нервно-психическое состояние [2, 3].

Описание количественных параметров производили с помощью подсчета медианы, 25 и 75 процентилей. Описание качественных параметров производили с помощью процентов. Значимость различий между группами для качественных признаков определялась с помощью критерия χ-квадрат при $p < 0,05$. Значимость различий между группами для количественных признаков также определялась с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни с поправкой Бонферрони ($p < 0,017$). Статистический анализ осуществлялся в пакете прикладных программ IBM SPSS Statistics v.19.

Результаты и обсуждение. К первой группе диспансерного учета принадлежали 96 респондентов (здоровые), ко второй группе – 110 респондентов (лица, имеющие в анамнезе острое или хроническое заболевание, не сказывающееся на функциях жизненно важных органов и не влияющее на трудоспособность), третью группу составил 101 респондент (больные хроническими заболеваниями, с компенсированным течением заболевания, редкими и непродолжительными потерями нетрудоспособности). Медиана возраста исследуемых лиц составила 19 (18; 19) лет.

Анализ данных тестирования по методике «Торонтская алекситимическая шкала» показал, что у 31,3% здоровых студентов отмечается наличие выраженной алекситимии и пограничного уровня развития алекси-

тимии (алекситимический радикал в структуре преморбидной личности). Во второй группе диспансерного учета данный показатель составляет 47,3%, что статистически значимо отличается от показателя в первой группе (p = 0,019). В третьей группе диспансерного учета по результатам TAS алекситимический радикал обнаружен у 51,5% респондентов, что также статистически значимо отличается от показателей первой группы (p = 0,004). Для выявления статистической значимости различий в степени выраженности алекситимии использовался U-критерий Манна–Уитни для независимых выборок. Полученные в результате статистического анализа значения также свидетельствуют о статистически значимых различиях между первой и третьей группами (p < 0,017).

При исследовании нервно-психической адаптации установлено, что среди испытуемых первой группы (здоровых) всего 33,2% имеют отличный и хороший уровень нервно психической адаптации, т.е. не имеют проблем с нервно-психическим здоровьем. При этом доля студентов, находящихся в состоянии дезадаптации, превышает 40%, из которых 14,6% нуждаются в реабилитационных мероприятиях, и 26% студентов находятся в зоне риска с удовлетворительным уровнем адаптации. В таком же пограничном состоянии с возможным развитием признаков дезадаптации по результатам анализа пребывают 21,8% студентов второй группы и 20,8% третьей группы. При этом легкая степень дезадаптации и признаки выраженной дезадаптации выявлены у 47,5% испытуемых второй группы и данные признаки имеют 43,5% студентов, принадлежащих к третьей группе диспансерного учета. Результаты анализа по данным методики НПА наглядно представлены на рис. 1.

Признаки нервно-психологической адаптации могут проявляться в нарушении социальной адаптации и возникновении таких преморбидных состояний, как «не здоровье» и «не болезнь», при которых значительно ослабляются адаптационные возможности организма.

Проведенный корреляционный анализ выявил статистически значимые взаимосвязи между показателями алекситимии и нервно-психической адаптации в первой (r = 0,27 при p = 0,009), второй (r = 0,33, p = 0,000) и третьей группах (r = 0,31, p = 0,001), что побуждает обратить внимание на данный факт с целью дальнейшего исследования в этой области для изучения механизма взаимосвязи алекситимии в структуре личности больных и здоровых студентов и снижения уровня нервно-психической адаптации.

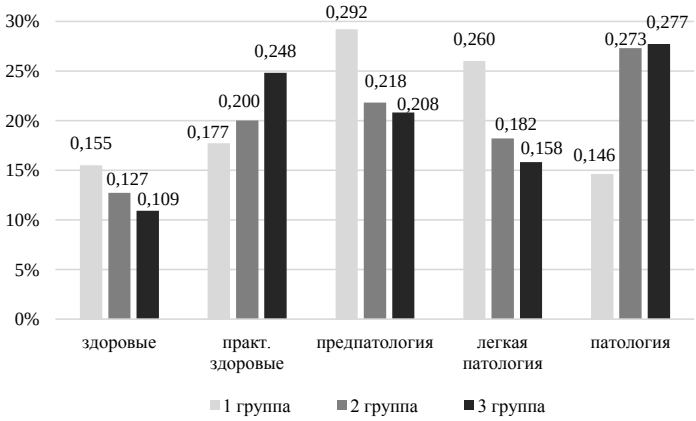


Рис. 1. Показатели нервно-психической адаптации студентов в трех группах диспансерного учета

Таким образом, выявление выраженной алекситимии и ее пограничного уровня, а также снижение уровня психической адаптации являются основанием для определения данной категории студентов в группу риска и показанием для консультации медицинского психолога и проведения своевременной психологической коррекции.

Для профилактики состояний психической дезадаптации, психоэмоциональных состояний у студентов наиболее адекватными, информативными, наименее трудоемкими психологическими тестами являются Торонтская алекситимическая шкала и методика НПА. Может быть рекомендовано использование данных методик при проведении периодических медицинских осмотров для ранней диагностики и последующей коррекции развивающихся психоэмоциональных нарушений в условиях обучения в вузе, а также для формирования групп риска в процессе проведения периодических медицинских осмотров с целью проведения необходимых лечебно-профилактических и психокоррекционных мероприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баевский Р.М., Берсенева А.П. Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний. М. : Медицина, 1997. 265 с.
2. Гурвич И.Н. Тест нервно-психической адаптации // Вестник гипнологии и психотерапии. 1992. № 3. С. 46–53.

3. Дьяконов И.Ф., Овчинников Б.В. Психологическая диагностика в практике врача. СПб. : СпецЛит, 2008. 143 с.
4. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 61–90.
5. Taylor G.J. Alexithymia: concept, measurement and implications for treatment // Am. J. Psychiat. 1984. Vol. 141, № 6. P. 725–732.

Культурно-историческая концепция как основание к построению кибернетической модели исследования генеза выученной беспомощности детей с ослабленным здоровьем

Волкова О.В.
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск

Cultural and historical concept as the basis to creation of cybernetic model of learned helplessness genesis research among children with the weakened health

Volkova O.V.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky, Krasnoyarsk

Аннотация. В статье актуализируется проблема исследования генеза выученной беспомощности детей с ослабленным здоровьем в процессе онтогенетического развития с позиции культурно-исторической концепции. Обосновываются актуальность, цель, предмет, объект, задачи исследования, а также теоретико-методологические основания и гипотезы в отношении предполагаемых результатов. Изложены перспективы исследования по проблеме. Выдвигается предположение, что специально разработанная и апробированная кибернетическая модель исследования будет эффективной в ранней диагностике и превенции развития выученной беспомощности детей с ослабленным здоровьем на разных этапах онтогенеза.
Ключевые слова: выученная беспомощность, соматическое здоровье, онтогенез, ребенок с ослабленным здоровьем, культурно-историческая концепция, генез, кибернетическая модель.

Abstract. The thesis reveals the problem of learned helplessness genesis research among children with the weakened health in the course of ontogenetic development from the position of the cultural and historical concept. Relevance,

the purpose, subject, object, research problems, the theoretical and methodological bases, and also hypotheses concerning estimated results are stated. Prospects of research on a problem are stated. The assumption concerns the hypothesis that specially developed and approved cybernetic model of research will be effective in early diagnostics and prevention of learned helplessness development of children with the weakened health at different stages of ontogenesis.
Keywords: the learned helplessness, somatic health, ontogenesis, the child with the weakened health, the cultural and historical concept, genesis, cybernetic model of research.

Комитетом экспертов Всемирной Организации Здравоохранения здоровье рассматривается как «состояние физического, умственного, социального благополучия, а не отсутствие болезни или физических недостатков». Здоровье – это комплексная категория, которую следует понимать как физическое, так и психическое и психологическое здоровье. В число факторов, детерминирующих нарушение гармоничного развития ребенка, входят ослабленное соматическое здоровье, психологические особенности развития, особая социальная ситуация развития ребенка, а также недостаток материальных и духовных ресурсов, необходимых для полноценного развития детей.

Ухудшение состояния здоровья детей и подростков остается остроактуальным в течение последних лет. Уровень заболеваемости вырос по всем видам болезней, 75% подростков имеют хронические заболевания. Увеличивается число детей, имеющих задержку психического развития по причине соматического нездоровья. В число причин, объясняющих этот факт, эпидемиологи включают высокую социальную активность детей, посещающих в день несколько организованных коллективов (образовательные учреждения, кружки, секции и т.п.), регулярное использование общественного транспорта, особенности детского возраста, характеризующиеся процессом формирования иммунной системы, постоянно подвергающейся негативному воздействию неблагоприятных экологических факторов, а также фактор наследственности, связанный с низким уровнем здоровья родителей [3].

Тем не менее традиционная медицина все больше обращается в сторону психологических аспектов соматического здоровья населения и подтверждает утверждение психосоматического взгляда о том, что 30–40% частых и хронических заболеваний имеют психогенную основу.

В ситуации жизни современного ребенка можно отметить высокий уровень информационной и учебной перегрузки, несоответствие между

требованиями социума и объективными возрастными возможностями, низкий уровень функциональной готовности к посещению детских садов и школ, низкую мотивированность детей к учебной и образовательной деятельности, особую (часто невротического характера) социальную обстановку в семье, замену непосредственного общения опосредованными контактами, искаженное понимание в семье феноменов «здоровье» / «болезнь», наличие психологических выгод от заболевания ребенка и родителей. Критерии нормы психологического здоровья ребенка напрямую связаны с особенностями основных этапов его онтогенетического развития. Одним из значимых критериев психологического здоровья человека (в том числе и ребенка) является адаптация к социуму [1–3].

Анализируя психологическое здоровье через критерий адаптации, были выделены следующие его уровни: креативный уровень (высший уровень психологического здоровья) – дети, не нуждающиеся в психологической помощи, устойчиво адаптирующиеся к любой среде, обладающие резервом для преодоления стресса и активным творческим потенциалом; адаптивный уровень (группа относительного риска) – дети в целом адаптированы к социуму, но характеризуются повышенной тревожностью, запас прочности психологического здоровья невысок; низший уровень – дети, неспособные к гармоничному и эффективному взаимодействию с окружающими, характеризуются нарушениями поведения, конфликтностью, эмоциональной лабильностью, неуверенностью в себе, стремлением к изоляции (замкнутость интересов и потребностей в рамках ближайшего социального окружения), стойким эмоциональным дискомфортом (дисфорией), соматическими нарушениями. В представленной классификации уровней психологического здоровья в рамках данного исследования особый интерес вызывает третий, низший уровень, по многим параметрам совпадающий с основными признаками выученной беспомощности.

Выученная беспомощность – это состояние, возникающее в результате длительного по времени, неоднократно повторяющегося (реверсивного) воздействия (как позитивного, так и негативного), избегание которого является невозможным. В число факторов, способствующих формированию выученной беспомощности, включают стресс, неудачи, низкую самооценку, основанную на оценке извне, и, как следствие, низкий уровень притязаний [4, 5].

В качестве специфических характеристик выученной беспомощности описаны такие внешние ее проявления, как торможение поведения, ослаб-

ленная мотивация, нарушение познавательной активности и ее продуктивности, детерминация к появлению и укреплению психосоматических расстройств. Ряд исследований подтверждает, что пусковым механизмом формирования выученной беспомощности является негативный опыт осознания неподконтрольности событий в детстве и подростковом возрасте [4, 5].

Выученная беспомощность как форма организации жизнедеятельности является катализатором соматического нездоровья и детерминирует снижение сопротивляемости организма вредоносным воздействиям внешней среды, способствует развитию и обострению соматических заболеваний различной этиологии.

Описанные выше тенденции и противоречия позволяют обосновать актуальность разработки культурно-исторической концепции генеза выученной беспомощности детей с ослабленным здоровьем и апробации кибернетической модели исследования, направленной на диагностику, коррекцию и профилактику выученной беспомощности в онтогенезе.

Выученная беспомощность представляет специфическую характеристику ребенка с ослабленным здоровьем, являющуюся результатом особого восприятия им собственного соматического статуса, преломленного через призму осознания внутренней картины болезни и внутренней картины здоровья, подвергающуюся непосредственному влиянию специфического родительского отношения и восприятия родителями личности ребенка с ослабленным здоровьем, имеющую зачатки формирования в дошкольном возрасте и формирующуюся в течение всего периода становления и развития личности человека. Кибернетическая модель исследования, представленная сочетанием количественных и качественных методов естественнонаучного и феноменологического анализов, позволит осуществить дескриптивную, интерпретативную и теоретическую валидизацию в культурном и клинико-психологическом исследованиях сущностных особенностей феномена «выученная беспомощность» с позиции культурно-исторического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варга А.Я. Роль родительского отношения в стабилизации детской невротической реакции // Вестник МГУ. Сер. Психология. 1985. № 4. С. 32–37.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1984. Т. 4. 432 с.
3. Исаев Д.Н. Психология больного ребенка. СПб., 1993. 75 с.
4. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни. М. : София, 2006. 368 с.
5. Циринг Д.А. Психология выученной беспомощности : учеб. пособие. М. : Академия, 2005. 120 с.

Роль детско-родительских отношений в подростковом вандализме[*]

Воробьева И.В., Кружкова О.В.
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

The role of the parent-child relationship in the adolescence vandalism

Vorobyeva I.V., Kruzhkova O.V.
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обусловленности деструктивных проявлений в поведении подростка, являющихся элементами вандальной активности, спецификой детско-родительских взаимоотношений. В ходе исследования 100 подростков обнаружены устойчивые модели предикторов (показатели стиля семейного воспитания), имеющие свою специфику в зависимости от воспитывающего субъекта (матери или отца).
Ключевые слова: детско-родительские отношения, вандализм, деструктивное поведение, подростковый возраст, стиль семейного воспитания.

Abstract. The article discusses the destructive manifestations of conditionality in the behavior of adolescents, which are elements of vandal activity, the specificity of the parent-child relationship. The study of 100 adolescents were found out the sustainable patterns of predictors (performances of the style of family upbringing), having its own specificity, depending on the upbringer (mother or father).
Keywords: parent-child relationship, vandalism, destructive behavior, adolescence, the style of family upbringing.

С актами вандализма и результатами вандальных действий современное общество сталкивается достаточно часто. По мнению специалистов, склонность к осознанному нанесению вреда чужой или общественной собственности наиболее свойственна подросткам. Они чаще всего совершают вандальные акты для отреагирования собственной агрессии, выражения протеста или несогласия с доминирующей позицией взрослых или в силу конформных установок [1]. Кроме того, зарубежные исследования показали, что подростки, склонные к вандальному поведению,

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ-Урал «Роль детско-родительских отношений в формировании готовности ребенка к вандальному поведению», № 15-16-66020.

имеют некоторые специфические характеристики. В целом они не отличаются по уровню общего интеллекта, однако все же имеют более низкую школьную успеваемость и, возможно, пониженный социальный статус в группе [3, 4]. Результаты отечественных исследований показывают прямую связь этого вида отклоняющегося поведения с неблагоприятной обстановкой в семье, а также с низкой социальной компетентностью подростка [2].

Безусловно, формирование системы отношений ребенка с предметной средой, дифференциация своей и чужой собственности закладывается на этапе детства и обусловливается системой детско-родительских отношений в семье. Определенное время проблемные аспекты взаимодействия ребенка и его родителей являются скрытыми и ситуативно проявляющимися. Но когда ребенок включается в социальное сообщество в учебном заведении, эти накопленные проблемы и сформированные деструктивные стратегии взаимодействия с предметным и социальным миром обретают активную внешне направленную форму, обостряясь именно в период подростничества. Так, деструктивные типы семейного воспитания обусловливают не только нарушения личностного развития подростка, но и детерминируют образование и закрепление негативных поведенческих стратегий, которые в дальнейшем могут привести к осознанному выбору вандального поведения. Соответственно, изучение потенциальных предикторов (специфики детско-родительских отношений и стиля семейного воспитания), обусловливающих склонность подростка к деструктивным вариантам взаимодействия с окружающей его средой, представляется актуальным и востребованным.

Выявление роли детско-родительских отношений в выборе подростком деструктивной формы взаимодействия с окружающим миром, в том числе и с материальным, проводилось посредством диагностики 100 респондентов в возрасте от 14 до 16 лет с помощью психодиагностического метода (в исследовании использовались тест детско-родительских отношений подростка О.А. Карабановой и П.В. Трояновской (ДРОП) и Фрайбургская анкета) и было направлено на решение следующих исследовательских вопросов:

1. Существует ли обусловленность склонности подростка к деструктивному взаимодействию с окружающим миром спецификой детско-родительских взаимоотношений в семье?

2. Присутствует ли разница в изучаемых детерминационных механизмах в зависимости от субъектов семейных отношений (подросток–мать и подросток–отец)?

Полученные результаты были обработаны многомерным методом математико-статистического анализа – линейным регрессионным анализом – с использованием программы IBM SPSS Statistics 19 (табл. 1).

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа

Зависимая переменная	Независимая переменная	*R*-квадрат	Значения *F*-Фишера		Коэффициенты регрессии	
			F	*p*-знч.	β	*p*-знч.
Оценка подростком матери						
Готовность подростка к деструктивному поведению	Принятие решений	28,4%	7,447	0,000	–0,361	0,001
	Поощрение автономности ребенка				0,251	0,019
	Мониторинг				–0,237	0,021
	Авторитарность				0,229	0,011
	Неуверенность				0,196	0,031
Восприятие подростком отца						
Готовность подростка к деструктивному поведению	Принятие решений	29,2%	6,392	0,000	–1,124	0,000
	Конфликтность				–0,462	0,004
	Поощрение автономности ребенка				0,866	0,016
	Реализация наказаний				0,407	0,011
	Неадекватный образ ребенка				0,862	0,000
	Доброжелательность к супруге				–0,651	0,013

Необходимо отметить, что обнаруженные модели имеют достаточно высокие показатели общей объясненной дисперсии, что подтверждает значимую роль детско-родительских отношений в формировании готовности подростка к деструктивному поведению, в том числе к вандализму. Однако состав элементов моделей имеет существенные различия в зависимости от конкретного субъекта детско-родительских отношений (матери или отца).

Так, потенциальное влияние матери на склонность ребенка к подобным формам девиантного поведения заключается в том, что она демонстрирует авторитарную позицию в отношении подростка, стремится к жесткому контролю и принятию единоличных решений в ситуациях, предполагающих учет и его мнения. Кроме того, мать может демонстрировать полную незаинтересованность в жизни ребенка, отсутствие осведомленности о его делах и проблемах, при этом в ситуациях неудачи или столкновения интересов возлагать ответственность за негативные последствия

только на подростка. Подобное поведение матери может сопровождаться и усиливаться за счет ее внутренних сомнений и неуверенности как в отношении себя, так и в отношении той модели взаимодействия с ребенком, которую она выбрала.

Взаимоотношения с отцом образуют совершенно иную картину предикторов развития деструктивного поведения подростка. Сходная с материнской стратегия отца, проявляющаяся в доминантности при принятии решений по поводу подростка, уточняется его позицией «проигравшего» в конфликтных ситуациях в семье. Кроме того, отец также не включен в жизнь ребенка, не интересуется его делами, достижениями и трудностями, но при этом готов реализовывать любые наказывающие действия по отношению к нему. Зачастую отец имеет искаженное представление о своем ребенке, возможно, наделяя его несвойственными чертами характера или проецируя на него собственные неудачи и слабости. Помимо этого, немаловажную роль играет отношение отца к матери, в случае подкрепления деструктивного поведения подростка – это отсутствие теплых чувств и доверительных отношений.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Выявлена обусловленность склонности подростка к деструктивному взаимодействию с окружающим миром спецификой детско-родительских взаимоотношений в семье. Особую роль в развитии агрессивно-девиантного поведения ребенка по отношению к окружающей среде играет авторитарно-индифферентная позиция родителя, проявляющаяся, с одной стороны, в жестком регламентированном контроле за поведением ребенка, а с другой – в поверхностном включении в его жизнь и формальном выполнении своих родительских обязанностей. Зачастую описанная модель взаимоотношений с ребенком формируется у тех родителей, которые не уверены в своем воспитательном потенциале или гиперкомпенсируют свое негативное отношение к ребенку.

2. Обнаружена разница в изучаемых детерминационных механизмах в зависимости от субъектов семейных отношений (подросток–мать и подросток–отец). Поведение матери и отца имеют несколько сходных поведенческих моделей, таких как перенос ответственности на ребенка и принятие за него единоличных решений. Вместе с тем мать демонстрирует скорее отстранённую позицию с формальным выполнением требуемых родительских обязанностей, отец же выбирает агрессивно-компенсаторный вариант, позволяющий ему самоутвердиться за счет подавления подростка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ватова Л.С. Психологические причины и условия возникновения подросткового вандализма : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2000. 24 с.
2. Ватова Л.С. Социально-психологические особенности молодежного вандализма // Вестник интегративной психологии. 2009. № 7. С. 63–64.
3. Hauber A.R. A dutch perspective on some effects of alternative sanctions // Crime, Law and Social Change. 1991. № 15 (2). P. 91–108.
4. Tygart C. Public school vandalism: Toward a synthesis of theories and transition to paradigm analysis // Adolescence. 1988. № 23 (89). P. 187–200.

Смена локуса этнического дискурса: ключевые функции виртуальных комьюнити в трансляции и воспроизводстве виртуальной этнонациональной идентичности*

Глухов А.П., Окушова Г.А.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Changing Locus Ethnic Discourse: Key Features of Virtual Community in Broadcasting and Reproduction of Virtual Ethnic Identity

Glukhov A.P., Okusheva G.A.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье анализируется процесс смены медиумов этноформирующего дискурса с традиционных медиа на платформы социальных сетей в рамках кейса центральноазиатских мигрантов в России. Авторы рассматривают функции виртуальных этнических комьюнити мигрантов как микроинститутов воспроизводства этнической идентичности.
Ключевые слова: виртуальная этническая идентичность, социальные сети и социальные платформы, воспроизводство идентичности, этнические комьюнити, этноформирующий дискурс.

Abstract. The article analyzes the process of changing the ethno-forming mediums from traditional media discourse on social media platforms as part of the case of the Central Asian migrants in Russia. Here are examined the function of

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Виртуальная этнонациональная идентичность мигранта в зеркале российских социальных сетей», № 15-03-00300а.

the virtual community of ethnic migrants as small institutions reproduction of ethnic identity.
Keywords: virtual ethnic identity, social networks and social platforms, the reproduction of identity, ethnic community, ethnic discourse.

Жизненный мир человека XXI века – это мир «реальной виртуальности» (М. Кастельс), обусловленный проникновением Интернета фактически во все сферы общественной практики. Глобальная сеть привлекает человека огромными возможностями для конструирования идентичности и самореализации. Рассматривая процессы изменения ценностно-смысловых оснований и поведенческих установок у современных людей, М. Кастельс пишет: «С одной стороны, многие думают, что в обществе глобальных сетей исчезает особая идентичность. В действительности же происходит наоборот. Все больше и больше людей полагаются в своей жизни на свою идентичность и очень часто на национальную идентичность общества, в котором живут, – религиозные, национальные и этнические особенности. Неправда, что большинство людей считают себя гражданами мира. Большинство людей придают особое значение своей национальной принадлежности» [3, с. 51].

В рамках данной статьи представлены промежуточные результаты научного проекта кафедры социальных коммуникаций НИ ТГУ, посвященного исследованию виртуальной этнонациональной идентичности мигрантов из Центральной Азии в России. В качестве рабочей научной парадигмы мы использовали конструкционистский подход к проблеме формирования национально-гражданской и этнической идентичности, выраженный в работах англо-американских этнологов Э. Геллнера [2], Б. Андерсона [1], Э. Хобсбаума [4]. Ключевым феноменом, выступившим в качестве предмета для осмысления, стал факт смены центра тяжести этноформирующего дискурса из сферы традиционных офлайн-медиа в область виртуальных коммуникаций на социальных платформах. В ситуации мигранта, в силу причин пространственной отдалённости выпадающего из-под власти эфирного воздействия национальных офлайн-медиа, этот процесс носит более наглядный и вещественный характер, при этом не теряя своей универсальности. Пространство виртуальных сетей рассматривалось нами как новая сценическая площадка, на которой с помощью целого арсенала текстовых, аудио-, видео- и графических выразительных средств модераторы этносообществ и сами участники обладают возможностью разыгрывать свою постановку-проект этноса за пределами patria, свою версию этнической идентичности.

Рассмотрение виртуальных этнических комьюнити как социальных микроинститутов, выполняющих определенные социальные функции, нашло подтверждение в ходе реализации исследовательского проекта. При этом уровень осознанности собственных виртуальных действий среди модераторов и участников этнических виртуальных групп невелик. Многие из них задумались над функциями виртуальных этносообществ только после того, как им был задан соответствующий вопрос интервьюера. На основании мониторинга контента в сетевых этногруппах, данных интервью и фокус-групп мы выделили ряд функций виртуальных этнокомьюнити, направленных на поддержку этнического дискурса и воспроизводство идентичности.

Кратко перечислим основные из них и проиллюстрируем особенности выполнения функций на наиболее выразительных примерах некоторых виртуальных этносообществ.

1. *Трансляция национальной культуры (религия, поэзия, музыка, живопись, танцы, кухня, прикладное искусство) через использование графического, аудио- и видеоконтента.*

Данные мониторинга свидетельствуют, что в названии многих виртуальных этнических комьюнити эта функция фигурирует уже изначально. Приведем в качестве примера перечень говорящих за себя названий: узбекская виртуальная этногруппа «Музыка☆Кино☆Кухня☆Новости☆ Культура Узбекистана» (http://vk.com/uzbeknew) с 18 171 подписчиком, виртуальный социальный научно-познавательный журнал «History Of Uzbekistan» (http://vk.com/history_uz) с 1 845 подписчиками, группа «Русский рэп с Узбекистана (РРУз)» с 974 участниками, сообщество в Facebook «Творческие узбеки» (https://www.facebook.com/TvorcheskieUzbeki?fref=ts) с 5 326 лайками, социальный научный сайт в Facebook «Узбекистан на Великом шелковом пути» (https://www.facebook.com/www.silkway.uz) с 681 лайком, сообщество «Кыргызы в парадигме пространства и времени» (https://www.facebook.com/) с 47 лайками и др.

Посты или целые группы, посвященные национальной культуре, можно подразделить условно на элитарные (высокая поэзия, музыка, этнографически-исторические исследования и зарисовки) и массовые популярные (аудиотреки и клипы национальных поп-звезд, национальные художественные фильмы, предметы прикладного искусства и блюда национальной кухни).

Размещая подобный контент в ленте сообщества, модераторы не просто актуализируют историко-культурные темы для пользователей, в чис-

ле которых мигранты, они способствуют развитию чувства сопричастности к великой национальной культуре у тех, кто уже родился в России и не связан эмоционально со своей исторической родиной.

2. *Сохранение национальной языковой компетенции через общение в ленте активности, группах и сообществах, в том числе часто и на национальном языке (при написании кириллицей).* Двуязычие виртуальных этногрупп среднеазиатских мигрантов в России имеет повсеместное распространение, часто на родном языке приводятся какие-то идиомы, пословицы, устоявшиеся сентенции, трудноперевод имые на русский, но выступающие своеобразным языковым маркером посвященности.

3. *Координация деятельности национальных офлайн-сообществ и анонсирование культурно-национальных мероприятий, национальных и религиозных праздников.* В виртуальных этносообществах присутствует масса постов, посвященных поздравлениям верующих и диаспоры в целом с праздниками Курбан-Байрам, Мухxарам (исламским Новым годом), годовщинами независимости среднеазиатских государств и другими религиозными и национальными праздниками. Социальные сети также используются для организации совместных празднований, проведения свадеб, деловых встреч, анонсирования создания адаптационных групп детей и взрослых мигрантов, культурно-просветительских мероприятий.

4. *Оказание помощи и услуг в области культурной адаптации и правовой легализации, трудоустройства, рекрутинг рабочих рук (в том числе и на коммерческой основе).* Мониторинг лент сообществ показал, что виртуальные этногруппы содержат большое количество объявлений рекрутингового характера (предлагается работа в телевизионной массовке, вакансии поваров, разнорабочих и т.д.) и предложений разного рода услуг для мигрантов-соотечественников. Сюда входят, прежде всего, авиауслуги и другие перевозки, поиск жилья, аренда и продажа квартир в России, помощь и консультации в получении работы, патента на работу, различных видов регистрации, медицинской страховки, групповые микрозаймы, запись в адаптационные и развивающие группы как для детей, так и для взрослых мигрантов.

5. *Поддержание культурных связей диаспоры с исторической родиной, трансляция национальных новостных поводов.* В виртуальных этнокомьюнити активно освещаются такие новостные поводы, как проведе-

ние саммитов стран СНГ, внутринациональные культурные и политические события, изменения в отношениях между среднеазиатскими странами-донорами мигрантов и Россией, влекущие изменения миграционного законодательства, поводы для гордости в виде побед национальных сборных и отдельных спортсменов, выступления национальных артистов на российской и глобальной сцене.

6. *Эмоциональная поддержка соотечественников и выражение этнической солидарности.* Виртуальная поддержка носит разнообразный характер. Она может выражаться в формате апелляции к ностальгическим воспоминаниям о родном крае, утверждении национальной исключительности и превосходства в ситуации недружественного окружения и даже противопоставления себя русским (встречается нечасто и обычно имеет рефлексивный ироничный характер, яркий пример – шутливый слоган «Узбекистан – самая вкусная страна!»), в форме выражения обиды по отношению к негостеприимным «хозяевам»-русским, призывов оставаться мусульманами, несмотря на разлагающее влияние окружающей потребительской культуры.

Таким образом, мониторинг этносообществ, расположенных на популярных социомедиаплатформах, и анализ графического, аудио- и видеоконтента, предлагаемого на их лентах активности, позволяют говорить о выполнении ими функций трансляции и воспроизводства виртуальной этнонациональной идентичности и сохранении национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Канон-Пресс-Ц, 2001. 333 с.
2. Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
3. Кастельс М., Алексеева А. Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства : из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012 // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед ; отв. ред. Л.Н. Верченов, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. М., 2013.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.

Профессиональные установки и психологическая устойчивость будущих педагогов

Дарвиш О.Б.
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Professional installation and emotional stability future teachers

Darwish O.B.
Altai State Pedagogical University, Barnaul

Аннотация. В статье представлено исследование по формированию профессиональных установок и психологической устойчивости будущих педагогов в условиях вузовской подготовки на основе теории психологических систем (В.Е. Клочко).
Ключевые слова: профессиональные установки, психологическая устойчивость, образовательная среда, теория психологических систем, педагогическая практика.

Abstract. The article presents a study on the formation of professional attitudes and psychological stability of future teachers in the context of University training on the basis of the theory of psychological systems (V.E. Klochko).
Keywords: professional installation, psychological resilience, educational environment, psychological systems theory, pedagogical practice.

В современных условиях модернизации высшего педагогического образования особую актуальность приобретает проблема профессиональной подготовки специалистов – будущих педагогов. Успешность деятельности специалистов зависит не только от приобретенных знаний, умений, навыков, но и от отношения к деятельности, готовности к реализации тех обязанностей, норм, предписаний и требований, которые вытекают из существа профессиональной роли. Одним из факторов успешной реализации профессиональной роли педагогов является положительная установка на свою профессию, их психологическая устойчивость, которые формируются как в процессе подготовки будущих специалистов, так и при осуществлении ими профессиональной деятельности.

Наше исследование проводилось на базе Алтайского государственного педагогического университета. Обучение педагогов в АлтГПУ направлено на овладение будущими педагогами профессиональными компетенциями – умением противостоять определенным воздействиям, избира-

тельно относиться к внешним влияниям, проявлять устойчивость по отношению к ним, сопоставлять мнения и поступки других людей, а также собственные поступки с усвоенными нормами и принципами и в соответствии с ними намечать и реализовывать определенную линию поведения.

Методологической основой нашего исследования является теория психологических систем, которая понимается как открытая самоорганизующаяся система (В.Е. Клочко, О.М. Краснорядцева, Э.В. Галажинский), способная не только к самореализации, самоорганизации, но и к саморазвитию [1].

Проблема психологической устойчивости исследуется учеными во взаимосвязи с профессиональными установками. Так, в исследованиях научной школы Д.Н. Узнадзе (А.С. Прангишвили, В.Г. Норакидзе, Ш.А. Надирашвили) психологическая устойчивость рассматривается во взаимосвязи с фиксированными смысловыми установками, которые несут в себе ведущее отношение личности к действительности. В установках содержится модель будущего действия, что предопределяет относительную устойчивость поведения человека. Установкам предписывается роль того первичного, что предваряет все психические процессы. Установка как целостная модификация субъекта, его готовность к восприятию будущих событий и совершению в определенном направлении действий часто рассматривается как состояние, которое придает деятельности субъекта определенную направленность, вносит в эту деятельность специфическую настроенность действовать именно таким, а не каким-либо иным образом.

Профессиональные установки являются, на наш взгляд, важным фактором самосовершенствования и саморазвития будущего педагога, они влияют на успешность его профессиональной деятельности и еще в вузе демонстрируют индивидуальную степень ее достижения. В нашем исследовании проблемы детерминации профессиональных установок выявлена тенденция зависимости типа установки и степени проявления ригидности, что, безусловно, влияет на профессиональный рост педагога, его отношение к профессиональной деятельности, самореализацию: у педагогов со скрытно-отрицательными установками высокая степень ригидности, у педагогов с активно-положительными установками степень проявления ригидности низкая или умеренная.

Сопоставляя данные, полученные в условиях лабораторного исследования и в условиях реальной профессиональной деятельности педагогов, нами сделан вывод о том, что становление профессиональных установок де-

терминировано сложным взаимодействием внешних (менталитет окружающей квазипрофессиональной на этапе подготовки и собственно профессиональной среды) и внутренних (психофизиологических, психических и личностных) факторов. Профессиональные установки проявляются в реальной жизнедеятельности в форме самых различных феноменов: от устойчивости профессиональной неспособности к трансформациям до гиперустойчивости и от готовности к перманентному профессиональному саморазвитию и самореализации до неофобий, иллюзорного самовосприятия и неустойчивости самооценки. Гибкость проявления профессиональных установок обеспечивает устойчивость личности педагогов, целенаправленность их деятельности, способность к самореализации.

В условиях вуза необходимо создавать развивающую образовательную среду для осознания будущими педагогами себя субъектом своей жизнедеятельности. Построение развивающей среды в системе высшего образования дает возможность понять современную общность, освоить исторические формы сознания и деятельности, принять участие в деятельности этой общности, получив средства для ее развития в процессе образования, повышая уровень психологической устойчивости будущих педагогов. Наше исследование позволяет утверждать, что образовательная среда вуза оказывает влияние на личностные достижения – ценности, потребности, интересы будущих педагогов.

В образовании сегодня на первый план выдвигаются задачи развития и формирования личности и индивидуальности детей, создания условий, обеспечивающих личностно-ориентированный подход к развитию способностей и использованию потенциальных возможностей каждого школьника. Поэтому немаловажное значение мы придаем овладению педагогами диагностическим инструментарием, позволяющим отслеживать развитие ребенка в процессе обучения через изучение уровней его актуального развития, зоны ближайшего развития и зоны саморазвития.

Значительный интерес для педагогов представляет изучение возрастных особенностей личности, механизмов ее развития, овладение современными методами диагностики и статистической обработки исследовательских данных.

В процессе нашего исследования мы уделяем внимание методике психологической саморегуляции, внедрению психотехнологий во все виды деятельности, осуществлению индивидуального психолого-педагогического консультирования.

При изучении психолого-педагогических дисциплин происходит развитие установок на понимание и принятие учеников педагогами вне зависимости системы их ценностей, модели поведения и оценок, а также отрабатывается умение оценивать свои проявления, особенности самооценки, саморегуляции и т.д. При подготовке педагогов, педагогов-психологов мы формируем у будущих специалистов системы образования способность переводить непроизвольные эмоциональные реакции в сложных ситуациях в сознательно регулируемые, используя при этом аутогенную тренировку, приемы психологической саморегуляции, групповые тренинги, отрабатываем приемы стимулирования положительных мотивов поведения, самоуправления, самоконтроля экспрессивных действий, осмысливания эмоциональных переживаний в различных обстоятельствах, самоанализ поведения. Одной из приоритетных задач при подготовке педагогов становится внедрение в практику образовательного процесса таких технологий, которые в наибольшей степени способствовали бы активизации их мотивационной сферы, а также формированию положительных установок на профессиональное развитие, самореализацию. Особенностью образовательных технологий, используемых нами в образовательном процессе при подготовке специалистов, становится их гуманистическая направленность, в их основу положены субъект-субъектные взаимодействия участников педагогического процесса, которые позволяют предоставить возможность педагогу, педагогу-психологу обратиться к собственной личности и наладить межличностные отношения с другими субъектами образовательного процесса.

Организованный таким образом процесс позволяет влиять на межличностные отношения педагогов, формировать устойчивость реагирования на внешние воздействия, избирательно относиться к внешним влияниям, сопоставлять мнения и поступки других людей, а также собственные поступки с усвоенными нормами и принципами и в соответствии с ними намечать и реализовывать определенную линию поведения, способствовать самореализации.

В процессе педагогической практики будущим педагогам, педагогам-психологам предоставляется возможность самостоятельно проектировать взаимодействия с другими субъектами образовательного пространства, что повышает уровень их психологической устойчивости, которую они проявляют, обучаясь в вузе, а также в реальной педагогической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
2. Прангишвили А.С. Исследование по психологии установки. Тбилиси : Менцниереба, 1967. 203 с.
3. Дарвиш О.Б. Психологическая устойчивость как базовая характеристика личности // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 7. С. 262–269.

Стилевая саморегуляция и мотивация студентов гуманитарных специальностей с разным уровнем академической успеваемости

Демещенко В.А., Шабаловская М.В.
Сибирский государственный медицинский университет, Томск

Stylistic self-regulation and academic motivation of humanities students different levels of academic achievement

Demeshchenko V.A., Shabalovskaya M.V.
Siberian State Medical University, Tomsk

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на определение специфики стилевой саморегуляции и академической мотивации у студентов с академической задолженностью по сравнению с отличниками специальностей «клиническая психология» и «социальная работа».
Ключевые слова: саморегуляция, академическая мотивация, студенты.

Abstract. The article presents the results of research designed to determine the specifics of stylistic self-regulation and academic motivation of students with academic debts compared with excellent pupils from clinical psychology and social work specialties.
Keywords: self-regulation, academic motivation, students.

В настоящее время во многих высших учебных заведениях остро стоит проблема повышения качества и эффективности образования. Внедрение инновационных обучающих подходов диктует высокий уровень требований не только к преподавателям, но и к студентам. Для того чтобы простроить стратегию эффективного учебного процесса необходимо учитывать индивидуально-психологические особенности участников образовательного процесса, в частности уровень саморегуляции и мотивацию.

Изучение особенностей саморегуляции и мотивационной направленности студентов необходимо для решения задач индивидуального подхода при обучении, успешной адаптации студентов к условиям высшей школы, формирования умений реализовывать цели и планы. Процессы планирования и программирования учебной деятельности, учет значимых условий обучения, оценивание результатов своей деятельности, а также соответствующие регуляторно-личностные качества, такие как самостоятельность, инициативность, гибкость, на этапе вузовского обучения приобретают первостепенное значение [4]. Поэтому профессиональное становление молодых людей существенным образом зависит от их собственной активности. Именно эта позиция и связанный с ней опыт позволяют студентам целенаправленно, сознательно, активно и умело осуществлять подготовку к профессии [3].

Целью исследования явилось определение специфики стилевой саморегуляции и академической мотивации (включающей внутреннюю, внешнюю и амотивацию) у студентов с академической задолженностью по сравнению с отличниками.

В исследовании приняли участие студенты 2–5 курсов специальности «клиническая психология» и «социальная работа» факультета поведенческой медицины и менеджмента ГБОУ ВПО СибГМУ Минздрава РФ. Выборку составили 57 студентов, из них 15 юношей и 42 девушки (1 юноша и 9 девушек специальности «социальная работа»; 14 юношей и 33 девушки специальности «клиническая психология»). Из общей выборки были выделены 2 группы: 1) студенты, окончившие зимнюю сессию 2014/15 учебного года на «отлично» (36 студентов – 7 юношей и 29 девушек); 2) студенты, имеющие какую-либо академическую задолженность за 2014/15 учебный год (21 студент – 8 юношей и 13 девушек).

В качестве гипотезы исследования послужило предположение о том, что уровень внутренней академической мотивации, в которую включены познавательная мотивация, мотивация достижения и мотивация саморазвития, а также общий уровень стилевой саморегуляции значимо выше у студентов-отличников, чем у студентов с академической задолженностью 2–5 курсов ФПМиМ СибГМУ.

Теоретико-методологической основой исследования послужила концепция индивидуального стиля саморегуляции В.И. Моросановой, а также концепция самодетерминации Э. Диси и Р. Райана.

Основой концепции самодетерминации является идея о трех базовых потребностях, лежащих в основе внутренней мотивации: потребности в

компетентности, автономии и связанности с другими людьми. Внутренняя мотивация имеет место тогда, когда человек что-то делает просто потому, что эта деятельность доставляет ему удовольствие. При внешней мотивации поведение регулируется обещанными наградами или угрозой наказания [1]. На основе данной концепции Т.О. Гордеевой, О.А. Сычевым и Е.Н. Осиным был разработан опросник «Шкалы академической мотивации», включающий три шкалы внутренней мотивации (познавательную мотивацию, достижения и саморазвития), три шкалы внешней мотивации (мотивацию самоуважения, интроецированную и экстернальную), а также шкалу амотивации, которая измеряет отсутствие интереса к обучению и отсутствие осмысленности учебной деятельности [2]. Данный опросник был использован нами в настоящем исследовании.

Под стилевой саморегуляцией мы понимаем «типичные для человека и наиболее существенные индивидуальные особенности самоорганизации и управления внешней и внутренней целенаправленной активностью, устойчиво проявляющиеся в различных ее видах» [5, с. 118]. Для исследования стилевой саморегуляции был использован опросник В.И. Моросановой и Е.М. Коноз «Стилевая саморегуляция поведения человека» [5].

Статистическая обработка данных проводилась в программе Statistica 8.0 с использованием непараметрического *U*-критерия Манна–Уитни.

В результате исследования стилевой саморегуляции при уровне значимости $p < 0,01$ у студентов-отличников были выше средние показатели моделирования, оценки результатов, а также общий уровень саморегуляции. Для уровня значимости $p < 0,05$ у отличников были выше средние показатели планирования и программирования. Это говорит о том, что в стилевых особенностях саморегуляции студенты с академической задолженностью отличаются от студентов-отличников тем, что они (в порядке значимости): 1) в меньшей степени способны выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в адекватности программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям; 2) менее адекватно оценивают самих себя и результаты своей деятельности и поведения; 3) менее осознанно планируют деятельность, при том что их планы менее реалистичны, детализированы, иерархичны, действенны и устойчивы, цели деятельности выдвигают самостоятельно; 4) реже продумывают способы своих действий для достижения намеченных целей, у них в меньшей степени развита детализированность и развернутость разрабатываемых программ.

В исследовании академической мотивации при уровне значимости $p < 0{,}01$ у отличников были выше средние показатели по трем шкалам внутренней мотивации (познавательной, достижения и саморазвития) и одной шкале внешней мотивации (самоуважения). При таком же уровне значимости ($p < 0{,}01$) у студентов с академической задолженностью был выше показатель амотивации. Исходя из всего этого можно выделить характерные особенности студентов с академической задолженностью, по сравнению с отличниками: 1) в академической деятельности они в меньшей степени, чем отличники, стремятся узнать новое, понять изучаемый предмет, для них менее характерно переживание интереса и удовольствия в процессе обучения; 2) в меньшей степени, чем отличники, они стремятся добиваться высоких результатов в учебе, испытывать удовольствие в процессе решения сложных задач; 3) в меньшей степени, чем отличники, студенты с академической задолженностью стремятся к развитию своих способностей, своего потенциала в рамках учебной деятельности, достижению ощущения мастерства и компетентности; 4) для них менее характерно желание учиться ради ощущения собственной значимости и повышения самооценки за счет достижений в учебе; 5) в меньшей степени характерно ощущение осмысленности учебной деятельности и более характерно отсутствие интереса к ней.

Таким образом, определив специфику стилевой саморегуляции и академической мотивации студентов с академической задолженностью для студентов специальностей «клиническая психология» и «социальная работа», мы имеем мишени, на которые необходимо направить коррекционную работу по повышению эффективности обучения студентов. К таким мишеням можно отнести регуляторные процессы в структуре саморегуляции (планирование, программирование, моделирование, оценку результатов деятельности) и внутреннюю мотивацию (познавательную, достижения и саморазвития).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т.О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы // Современная психология мотивации / ред. Д.А. Леонтьев. М. : Смысл, 2002. С. 47–102.
2. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. № 4. С. 96–107.
3. Козлова Н.В. Личностно-профессиональное становление в условиях вузовского образования: акмеориентированный подход : автореф. дис. … д-ра психол. наук. Томск, 2008. 44 с.

4. Моросанова В.И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 26. С. 5–17.
5. Моросанова В.И., Коноз Е.М. Стилевая саморегуляция поведения человека // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 188–127.

Оценка субъективного ощущения счастья методом семантического дифференциала

Долганов Д.Н.
Филиал Кузбасского государственного университета в г. Белово, Белово

Evaluation of subjective sensations happiness by the method of semantic differential

Dolganov D.N.
Branch Kuzbass State Technical University in Belovo, Belovo

Аннотаця. В статье рассматриваются результаты исследования оценки субъективного ощущения счастья методом семантического дифференциала и через соотношение образов счастливого и несчастного человека с образом «Я». Приводятся первичные данные, позволяющие охарактеризовать представления о счастливом и несчастном человеке.
Ключевые слова: счастье, семантический дифференциал, межличностные отношения.

Abstract. In the article the results of a study evaluating the subjective sense of happiness by the method of semantic differential and by the ratio of the images of happy and unhappy human with the images the “Self”. There are presented primary data allowing characterizing the representation of happy and unhappy man.
Keywords: happiness, semantic differential, interpersonal relations.

Понятие «счастье» в работах разных авторов имеет несколько отличающиеся трактовки, более или менее категоричные. Однако все они сходятся в том, что счастье – это психологический феномен, проявляющийся в форме субъективного благополучия [1, 4], в реализации «личностной уникальности» [2], характеризующийся осмысленностью, позитивностью, аутентичностью бытия, включенностью и вовлеченностью в поток жизни [3–5]. Поскольку проявления счастья связаны с субъективными проявлениями, постольку субъект-ориентированный подход к оценке

и диагностике счастья более чем оправдан. В нашей работе мы исходим из предположения, что одним из вариантов субъективных представлений о счастье может являться система представлений о счастливом и несчастном человеке.

Сразу скажем о том, что данное исследование не является самостоятельным. Представления о счастливом и несчастном человеке извлечены из массива данных, который мы собрали с использованием семантического дифференциала в контексте исследования психосемантических особенностей восприятия межличностных отношений. Общее количество испытуемых 929 человек. В процессе анализа мы их разделили на две подгруппы: первая – 273 человека, вторая – 656 человек. Данное деление обусловлено тем, что исследование проводилось в период с 2007 по 2014 г., и на разных этапах нами использовались отличающиеся версии семантического дифференциала. Отличия сводились к наборам признаков оценки; предлагаемый для оценки набор элементов одинаков и включает такие элементы, как «Я», «Мать», «Друг», «Враг», «Счастливый человек», «Несчастный человек». В рамках данной работы мы поставили перед собой задачу первичного поиска определенных особенностей восприятия и описания понятия счастья через систему представлений о счастливом и несчастном человеке. В связи с данной постановкой задачи мы не проводили нормирования выборки данных и использовали массив значений «как есть». В целом общий разброс возраста испытуемых от 16 до 65 лет, представители обоих полов (мужчины – 36%, женщины – 64%), представители различных социальных и профессиональных категорий, различного уровня образования.

Результаты разведочного факторного анализа. В первой подгруппе анализ оценок счастливого человека выявил три фактора, описывающих 56,6% общей дисперсии. Первый фактор (34,7%) – активный, дружелюбный, счастливый, везунчик, хороший, творческий, добрый, открытый. Второй фактор (10,3%) – темпераментный, мечтатель. Третий фактор (11,6%) – умный. Все факторы в содержательном плане однозначны: первый фактор «счастливый», второй фактор «темпераментный мечтатель», третий фактор «умный». Анализ оценок восприятия счастливого человека во второй подгруппе выявил четыре фактора – 58,9% общей дисперсии. Первый фактор (20,9%) – счастливый, везунчик, веселый, активный. Второй фактор (7,7%) – темпераментный, раскрепощенный. Третий фактор (14,8%) – скромный, уступчивый, сочувствующий. Четвер-

тый фактор (15,5%) – компанейский, умный, открытый. Первый фактор мы назвали «счастливый человек». Второй фактор, сочетающий проявления темпераментности, активности и раскрепощенности позволил дать ему название «непосредственный». В структуру третьего фактора входят характеристики, описывающие человека как не стремящегося выпячивать свои качества перед другими (скромный), умеющего проявить сочувствие и сопереживание, в чем-то уступить партнеру. Данный фактор мы назвали «мягкий». Четвертый фактор мы назвали по ведущему признаку «компанейский».

Анализ оценок восприятия несчастного человека в первой подгруппе выявил пятифакторную структуру, 58,7% общей дисперсии. Первый фактор (16,1%) – одинокий, грустный. Второй фактор (8,6%) – умный, бесцельный. Третий фактор (8,4%) – реалист, спокойный. Четвертый фактор (10,1%) – ненавистный, плохой. Пятый фактор (15,5%) – ограниченный, вспыльчивый, злой. Первый фактор интерпретируется как проявление одиночества, тогда как второй признак лишь дополняет описание одинокого человека как грустного, фактор назван «одиночество». Второй фактор можно назвать «нецеленаправленный». Сочетание признаков третьего фактора позволяет охарактеризовать человека как направленного на четкие прагматичные действия и не склонного к импульсивным реакциям, что позволило назвать фактор «прагматизм». Четвертый фактор можно обобщить понятием «плохой». Пятый фактор, по сути, продолжает тенденцию, выявленную в предыдущем факторе, с той разницей, что четвертый фактор описывает скорее личностные, а пятый фактор – поведенческие, стилевые черты.

При оценке восприятия несчастного человека во второй подгруппе выявлено три фактора, описывающих 59,3% общей дисперсии. Первый фактор (25,0%) – скромный, дотошный, безответственный, хороший, зануда. Второй фактор (22,4%) – несчастный, грустный, одинокий, замкнутый, застенчивый, неудачник. Третий фактор (11,9%) – спокойный, мечтатель. Первый фактор можно назвать «невыдающийся», второй фактор – «одиночество», третий фактор – «мечтатель».

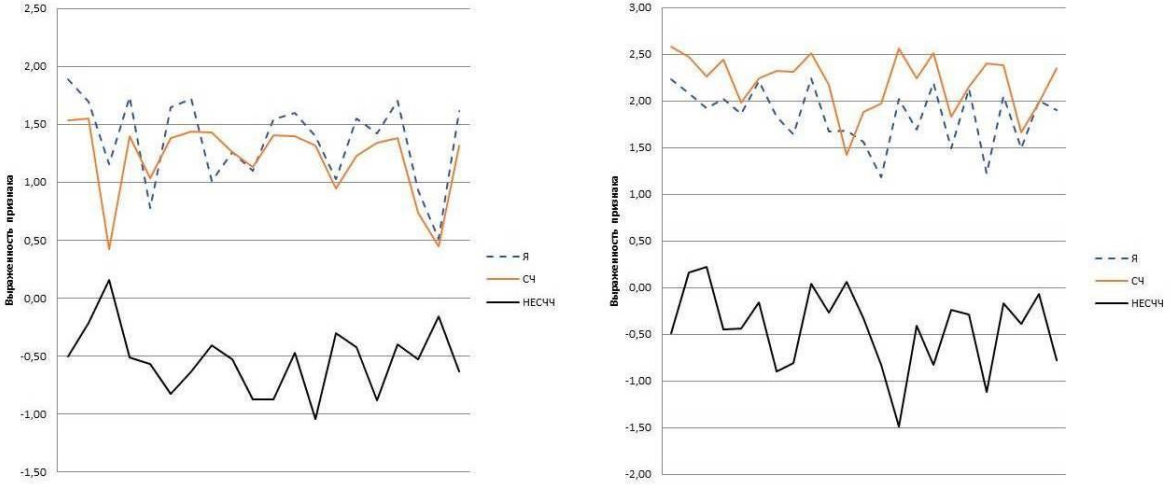
Резюмируя вышесказанное можно отметить, что, несмотря на отличающиеся системы признаков, в двух подгруппах выделяются сходные способы оценки счастливых и несчастных людей. Счастливый человек – это человек позитивный, непосредственный в общении и взаимодействии, активный, умеющий проявить сочувствие и мягкость, умный, компаней-

ский. Несчастный человек оценивается немного двойственно. С одной стороны, спокойный, умный, мечтательный, но с другой – бесцельный, дотошный, нудный, одинокий, замкнутый, вызывающий негативные эмоции. Пожалуй, самыми типичными чертами несчастного человека являются его одиночество и оторванность от людей.

В контексте анализа особенностей межличностного восприятия представляет интерес соотношение образов счастливого и несчастного человека с образом «Я» (рис. 1).

На рис. 1, *а, б* мы видим, что представления о себе располагаются достаточно близко с представлениями о счастливом человеке. Однако есть определенные различия. Если в первой подгруппе, как правило, линия «Я» располагается выше линии «счастливый человек», то во второй подгруппе линия «Я» располагается ниже. Чем объясняется данный факт, сказать пока сложно. Либо разница в испытуемых настолько велика, что дает нам такие различия, хотя по факторной структуре, наоборот, очень много сходства. Либо сыграла свою роль разница во времени сбора данных. Первая группа тестировалась в 2007–2008 гг., вторая группа – в 2012–2014 гг. Следовательно, если имеет место первый вариант, то последующая нормировка выборки данных позволит устранить перекосы. Но если мы имеем второй вариант, то это позволит нам описать динамику представлений о себе как о счастливом или несчастном человеке. Возможно, снижение уровня оценки себя как счастливого человека носит и иной характер. Как отмечает Д.А. Леонтьев, в современном обществе уровень счастья имеет тесную связь с уровнем роста материального благополучия и при достижении определенного уровня субъективная оценка счастья перестает расти. Таким образом, результаты второй подгруппы могут отражать данное состояние ощущения субъективного благополучия, т.е. в последние годы объективно уровень материального обеспечения достаточно возрос, и тем самым, насытив потребности данного типа, люди стали ощущать себя менее счастливыми.

Подводя итог, мы можем сказать о возможности измерения уровня субъективной оценки счастья и благополучия методом семантического дифференциала. Последующая нормировка данных и тщательный анализ, вероятно, позволят выявить более точные параметры оценки субъективного состояния счастья через соотношение образа «Я» и образов счастливого и несчастного человека.



а *б*

Рис. 1. Графики усредненных значений по трем элементам семантического дифференциала:
а – первая подгруппа; *б* – вторая подгруппа

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб. : Питер, 2003. 271 с.
2. Левит Л.З. Личностно-ориентированная концепция счастья: краткая история // Психология и психотехника. 2012. № 8. С. 78–86.
3. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева М. : Смысл, 2011. 675 с.
4. Селигман М. Новая позитивная психология: научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. М. : София, 2006. 368 с.
5. Торкунова О.И., Машин В.Н., Свиридов А.А. Понимание счастья как созидательного и деятельностного начала в психологии // Территория науки. 2014. Т. 5, № 5. С. 66–71.

Исследование влияния ненаправленной анималотерапии в форме просмотра видеороликов с образами животных на эмоциональный статус

Екшова К.В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The Research of Undirected Pet-Therapy in The Form of Viewing videos with Behavior of Animals on the Emotional Status

Ekshova K.V.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье поставлена цель выявить влияние ненаправленной анималотерапии с использованием образов животных в форме просмотра коротких видеороликов на эмоциональный статус участников исследования, а также произведенный эффект в зависимости от степени тревожности участников и их отношения к домашним животным. В результате исследования автором было выявлено позитивное влияние ненаправленной анималотерапии в форме просмотра роликов на участников вне зависимости от их отношения к домашним животным и степени тревожности.
Ключевые слова: ненаправленная анималотерапия; образы животных; тревожность; эмоциональный фон.

Abstract. The authors set the goal to identify the impact of undirected pet therapy using images of animals in the form of watching short videos on the emotional status of the participants, as well as its effect depending on the degree of anxiety of participants and their relationship to pets. The research author has revealed

a positive impact in the form of undirected pet therapy viewing movies on the participants, regardless of their relationship to the pet and the degree of anxiety.
Keywords: undirected pet therapy; images of animals; anxiety; emotional status.

В современном мире с его стремительным темпом жизни люди все чаще подвергаются стрессу, страдают от депрессий и тревожных состояний. В этой ситуации появляется необходимость поиска новых эффективных и в то же время простых способов борьбы с данными негативными состояниями. Одним из таких способов может стать ненаправленная анималотерапия и, в частности, использование образов животных [1]. Ненаправленная анималотерапия подразумевает под собой общение с домашними животными и использование образов животных без терапевтической цели или осознания такого влияния.

На данный момент исследования влияния ненаправленной анималотерапии на эмоциональный фон проводятся за рубежом [3]. В России общепринятое определение данного термина отсутствует.

Нами было проведено исследование с участием 30 человек в возрасте от 18 до 23 лет. Мы предположили, что ненаправленная анималотерапия с использованием образов животных в форме просмотра коротких видеороликов окажет позитивное влияние на эмоциональный статус участников исследования. Также мы предположили, что больший эффект будет оказан на людей, характеризующихся положительным отношением к домашним животным.

В исследовании использовалась методика «Цветовой тест Люшера» (М. Люшер). Данная методика проводилась до эксперимента и сразу после просмотра участниками подборки видеороликов. Изменения эмоционального статуса измерялись на основе показателя тревожности со шкалой от 0 до 12 [2]. Также был проведен дополнительный опрос участников об их отношении к домашним животным и субъективном эмоциональном состоянии на моменты во время и после просмотра. Для проведения эксперимента нами были выбраны короткие видеоролики интернет-ресурса «Youtube», демонстрирующие поведение животных («Кот играет сам с собой / Cat plays himself. Today cats show», «Собаки предлагают дружбу, а кошки это кошки», «Gotcha! / Попался!», «Kitten Vs Spider. The Wampa Kitty») [4].

Нами были получены следующие результаты для всей выборки (30 участников): 90% респондентов отметили свое отношение к домашним животным как положительное. Участники описали свое эмоциональное состояние во время просмотра видеороликов как позитивное

в 87% случаев, 80% отметили улучшение своего эмоционального фона по окончании эксперимента, а 10% – его ухудшение (по результатам опросника субъективных ощущений).

По методике «Цветовой тест Люшера» у 53,3% участников замечено улучшение эмоционального статуса, а у 16,7% – его ухудшение. Для 23,3% не выявлено сколь-нибудь значимой реакции (см. рис. 1.).

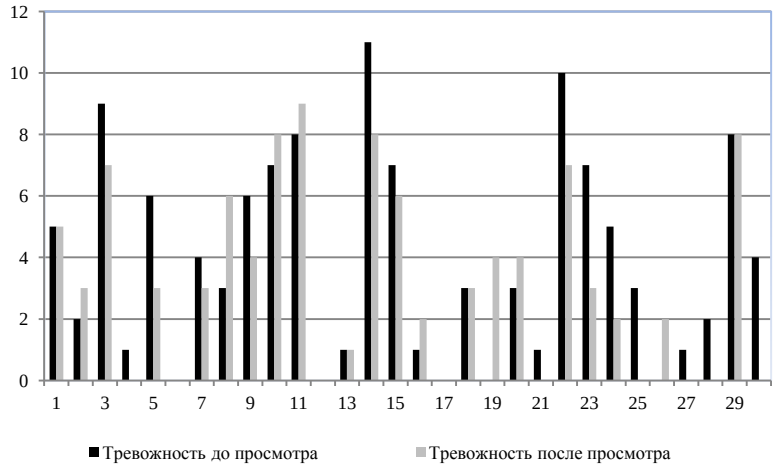


Рис. 1. Результаты сравнения показателя тревожности для всей выборки (30 участников) по методике «Цветовой тест Люшера»

Некоторые участники отмечали субъективное ощущение ухудшения своего эмоционального состояния после просмотра, которое они связывали с переживанием негативного жизненного опыта в прошлом, некоторые не отмечали никаких изменений.

Наиболее отрицательный результат наблюдался у участника, отличавшегося отрицательным отношением к домашним животным и получившим по субъективным ощущениям отрицательные эмоции во время и после просмотра видеороликов.

Мы предположили, что низкий изначальный уровень тревожности или его отсутствие могут исказить результаты, а на участников с более высоким уровнем тревожности будет произведен лучший эффект. Для проверки данной гипотезы из выборки были удалены результаты участников с показателем тревожности ниже 2 единиц (10 участников).

По результатам для данной выборки (20 участников) можно судить о том, что гипотеза не подтвердилась – изменения по всем параметрам составили не более 5%.

Для проверки нашей основной гипотезы о том, что больший эффект от просмотра будет произведен на участников, отличающихся положительным отношением к домашним животным, из выборки были удалены участники, характеризующиеся отрицательным отношением к домашним животным и отмечавшие отрицательные эмоции во время и / или после просмотра (9 участников).

Результаты для оставшейся выборки (21 участник) свидетельствуют о том, что данная гипотеза также не подтвердилась – изменения по всем параметрам составили не более 9%.

Таким образом, благодаря полученным данным можно сделать несколько выводов. Общий уровень положительного эффекта для всех выборок по показателю тревожности – не ниже 53,3%, по субъективным ощущениям участников – не ниже 80%. Наибольший эффект наблюдался у участников с самым высоким уровнем тревожности. Общий уровень отрицательного эффекта для всех выборок (по показателю тревожности) – не выше 14%. Следовательно, ненаправленная анималотерапия и образы животных в форме просмотра видеороликов являются более универсальным методом и действуют как на людей, позитивно относящихся к животным, так и на людей с разной степенью тревожности.

Далее нами планируется более глубокое лабораторное изучение данной темы с использованием ЭЭГ-оборудования. Помимо фиксации изменений эмоционального фона планируется выявление возможной взаимосвязи между просмотром роликов, предпочтениями участников и их предыдущим жизненным опытом с эмоциональным фоном, а также зависимости степени и качества влияния от индивидуальных особенностей личности участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никольская А., Ульянова Н. Ненаправленная анималотерапия. Позитивные и негативные аспекты взаимодействия с собакой у детей и взрослых. М. : Аквариум-Принт, 2009. 208 с.
2. Собчик Л.Н. Метод цветовых выборов. Модифицированный цветовой тест Люшера. М., 1990. 87 с.
3. Myrick J.G. Emotion regulation, procrastination, and watching cat videos online: Who watches Internet cats, why, and to what effect? // Computers in Human Behavior. 2015. № 52. P. 168–176.
4. YouTube. URL: http://www.youtube.com (дата обращения: 12.03.2015).

Целостно-ценностная парадигма и биопсихосоционоэтическая модель природы человека и его здоровья в контексте позитивной антропологической психологии

Залевский Г.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

Integral-value paradigm and biopsychosocionoetic model of human nature and his health in the context of positive anthropological psychology

Zalevskii G.V.
National Research Tomsk State University, Tomsk; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

Аннотация. Поскольку VI Сибирский психологический форум посвящен «диалогу парадигм», автор в данной статье, пытаясь вступить в этот диалог, предлагает для дискуссии интегративный вариант парадигмы, ключевыми категориями которой являются целостность и ценностность и которая исходит из биопсихосоционоэтической модели природы человека и его здоровья. Психология и психологи всегда мечтали «собрать человека», «разобранного» в конце девятнадцатого века, что продолжалось и в веке двадцатом односторонними направлениями исследований рефлексологии Павлова, бихевиоризма Уотсона, психоанализа Фрейда, индивидуальной психологии Адлера, на что справедливо указывают В. Франкл, да и некоторые отечественные психологи, например Л.С. Выготский, говоря о том, что «искусственное натягивание всей психологической реальности на какую-либо категорию заводит психологическую мысль в тупик». М.С. Роговин: «В результате все большей дифференциации психологии теряется из виду ее главный объект – человек». Автор солидарен с теми учеными, которые приходят к мысли, что духовная (ценностно-смысловая) составляющая человека не только представляет «человеческое в человеке», но и выступает в качестве решающего фактора «собирания человека» в единое целое.

Ключевые слова: целостно-ценностная парадигма, биопсихосоционоэтическая модель, измерение, редукционизм, единство, духовный, здоровье, позитивная психология, ирдический.

Abstract. Because the VI Siberian psychological forum dedicated to “dialogue paradigms”, the author of this article, trying to engage in this dialogue, offers to debate an integrative paradigm option key categories which are integrity and

value and which is based on the biopsychosocionoetic model of human nature and his health. Psychology and psychologists have always dreamed of “collect of man” “disassembled” at the end of the nineteenth century, that continued in the 20th century unilateral directions research reflexology Pavlov, Watson's Behaviorism, psychoanalysis of Freud, Adler's individual psychology, which rightly points out V. Frankl, and some domestic psychologists, for example, L.S. Vygotsky saying that “artificial tightening the whole psychological reality in any category drives psychological thought into deadlock”, M.S. Rogovin: “as a result of the increasing differentiation of psychology is lost sight of its main site is the man”. The author agrees with those scientists who come to believe that spiritual (value-meaning) component of the person not only is “human in man”, but also acts as a decisive factor “gathering of man” as a whole.
Keywords: integral-value paradigm, biopsychosocionoetic model, dimension, reductionism, unity, spiritual, health, positive psychology, irdic.

Плюрализм наук, по мнению В. Франкла, с неизбежностью привел к делению человека на слои (ступени, уровни, измерения): телесный, душевный и духовный. Им соответствует определенная наука: телесному – биология, душевному – психология и т.д. В связи с этим В. Франкл задает вопрос: «А где же единство человека?» (“Und wo bleibt die Einheit des Menschen?”) [1, с. 23]. И он определяет человека как «единство вопреки многообразию», как “Unitas multiplex”. Человек на биологическом уровне является закрытой системой физиологических рефлексов, на психологическом уровне – закрытой системой психологических реакций, но сущностью человека является как раз его открытость, что он «открыт миру», «быть человеком – это значит быть за пределами самого себя» [1, с. 26]. Франкл справедливо считает односторонними направления исследований рефлексологии Павлова, бихевиоризма Уотсона, психоанализа Фрейда, индивидуальной психологии Адлера. Он, в частности, цитирует письмо Фрейда Людвигу Бинсвангеру: «Я всегда располагался только в партере, в цокольном этаже здания» [2, с. 115]. Особенно редукционисткой считает Франкл позицию Фрейда, когда тот в другом месте пишет, что «для религии я определил место в моем нижнем домике с тех пор, как я натолкнулся на категорию «человеческий невроз». Франкл так и пишет: «Как раз здесь Фрейд ошибается». В смысле димензиональной онтологии более высокое измерение (слой, уровень) говорит в большей мере о том, что мы имеем дело с измерением более емким, которое нижнее измерение включает, вбирает в себя, или, по Гегелю, верхнее измерение включает нижнее в «снятом виде» [1, с. 27].

В этом смысле следует понимать и мнение Иммануила Канта, который считал, что человек представляет собой единство свободы и природы. С Кантом, по сути, солидарен и А.А. Богданов, по мнению которого «человек есть целый мир опыта. Этот мир не охватывается полностью ни анатомическим и физиологическим комплексом – «человеческим телом», ни психологическим комплексом – «сознанием», ни социальным – «сотрудничеством». И если мы просто соединим, механически свяжем все эти точки зрения, у нас еще не получится целостной концепции: собрание частей еще не есть целое» [3, с. 106]. В «раздробленном» человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым, она несет ему тяжелые муки неудовлетворенности, но и толкает его на путь борьбы за ее удовлетворение. На этом пути совершается собирание человека. А.А. Богданов считал, что «новейшее время истории является эпохой собирания человека» [3, с. 112]. Можно сказать, что «собирание человека» происходило все годы развития и психологии как науки, собирание трудное, противоречивое, через редукционизм в его разновидностях, в том числе и системологический (когда человек редуцируется до системы), через, как писал Л.С. Выготский, «искусственное натягивание» всей психологической реальности на какую-либо категорию», что, несомненно, «заводит психологическую мысль в тупик» [4, 5], в результате все большей дифференциации психологии, вследствие чего «теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии» [6, с. 5]. Вслед за А.А. Богдановым мы можем сказать, что сегодня в психологию «человек еще не пришел в полной мере, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте психологической науки». Да, конечно, но только если «горизонты психологической науки» не будут закрыты конъюнктурными соображениями исследователей, наметившейся опять тенденцией дегуманизации психологии, углублением пропасти между культурой и цивилизацией, если не будут средства познания, к коим относятся и известные принципы (детерминизма, системности и др.) заступать на место цели познания – человека, если теоретико-методологическая позиция познания человека – это человек как «единство природы и свободы», а психология «переориентируется на ее две упущенные миссии – делать нормальных людей более сильными и продуктивными, а также актуализировать высокий человеческий потенциал» [7, с. 6].

Поэтому в основание наших исследований был положен целостно-ценностный подход в контексте позитивной антропологической психологии [8–13]. В рамках такого подхода человек (антропос – устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостные образования – биопсихосоционоэтическим / духовным единством со структурно-уровневым строением (П. Жане, М.С. Роговин), высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье, ценности и смыслы). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром» (А.Н. Леонтьев), «взаимодействия с действительностью» (А.В. Брушлинский), «разные уровни бытия» (Л.Р. Правдина), которые можно мыслить, как «миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, и которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный), духовный, культурный» [14]. Сегодня ученые склоняются к тому, что решающим фактором в этой интегрированной целостной организации с все большей очевидностью является и играет доминирующую роль именно ноэтическая / духовная составляющая, которая, в конечном итоге, определяет и «индивидуальную ответственность человека за свое здоровье» [15, с. 275].

Согласно предложенной нами метафоре [9–11], сущность человека, его жизни, здоровья и развития выражается в вечном движении в указанных выше мирах или пространствах и во времени от ирдического (земного, телесного) к ноэтическому (духовному, ценностно-смысловому): человеческим идеалам, высшим чувствам, эстетическим, религиозным, интеллектуальным, нравственным ценностям, любви, самопознаниию, творчеству, свободе, духовному здоровью и обратно. Мера личности и ее здоровья определяется высотой, на которую она поднимается, трансцендирует над ирдическим, устремляясь к ноэтическому, и фактом ее возвращения назад к ирдическому с целью его одухотворения и принятия его энергии для нового взлета. Как известно из греческой мифологии, сила известного титана возрождалась в нем после того, как он дотрагивался до земли. Не зря, видимо, и Маслоу в своих более поздних работах перевернул свою пирамиду. Эта мысль была высказана и Портманом, на которого ссылается В. Франкл, что «человеческое человека пронизывает и его анатомию, что и само тело человека всегда проникнуто его духом» [1, с. 28]. По мнению М. Бахтина, «духовное пространство человека – это вертикаль, вклю-

чающая возвышенное и земное, земное и небесное, добро и зло». Согласно Гете, «духовность противоположна не плоти, а хаосу возбужденных инстинктов, делающих человека рабом во тьме стихий» [16, с. 69–70].

В то же время человек не может быть самим собой, если он не перерастает самого себя (Антоний Сурожский). О.С. Васильева [17, с. 13], говоря о критериях духовного здоровья и факторах, на него влияющих, относит к ним «расширение сознания за пределы человеческого тела, за пределы Я, нахождение оптимального индивидуального баланса между сиюминутным и вечным, материальным и духовным». Если же человек не отрывается от земного и телесного, «не перерастает себя» или, оторвавшись, не «возвращается к телесному и земному», то это признаки, прежде всего, духовного нездоровья. «При этом здоровье выступает как показатель, характеризующий личность в ее целостности – как необходимое условие интеграции всех составляющих личности в единую Самость» [18, с. 277].

Именно в свете указанных выше представлений следует, например, направить поиски решения проблемы отношений между наследственностью и средой в их влиянии на развитие человека и его здоровье. О «трудностях проведения грани между влиянием наследственности и культуры» пишет и Г. Крайг [19, с. 141]. Сегодня бурно развивающиеся когнитивные науки (и психология в том числе, переживающая свой «второй когнитивный поворот»), направляющие свои усилия в том числе и на проблемы взаимодействия наследственности и среды, должны, на мой взгляд, направить эти усилия не только и не столько на выявление и активизацию когнитивных возможностей мозга и человека, сколько на то, чтобы выяснить, в какой мере «мозг может стать личностным», а человек духовным. Иначе говоря, когнитивные науки и психология (антропологическая психология!) должны быть озабочены поисками новых знаний не только и не столько о человеке, способном познавать, мыслить / думать, быть креативным, сколько о человеке, мотивированном познавать, мыслить / думать, не бояться это делать и генерировать новые идеи, их активно пропагандировать и реализовывать даже вопреки сопротивлению среды, т.е. быть человеком активно флексибильным (неофилом) [9–11].

По мнению И.В. Равич-Щербо и соавт. [20, с. 363], «одним из достижений психогенетики по праву можно считать признание того факта, что генетическое отнюдь не означает неизменное». Коли так, то, видимо, можно и надо говорить об индивидуальной траектории развития человека, т.е. о возможности пройти между диктатом наследственности (биоло-

гического) и диктатом социума, культуры (социального). В этой связи уместно напомнить мнение В. Франкла о том, что «человек не столько зависит от наследственности или от среды, сколько от самого себя». Он в данном случае как бы выступает и против диктата наследственности, биологического, и против диктата социума. Он говорит о «человеческой, внутренней, духовной свободе». «Разве не существует духовной свободы, самоопределения, отношения к заданным внешним обстоятельствам? Неужели человек действительно не более чем продукт многочисленных условий и воздействий, будь то биологические, психологические или социальные?» [21, с. 92]. Он считает, что «на эти вопросы есть ответы как фактические (на моем опыте), так и принципиальные». «Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом» [Там же, с. 93–94]. Люди свободны формировать собственные характеры и ответственны за то, что они создают из самих себя. Когда люди поднимаются выше телесных и психических измерений своего существования, – пишет В. Франкл, – они входят в новое, так называемое ноологическое измерение. К этому ноологическому измерению относятся именно человеческие функции, такие как размышление, способность превращать себя в объект, осознание… удовольствие (Фрейд)… власть (Адлер)… самоактуализация (Маслоу) – это «побочные продукты», или производные стремления к смыслу [22, с. 169–170].

Именно духовная составляющая целостного человека дает ему возможность проявлять духовную свободу в отношении среды и наследственности, оказывать сопротивление их диктату. Об этом сопротивлении, роли духовности человека в этом сопротивлении, возможностях и его вариантах или уровнях мало что известно и мало говорится в генетических и психогенетических исследованиях. Обычно речь идет об отношениях, взаимодействии, взаимосвязях и огромной статистике корреляций. Мы считаем, что, находясь между «молотом и наковальней», т.е. наследственностью и средой, человек, благодаря своим духовным возможностям и стремясь построить индивидуальную траекторию развития, решает проблему взаимодействия наследственности и среды, идя на компромиссы и формируя стратегии преодоления (пластические операции, компенсаторные и защитные механизмы и многое другое).

Ницше утверждал через пророка Заратустру, что «человек есть нечто, что должно превозмочь». И в этом превозмогании, выходе за пределы, размыкании исторических, культурных, индивидуальных границ получа-

ет смысл само понятие человека, обосновывается вся антропологическая проблематика. Человеческая натура – страсти человека и тревоги его – это продукт культуры; по сути дела, сам человек – это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей. Сама природа человека предполагает наличие ряда потребностей, которые должны быть удовлетворены, и среди них потребность в трансцедентном, творчестве как способе выйти за собственные рамки, превратить себя из объекта в субъект творчества. Потребность в трансцедентном может быть удовлетворена либо через творчество, либо через разрушение, но лишь творчество дает радость, в то время как деструкция причиняет страдания себе и другим, и т.д. [23, с. 190]. От юридического к ноэтическому и обратно – это «путешествие в поисках предмета психологии – некоей психологической реальности, сущности этой реальности, а также путешествие в поисках человеком самого себя» [24].

«Так что же такое человек? Это существо, которое всегда решает, кто он. Это существо, которое изобрело газовые камеры. Но это и существо, которое шло в эти камеры, гордо выпрямившись, с молитвой на устах» [21, с. 119].

ЛИТЕРАТУРА

1. Frankl V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. Muenchen. Zuerich : Piper, 2005.
2. Binswanger L. Erinnerungen an Sigmund Freud. Francke, Bern, 1956.
3. Bogdanov A.A. Picking up man // A psychological journal. 2004. Vol. 25, № 2. P. 106–115.
4. Vygotsky L.S. About psychological systems // Collected works : in 6 t. M. : Pedagogy, 1982–1984. T. 1 : Issues of theory and history of psychology.
5. Vygotsky L.S. Moral insanity // Collected works. 1983. Vol. 5. P. 150–152.
6. Rogovin M.S. Introduction to psychology. M. : Graduate school, 1969.
7. Seligman M. Positive Psychology, Positive Prevention and Positive Therapy // Handbook of Positive Psychology / eds.: C.R. Snyder, Sh.J. Lopez. Oxford University, 2005. P. 3–9.
8. Zalevskiy G.V. Personality and fixed form of behavior. M. : IP RAS, 2007.
9. Zalevskiy G.V. Fanaticism as the basis and characteristics of degradation of values and spiritual ill-health of the individual and social communities // The values Foundation of psychological science and the psychology of values / eds. V.V. Znakov, G.V. Zalevskiy. M. : IP RAS, 2008. P. 314–340.
10. Zalevskiy G.V. From the «demonic» to «biopsichosocionoetic» model of mental disorders. // Siberian psychological journal. 2009. № 32. P. 57–64.
11. Zalevskiy G.V., Zalevskiy V.G., Kuzmina U.V. Anthropological Psychology: biopsihosocionoetic model of personality development and its health // Siberian psychological journal. 2009. № 33. P. 99–103.
12. Zalevskiy G.V. Introduction to clinical psychology. Tomsk : TSU Publishing House, 2010.
13. Zalevskiy G.V., Kuzmina Y.V. The health in the structure of the students system values. // Siberian psychological journal. 2011. № 38. P. 20–24.

14. Starovojtenko E.B. Paradigm of life in personology // Psychology. 2010. Vol. 7, № 1. P. 3–17.
15. Nikiforov G.S. Health Psychology. SPb., 2002.
16. Ponomarenko V.A. With faith in the science of man // Psychology : Journal of the Graduate School of economics. 2007. Vol. 4, № 2. P. 64–74.
17. Vasilyeva O.S. Health education as a strategic direction for Health Psychology // Psychology at the University. 2010. № 6. P. 5–17.
18. Vasilyeva O.S., Filatov F.R. Psychology of human health. M. : Akademia, 2001.
19. Craig G. Developmental Psychology. SPb. : Piter, 2002.
20. Rawicz-Scherbo I.V., Marûtina T.M., Grigorenko E.L. Behavioural genetics. M. : Aspect-Progress, 1999.
21. Frankl V. Trotzdem Ja zum Leben sagen. M. : Meaning, 2008.
22. Nelson-Jones R. The theory and Practice of Counselling. SPb., 2000.
23. Fromm E. Dogma about Christ. M., 1998.
24. Grof St. Earl Church. Spiritual crisis. Articles and research. M. : MATH, 1995.

Исследование связи аналитического интеллекта и академической результативности у студентов младших курсов

Зуева Д.Е.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Investigation of the relationship of analytical intelligence and academic performance among younger students

Zueva D.E.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования аналитического интеллекта у студентов 1–2 курсов. Показана его связь с академической успеваемостью и результатами сдачи экзамена по математике, а также выявлены отличия в результатах академической успешности между группами с разной степенью выраженности интеллектуальной результативности и продуктивности.
Ключевые слова: аналитический интеллект, академическая успешность, единый государственный экзамен (ЕГЭ) по математике.

Abstract. The results of empirical studies of the analytical intelligence in students of 1–2 courses are presented. It shows relationship with academic performance and the results of the exam in mathematics. Also identifies differences in

the results of academic success among groups with varying degrees of intellectual efficiency and productivity.
Keywords: analytical intelligence; academic success; Unified State Examination (USE) in mathematics.

Феномен интеллекта не перестает быть предметом интереса отечественных и зарубежных исследователей, о чем говорит анализ современной научной литературы.

Наличие противоречивых представлений относительно интеллекта, его видов и их связи с другими феноменами побуждает к проведению все новых исследований. Актуальность такого рода исследований подчеркивается несомненной значимостью как «единого» интеллекта, так и его отдельных видов для успешной жизнедеятельности человека. Ряд исследователей считают, что разные виды интеллекта связаны между собой и их стоит рассматривать как единое образование. Другие же авторы сходятся во мнении, что аналитический, социальный и эмоциональный интеллект – это самостоятельные виды интеллекта (Векслер, 1958; Китинг, 1978; Холодная, 2002; Ушаков, 2009; Батурин, Матвеева, 2009).

В данной работе представлены результаты исследования роли аналитического интеллекта (который рассматривается как способность оперировать знаковой и символьной информацией) в достижении академической успешности. В исследовании приняли участие 162 студента первого и второго курсов Томского государственного университета.

Для изучения аналитического интеллекта нами была использована модифицированная Б. Койчу методика «Прогрессивные матрицы Дж. Равена». По сравнению с исходным вариантом количество заданий в тесте было сокращено до 30 матриц. Участники исследования не были ограничены во времени тестирования, но фиксировалось их индивидуальное время выполнения теста. По итогам анализа высчитывались результативность и продуктивность выполнения теста. Результативность вычислялась как количество верно решенных заданий, а продуктивность – как отношение количества верно решенных заданий ко времени выполнения теста в секундах, умноженное на 100.

По результатам прохождения теста «Прогрессивные матрицы Дж. Равена» участники исследования были разделены на три группы. Первая группа включала в себя студентов, которые продемонстрировали высокие

показатели результативности выполнения теста, но пониженные показатели продуктивности. Во вторую группу вошли студенты, которые показали высокие результаты продуктивности, но пониженные показатели результативности. И, наконец, в третью группу были объединены участники, которые продемонстрировали высокие показатели и результативности, и продуктивности.

Мы предположили, что участники с разной степенью выраженности результативности и продуктивности могут демонстрировать различную академическую успеваемость по математике.

Для исследования академической успеваемости участников им были заданы вопросы о результатах сдачи ими ЕГЭ по математике. Количество полученных участниками баллов мы взяли за показатель академической успеваемости.

При проведении корреляционного анализа была обнаружена положительная корреляционная связь ($r = 0{,}47$, $p = 0{,}001$) между результатами сдачи ЕГЭ по математике и показателем «результативность» при решении теста Равена. Полученный результат подтверждает полученные в ранних исследованиях результаты (А.А. Шекетера, О.Ю. Суднева, С.А. Богомаз, 2014) и говорит о том, что участники, которые демонстрируют высокие баллы за решение теста Равена, показывают более высокие баллы и при сдаче ЕГЭ. То есть результативность аналитического интеллекта может быть связана с успешностью сдачи экзамена по математике.

Далее была проведена оценка достоверности статистических различий по результатам академической успешности трех групп участников, демонстрирующих разные уровни результативности и продуктивности, выполненная с помощью дисперсионного анализа ANOVA. Как оказалось, выделенные нами группы достоверно различаются по результатам сдачи ЕГЭ по математике ($p = 0{,}021$), что говорит о том, что показатели продуктивности и результативности связаны с успешностью сдачи экзамена по математике.

При этом мы можем отметить, что наиболее высокие результаты по ЕГЭ демонстрируют те участники, у которых в одинаковой степени выражены показатели и продуктивности, и результативности, в то время как участники, показавшие максимальные значения продуктивности и низкие значения результативности, демонстрируют наиболее низкие баллы ЕГЭ по математике. То есть наиболее высокие результаты

по ЭГЕ продемонстрировали те участники, которые решили максимальное количество заданий правильно и потратили на это меньше всего времени. В то же время участники, которые отвечали верно, но затрачивали много времени на размышления, продемонстрировали наиболее низкие результаты при сдаче экзамена. Вероятно, это может быть объяснено спецификой Единого Государственного Экзамена, на выполнение заданий которого отводится строго ограниченное время, и сдающие не имеют возможности тратить много времени на обдумывание правильного ответа.

Исследование взаимосвязи аналитического интеллекта с академической успеваемостью у студентов 1–2 курсов позволило сделать следующие выводы:

1. Существует связь между аналитическим интеллектом и академической успеваемостью. Чем выше показатели аналитического интеллекта, тем выше результаты сдачи экзамена по математике.

2. Разная степень выраженности таких показателей аналитического интеллекта, как результативность и продуктивность, связана с успешностью сдачи экзамена по математике. Причем лучшие результаты связаны с высокой степенью выраженности и результативности, и продуктивности, а наиболее низкие результаты по ЕГЭ связаны с наибольшей выраженностью продуктивности и пониженными показателями результативности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Koichu B. Junior high school students' heuristic behaviors in mathematical problem solving // Unpublished Doctoral Dissertation. Haifa : Technion, 2003.
2. Богомаз С.А. Взаимосвязь социального интеллекта первокурсников с академическим интеллектом и личностным потенциалом // Психология когнитивных процессов / под ред. А.Г. Егорова, В.В. Селиванова. Смоленск, 2013. С. 154–160.
3. Мацута В.В., Богомаз С.А., Суднева О.Ю. Роль интеллектуальных и личностных факторов в достижении высокой результативности в ЕГЭ по математике // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 52–66.
4. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
5. Шекетера А.А., Суднева О.Ю., Богомаз С.А. Степень выраженности и анализ взаимосвязи абстрактно-логического и социального видов интеллекта у школьников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 206–211.

Повышение уровня стрессоустойчивости в условиях танцевальной деятельности

Козлова Н.В., Горячкина И.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Increasing the Level of Stress-Resistance in Conditions of Dance Activities

Kozlova N.V., Goryachkina I.V.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются результаты исследования влияния танцевальной деятельности на повышение уровня стрессоустойчивости личности на базе студии танцевального искусства Анны Кудриной «сТАНЦЫя» г. Томска. Особое внимание обращается на тревожность и ригидность как условия низкой стрессоустойчивости.
Ключевые слова: стрессоустойчивость, ригидность, тревожность, танцевальная деятельность.

Abstract. The present work considers results of research on the impact of dance activities on increasing level of stress-resistance of a person at the dance Studio by Anna Kudrina “sTANCIja” in Tomsk. Special attention is drawn to the anxiety and the rigidity as conditions of low stress-resistance.
Keywords: stress-resistance, rigidity, anxiety, dance activities.

Как известно, именно стрессовое расстройство для большинства людей является одним из главных внутренних барьеров на пути продуктивной жизнедеятельности, оно провоцирует новые стрессовые факторы, приводит к снижению уровня качества жизни, материальному неблагополучию, неуверенности в завтрашнем дне [7]. Соответственно, одной из приоритетных задач является поиск условий, способных повысить уровень стрессоустойчивости [4–6], рассматриваемый как качество личности, оказывающее влияние на итог деятельности (эффективность–неэффективность), и функциональная характеристика, предоставляющая возможность гомеостаза системы личности [1].

Одним из таких условий является танцевальная деятельность, обращение к которой связано, во-первых, с утверждением Александра Гиршона (2015) о том, что танец является одним из самых популярных видов увлечений не только современной молодежи, но и людей старшего поколения (это позволяет охватить достаточно разновозрастную аудиторию), а во-вторых,

танец со второй половины XX в. активно применяется в качестве элемента психотерапии, при котором чувства спонтанно высвобождаются в свободном движении и импровизации (М. Вигман, 1963; А. Гиршон, 2015).

Для исследования динамики стрессоустойчивости в условиях танцевальной деятельности мы исходили из положения о том, что условием низкой стрессоустойчивости выступают такие психические состояния, как тревожность и ригидность [2, 3].

В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 18 до 33 лет, занимающихся разнообразными видами и направлениями танцевальной деятельности в танцевальной студии Анны Кудриной «сТАНЦЫя» г. Томска. Респонденты были разделены на 2 группы: 25 человек – начинающая группа (новички, только приступили к занятию танцевальными видами деятельности), по отношению к этой группе проведено повторное исследование спустя 4 месяца занятий; 25 человек – продолжающая группа (основная, занимаются танцевальными видами деятельности больше года). Для исследования использовались следующие методики: анкетный сбор данных, шкала самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина, диагностика состояния стресса (К. Шрайнер), тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона, Томский опросник ригидности Г.В. Залевского (ТОРЗ), методы математической статистики.

Обсуждение результатов исследования. На первом этапе исследования для начинающей группы был характерен высокий уровень склонности к обширному спектру фиксированных форм поведения (симптомокомплекс ригидности) – навязчивостям, стереотипиям, упорству, пунктуальности. При этом эмоциональные реакции личности по своей выраженности носили однотипный характер по отношению к ситуациям, которые требуют каких-либо изменений. А в состоянии страха, стресса (дистресса), плохого настроения, утомления или какого-либо болезненного состояния танцоры начинающей группы прибегали к уже известным формам поведения, проявляя высокую ригидность по отношению к ним. Также наблюдались высокая склонность к излишнему усложнению ситуаций, происходящих с ними, и склонность к тревоге, опосредованной ситуациями, воспринимающимися ими как угрожающие.

На втором этапе исследования выявлено, что танцевальная деятельность, реализуемая начинающей группой в течение четырех месяцев, привела к повышению уровня стрессоустойчивости. На статистически значимом уровне и по данным средних значений можно констатировать

снижение уровня сенситивной ригидности, ригидности при стрессовых ситуациях, состояния стресса, ситуативной и личностной тревожности, а также повышение самооценки стрессоустойчивости (рис. 1).

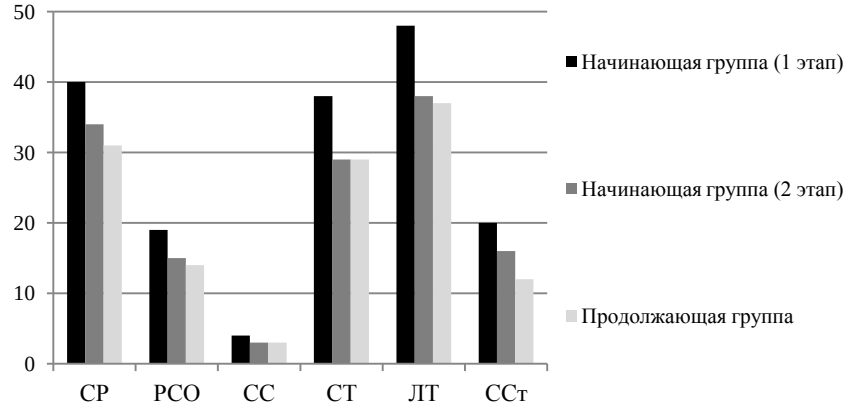


Рис. 1. Результаты средних значений по шкалам методик исследования:
СР – сенситивная ригидность; РСО – ригидность как состояние;
СС – состояние стресса; СТ и ЛТ – ситуативная и личностная тревожность;
ССт – самооценка стрессоустойчивости

Результаты показывают, что в стрессовых ситуациях и ситуациях, требующих выражения эмоций, отличных от предыдущих, люди, занимающиеся в течение четырех месяцев танцами, стали менее ригидны и более способны использовать новые способы поведения. При этом продолжающая группа танцоров сохраняет стабильно высокие показатели стрессоустойчивости. Это говорит о том, что респонденты характеризуются умеренным уровнем склонности к тревоге, опосредованной ситуациями, воспринимающимися ими как угрожающие, в состоянии страха, стресса (дистресса), плохого настроения, утомления или какого-либо болезненного состояния танцоры продолжающей группы способны использовать новые формы поведения, проявляя умеренную ригидность по отношению к ним. Также наблюдаются высокие показатели самооценки стрессоустойчивости, что говорит об уверенности в своей способности противостоять трудностям.

Результаты анкетирования, направленного на выявление эффекта танцевальной деятельности, показали (рис. 2), что занятия танцевальной деятельностью положительно сказываются на самочувствии танцоров и эф-

фективно проявляют себя в различных сферах жизнедеятельности: состоянии здоровья, учебном / рабочем процессе, межличностном общении и др.

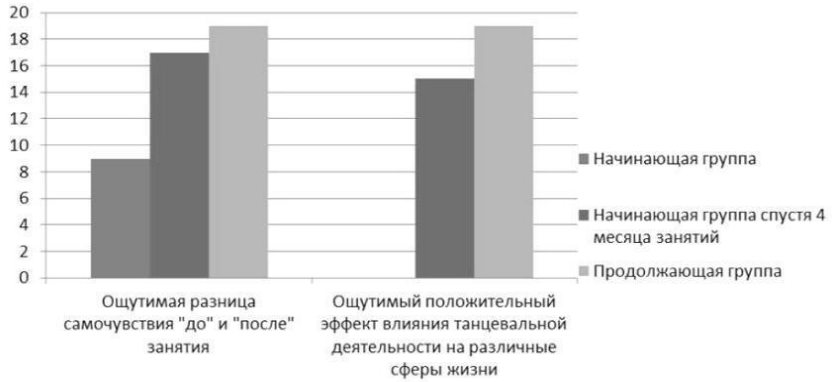


Рис. 2. Результаты анкетирования танцоров

Таким образом, полученные результаты говорят в пользу того, что уже на начальном этапе освоения человеком танцевальной деятельности происходят изменения эмоциональных реакций на новое в спокойном состоянии, а также реакций в состояниях утомления, страха и т.д. Также изменению подвергаются тревожность, самооценка стрессоустойчивости и состояние стресса. А с продолжением занятий еще больше улучшается самооценка стрессоустойчивости. Танцоры становятся более уверенными в себе, способны противостоять стрессам, контролировать свою агрессивность, тревожность и беспокойство при возникновении сложных жизненных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : ПЕР СЭ, 2006.
2. Козлова Н.В. Развитие теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевского // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 13.
3. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М. : ПЕР СЭ, 2005. 352 с.
4. Психология : учеб.-метод. пособие / под ред. А.С. Татрова. М. : Академия Естествознания, 2010.
5. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1979. 124 с.
6. Серебрякова Т.А. Психология стресса : учеб. пособие. Н. Новгород : ВГИПУ, 2007. 143 с.
7. Черепанова Е.М. Психологический стресс. М., 1996. 28 с.

Критическое мышление как фактор формирования внутренней картины здоровья у людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями

Козлова Н.В., Кудрявцева О.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Critical thinking as a factor of the inner picture of health formation in people with cardiovascular disease

Kozlova N.V., Kudryavtseva O.V.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли критического мышления в формировании концепции внутренней картины здоровья (ВКЗ) как психологического ресурса личности при организации превентивных и реабилитационных мер в отношении людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями.
Ключевые слова: внутренняя картина здоровья, критическое мышление, профилактика, реабилитация, сердечно-сосудистые заболевания.

Abstract. The article discusses the role of critical thinking in the formation of the concept of the inner picture of health (IHP) as a psychological resource of personality in the initiation of preventive and rehabilitation measures in respect of people with cardiovascular diseases.
Keywords: inner picture of health (IHP), critical thinking, prevention, rehabilitation, cardiovascular diseases.

По оценкам ВОЗ, сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) являются основной причиной смертности во всем мире [1]. В 2014 г. в России, по данным Росстата, около 50% смертей связаны с болезнями системы кровообращения, при этом большая часть случаев приходится на осложнения ишемической болезни сердца (ИБС) [2]. Учитывая высокую социальную значимость проблемы, 2015 г. объявлен Президентом РФ Владимиром Путиным годом борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями. В связи с этим на первый план выходит вопрос разработки программ профилактики ССЗ и реабилитации пациентов с уже поставленным диагнозом.

Решением этого круга задач занимается в том числе психология здоровья, а именно «изучением интра- и экстраличностных факторов сохранения и укрепления здоровья всех уровней – физического, психического (функционального), психологического (душевного и духовного), а также

выявлением факторов и условий профилактики нарушений здоровья, формирования здорового образа жизни и адекватной "внутренней картины здоровья"» [3, с. 177]. В свою очередь особое место в проблемном поле психологии здоровья принадлежит концепции внутренней картины здоровья (ВКЗ), которую определяют как системное образование, включающее субъективные представления о нормальном и патологическом состоянии, статусе и динамике здоровья, понимание человеком своих психологических и физических возможностей и ресурсов» [8].

Исторически сложилось, что в отечественной психологической науке исследования психосоматических явлений сконцентрированы на патологических процессах [8]. В клинической психологии широкое признание получила концепция внутренней картины болезни (ВКБ) (Р.А. Лурия, 1977; В.В. Николаева, 1987; А.Ш. Тхостов, 2002). Интерес к данной теме связан с тем, что ВКБ как интегративный образ заболевания у больного человека встроена в общий контекст жизни и определяет, насколько эффективными будут копинг и комплаенс, а следовательно, и процесс выздоровления в целом [7]. Однако, принимая во внимание теоретическую и практическую значимость изучения внутренней картины болезни, мы вынуждены признать, что данная концепция – только частный случай ВКЗ в ситуации заболевания [4]. Являясь результатом познавательной и личностной активности человека, семантическое пространство ВКЗ охватывает более широкий класс явлений в континууме «здоровье–болезнь», в рамках которого разворачивается процесс построения и реализации человеком образа жизни, а также организации мер по восстановлению и укреплению здоровья. В этом заключен психологический потенциал ВКЗ: человек является творцом собственного благополучия, его здоровье зависит от его личной ответственности и продуктивной активности в этом направлении.

Значимое влияние на человека при формировании ВКЗ оказывают социокультурные стереотипы и мифы относительно здоровья и болезни, через призму которых тело рассматривается как механизм, нуждающийся в «ремонте», объект вмешательства «темных сил»: сглаза, порчи и наговоров, либо подвергается постоянным стрессам в житейском понимании, лучшим средством от которых является избегание любых негативных переживаний [7]. Такой взгляд на психосоматические явления не только не способствует сохранению здоровья и выздоровлению, но приводит к снижению самооценки, расщеплению психического и физического в индивидуальном и массовом сознании, а порой и к ухудшению состояния здоровья, и к осложнению заболеваний.

В современном обществе экспансивный поток информации об идеалах и нормах красоты и здоровья, стандартах здорового образа жизни и формах его реализации, а также способах лечения болезней, диктуемый СМИ, Интернетом, социальными сетями, приверженцами парамедицины, детерминирует деструктивное, стрессогенное и ригидное поведение человека в отношении собственного здоровья [8]. Ввиду этого становится особенно актуальным вопрос об обеспечении информационно-психологической безопасности личности.

Исследования, посвященные данной проблеме, рассматривают психологическую безопасность (в контексте информационной и организационной безопасности) и психологическое здоровье во взаимосвязи с критическим мышлением [5, 6]. В этих работах критическое мышление понимается как психологический ресурс, «как сознательное использование когнитивных стратегий, включая анализ и синтез информации, позволяющий строить выводы на основе фактов и доказательств, направленный на постановку и достижение поставленных целей» [6, с. 40]. Исследователи, анализируя отечественные и зарубежные подходы к определению критического мышления, представили его основные дефиниции: наличие критической установки и критической аргументации (В.И. Брюшинкин); антиманипулятивные качества, характеризующие критичность (Е.Н. Волков); самостоятельность ума как способность противостоять внушению (А.А. Смирнов); познавательная стратегия, характеристика стиля познавательной деятельности личности (Н.И. Мерзликина); «интегративное качество личности» (И.А. Мороченкова); процесс оценки, проверки оснований мысли, действий, создания альтернативных способов принятия решений (Д. Брукфилд); процесс переработки информации с целью понимания идей, создания новых и решения проблем (А.У. Бидл, Д.Х. Кларк); активное и систематическое использование когнитивных стратегий, оценка и понимание событий, способность решать проблемы и принимать решения на основе здравого смысла и веских доказательств (Д.Э. Леви); рефлексивное мышление (Дж. Дьюи). Таким образом, критическое мышление характеризуется активной, самостоятельной, рефлексивной и осмысленной позицией человека по отношению к себе и миру, инициирующей познавательную, исследовательскую, аналитическую деятельность по достижению поставленных целей и решению проблем.

В повседневной жизни человек зачастую редко обращает внимание на собственное здоровье, вспоминая о его ценности только в кризисных ситуациях, таких как сильное переутомление в результате длительного

нервно-психического напряжения или тяжелой физической нагрузки, стресс, болезнь. Ситуация тяжелого соматического заболевания становится для человека препятствием в реализации основных жизненных целей и задач (Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова-Славская, В.Ф. Василюк, С.Л. Рубинштейн и др.). В то же время кризисную ситуацию можно воспринимать и как источник развития личности, способствующий появлению психических новообразований (Л.С. Выготский). Учитывая тот факт, что отношение к болезни может как носить адекватный, реалистический характер, так и иметь различные варианты дисгармоничных, искаженных проявлений (тревожный, анозогнозический, эйфорический, эргопатический и др. типы отношения к болезни) (А.Е. Личко и Н.Я. Иванов), особенно важно при лечении и реабилитации больных уделить внимание формированию адекватной ВКЗ, способствующей активному участию в мероприятиях по укреплению и восстановлению здоровья.

Исходя из вышеизложенного, представляется важным разработать стратегию исследования роли критического мышления в формировании ВКЗ как ресурсного потенциала личности с целью последующего включения в программу реабилитации людей с ССЗ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сердечно-сосудистые заболевания // Центр СМИ Всемирной организации здравоохранения. Информационный бюллетень. 2015. № 317, январь. URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs317/ru (дата обращения: 31.10.2015).
2. Демография. Естественное движение населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 02.11.2015).
3. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию : учеб. пособие для студентов вузов. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. 224 с.
4. Каган В.Е. Внутренняя картина здоровья – термин или концепция? // Вопросы психологии. 1993. № 1. URL: http://www.medpsy.ru/meds/meds241.php (дата обращения: 31.10.2015).
5. Козлова Н.В., Щеглова М.С. Взаимосвязь критического мышления и психологического здоровья студентов высшей школы // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 46–51.
6. Козлова Н.В., Щеглова М.С. Взаимосвязь уровня критического мышления и психологической безопасности студентов высшей школы // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 34–49.
7. Нелюбина А.С. Роль обыденных представлений в формировании внутренней картины болезни : дис. … канд. психол. наук. М., 2009. 29 с.
8. Цветкова И.В. Проблема психологического изучения внутренней картины здоровья // Психологические исследования. 2012. № 1 (21). URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2012n1-21/612-tsvetkova21 (дата обращения: 28.10.2015).

Проблема самоопределения личности в традиционных российских духовных ценностях

Костюкова Т.А.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The problem of self-identity in the traditional Russian spiritual values

Kostyukova T.A.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы самоопределения молодежи в традиционных российских духовных ценностях, выделены их сущностные характеристики. Доказано, что общечеловеческие ценности могут лишь задавать контекст, который должен быть наполнен определенным содержанием, вытекающим из диалектики взаимосвязи общечеловеческого и национального в воспитании.
Ключевые слова: традиционные российские духовные и общечеловеческие ценности, ценностное самоопределение.

Abstract. The article deals with the problems of self-determination of young people in the traditional Russian spiritual values. Some essential characteristics are emphasized. This is evidence that universal human values can set the context to be filled with certain content resulting from the dialectic relationship of universal human and national elements in the sphere of upbringing.
Keywords: traditional Russian spiritual and human values, value self-determination.

Проведенные исследования [2, с. 145–146] позволили выделить некоторые сущностные характеристики традиционных российских духовных ценностей. Это, во-первых, исконные изначально воспринятые ценности, ставшие историческим выбором, сформировавшие культуру, традиции и российские этносы в целом; во-вторых, культурообразующие, оказывающие в течение длительного времени влияние на развитие государства, народа и культуры; в-третьих, это именно те ценности, которые составили основу повседневного образа жизни народа, войдя в его язык, обычаи, стали архетипами его мировоззрения; в-четвертых, эти ценности делают отечественную культуру самобытной (отличной от других) [4, с. 167]. Таким образом, традиционные российские ценности не представляют собой однородного ряда. В них изначально наличествовало соединение

христианского и языческого, религиозного и светского. Широтой и объемностью выявленных характеристик традиционных российских духовных ценностей обусловлена сложность самоопределения в них молодежи.

Термин «самоопределение» используется в различных науках о человеке для обозначения процесса его взросления, ориентации в мире ценностей, формирования жизненной перспективы, жизненных планов, выбора профессии, в связи с процессом определения человеком своего места, назначения, отношения к миру, обществу, где осуществляется переход возможности в действительность. Самоопределение изучается как способность человека строить жизнь в соответствии со своей индивидуальностью, способ взаимодействия человека и общества, готовность к рациональной организации времени, способность к саморегуляции и т.д. Самоопределение рассматривается в различных контекстуальных моделях Б.Г. Ананьева, М.Р. Гинзбурга, Е.И. Головаха, Е.А. Климова, А.К. Марковой, В.А. Полякова, Н.С. Пряжникова, Д. Сьюпера, С.Н. Чистяковой, З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга и других ученых как содержание жизненной перспективы или жизненного поля личности, самостоятельный этап процесса социализации или профессионализации личности, поиск смысла, сторона самореализации, самоутверждения и самовыражения человека. Эти исследования создали прочную теоретическую базу для изучения многих аспектов самоопределения. Так, большинство исследователей сходятся на точке зрения, что самоопределение молодого человека выступает как существенная сторона общего развития личности. Адекватное самоопределение предполагает, прежде всего, личностную психологическую зрелость, развитие рефлексии, умение выявлять имеющиеся профессиональные способности, понимать возможности и резервы личности.

Отсюда важнейшую роль в самоопределении играют ценности, которые, будучи по своей природе социально-историческими и эталонными, являются средством приобщения индивида к роду, тем самым позволяя преодолевать временность индивидуального существования [1, с. 48–49]. Ценностно-смысловое содержание является важнейшим моментом профессионального самоопределения.

В педагогической литературе 1990-х гг. в качестве «точки опоры» молодежи предлагалось самоопределение исключительно вокруг общечеловеческих ценностей. Высказывались мнения, согласно которым нет никакого резона углубляться в изучение традиционных российских духовных ценностей, достаточно опираться на так называемые общечеловеческие. Данный факт требует уточнения научной позиции.

Обычно понятие «общечеловеческие ценности» употребляется, когда хотят их противопоставить национальным и конфессиональным, подчеркнуть, что если в советский период акцент в воспитании подрастающих поколений делался на классовые ценности, то теперь он переместился на общечеловеческие. Но если первым (классовым) в нашей литературе посвящено огромное количество книг, статей и постановлений, то со вторыми вопрос не столь ясен. Проблема общечеловеческих ценностей многогранна, до конца не исследована и достойна обстоятельного обсуждения.

Современные исследователи разработали свои подходы к выделению общечеловеческих ценностей. Так, В.А. Караковский предлагает отнести к ним следующие: мир, земля, отечество, семья, труд, культура, знания, Бог, свобода, счастье, высшая ценность – Человек.

В других источниках выделяется иной набор ценностей: стремление к истине, социальное благополучие общества, социальная справедливость, нравственные гуманистические нормы и т.п. В некоторых случаях выделяется 46 и более ценностей. Авторы при этом замечают, что «разумеется, перечень не исчерпан и система открыта» (И.С. Марченко).

Какие же выводы из этого следуют? Общечеловеческие ценности, значение которых нельзя ни умалять, ни преувеличивать, могут лишь задавать контекст, который, в свою очередь, должен быть наполнен определенным содержанием, вытекающим из диалектики взаимосвязи общечеловеческого и национального в воспитании.

В плане нашего исследования важно обратить внимание на значение в педагогическом процессе не столько общечеловеческих, сколько традиционных национальных ценностей. Установленным научным фактом можно считать, что в истоке культуры любого народа лежат культурные ценности религии, определявшие особенности воспитания и обучения подрастающих поколений. Эти ценности являлись важной составной частью национальной культуры, игравшей первостепенную роль в качестве регулятора общественной морали. Следует признать, что в современном педагогическом образовании недостаточно учитываются, во-первых, фактор изменения религиозной ситуации в стране в целом, связанный с активизацией деятельности традиционных духовных институтов, которые представлены мировыми религиями – христианством, исламом, иудаизмом и буддизмом, а во-вторых, изменения ситуации в школьных классах и студенческих аудиториях, где за партами сидят представите-

ли молодого поколения, относящие себя к тем или иным конфессиям. Каждая из этих конфессий в соответствии с традиционной для нее культурой обладает мощным арсеналом воздействия на процессы воспитания, и это необходимо знать и учитывать. Педагогика межконфессионального общения с молодежью из верующих семей, обучающихся в светском образовательном учреждении, имеет ряд существенных особенностей.

В условиях кризиса, охватившего все сферы жизнедеятельности, когда российское общество находится в состоянии импульсивного и бурного мировоззренческого брожения, на передние рубежи не только педагогической, но и общественной жизни все больше выдвигается идея обращения к области духовной культуры, ядром которой являются традиционные духовные ценности. Это задает ситуацию необходимости самоопределения молодежи именно в традиционных ценностях, за счет чего и общечеловеческие наполнятся более глубоким и конкретным содержанием.

Выявленное разнообразие концептуальных подходов (Б.Г. Ананьев, О.С. Анисимов, Н.А. Басов, М.Р. Гинзбург, А.К. Маркова, Н.С. Пряжников, Т.В. Снегирева и др.) указывает на то, что самоопределение – это сложный, многоступенчатый процесс развития человека; его структурными элементами являются разные виды самоопределения – личностное, социальное, профессиональное и др. Эти виды самоопределения постоянно взаимодействуют. В одних случаях они предшествуют одно другому, в других – происходят одновременно, меняясь местами, как причина и следствие. Жизненное самоопределение, возможно, лежит в основе других и начинается с первого дня жизни как выполнение человеком своего предназначения [5, с. 58].

Проведенный анализ позволил выявить специфику профессионального самоопределения именно специалиста по организации работы с молодежью (ОРМ), которая, на наш взгляд, состоит в том, что эти смыслы не могут быть в ней разграничены или обособлены. В профессиональном самоопределении специалист как человек сливает в единую смысловую систему обобщенные представления, что выражается в определении своей профессиональной позиции.

Таким образом, позиция специалиста ОРМ, которая определяется в результате самоопределения, – это способ реализации базовых целей и ценностей личности в ее взаимоотношениях с другими. Профессио-

нальная позиция – это единство профессионального сознания и профессиональной деятельности, где сама деятельность оказывается одним из способов реализации базовых целей и ценностей. Универсальность педагогической позиции состоит в том, что она одновременно является и личностной, и профессиональной – культурно-деятельностной (необходимой для создания условий достижения целей и ценностей в содержании образования) [5, с. 26].

Главный педагогический результат профессионального самоопределения в традиционных российских духовных ценностях заключается в формировании у специалиста ОРМ внутренней готовности к осознанному и самостоятельному построению, корректировке и реализации перспектив своего развития, готовности рассматривать себя развивающимся во времени и самостоятельно находить значимые смыслы в каждой конкретной деятельности.

Суть процесса профессионального самоопределения состоит в актах выявления и утверждения индивидуальной позиции в проблемных ситуациях, когда человек оказывается перед необходимостью альтернативного выбора и должен принимать экзистенциальные или прагматические решения. Результатом самоопределения выступает, с одной стороны, выход человека на цели, направления и способы активности, адекватные его индивидуальным особенностям, с другой – на формирование духовной самоценности, способности через целеполагание самобытно и самостоятельно реализовывать свое природное и социокультурное предназначение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибоедова Т.П., Костюкова Т.А. Семья и школа: готовность к социально-образовательному партнерству // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 3. С. 47–50.
2. Костюкова Т.А. Проектирование содержания историко-педагогического образования в контексте традиционных российских духовных ценностей // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 2. С. 145–148.
3. Костюкова Т.А., Петрова Г.И. Христианская педагогика в современном образовательном пространстве. Томск, 2001. 274 с. (Сер. Сибирские Афины: вчера, сегодня, завтра).
4. Костюкова Т.А. Проблемы профессионального самоопределения будущего педагога в традиционных российских духовных ценностях. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2002. 252 с.
5. Маркова А.Г. Психология профессионализма. Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : МО-ДЭК, 1996. 400 с.

Идентичность с городом и субъективная оценка стресс-факторов среды мегаполиса*

Кружкова О.В., Воробьева И.В.
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Identity with the city and the subjective assessment of stress environmental factors megapolis

Kruzhkova O.V., Vorobyeva I.V.
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

Аннотация. В статье раскрываются механизмы взаимосвязи восприятия человеком стресс-факторов городской среды в контексте уровня его городской идентичности. В ходе исследования, в котором участвовали 1 167 жителей г. Екатеринбурга, обнаружена неоднозначная взаимосвязь изучаемых показателей, где присутствуют и эффект усиления негативной оценки стресс-факторов города, и защитное отрицание стрессогенных воздействий городской среды на человека при идентификации с ним.
Ключевые слова: городская среда, городская идентичность, стресс-факторы, субъективная оценка, мегаполис.

Abstract. The article describes the mechanisms of interrelation of human perception of the of stress factors of the urban environment in the context of the level of his urban identity. The study of 1 167 inhabitants of Ekaterinburg found out n ambiguous correlation of the studied parameters, where there were also effect of enhancing negative assessments of stress factors of the city, and the protective denial of stressful influence of the urban environment on a person for identification with him.
Keywords: urban environment, urban identity, stress factors, subjective assessment, megalopolis.

В современном мире городская жизнь стала нормой существования любого человека, неотъемлемой от его жизнедеятельности и мироощущения. Феномен города представляется как нечто «естественное» для большей части жителей Земли. Он является средоточием, центром культурной, деловой, коммуникативной, информационной активности об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Свердловской области в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ-Урал «Инновационные возможности мегаполиса как условия самореализации молодежи (на примере г. Екатеринбург)», № 15-16-66024.

ширных территориальных образований и общностей людей, проживающих на них. При этом и для горожанина само явление города имеет особое значение. Город не просто выступает территорией, где расположены личностно и социально значимые объекты, но и является особым сообществом, с образом жизни которого человек соотносит себя. Идентификация себя с городом и его средой становится одним из центральных моментов самоощущения и самопонимания личности.

Городская идентичность – это результат отождествления человека с городской общностью как большой социальной группой, отличающейся от ряда других общностей, выделяемых по признаку городской принадлежности [1]. При этом детерминантами в формировании городской идентичности будут измерения «качества места», такие как материальное окружение (сочетание природных и искусственных объектов), социальное окружение (разные сообщества и их взаимодействие), событийная насыщенность (события и разнообразная деятельность в городской среде) [2].

Именно насыщенная событиями, эмоциональными стимулами разнородная и динамичная городская жизнь современного города позволяет человеку проявить к ней определенное отношение, сформировать интегративное «чувство города», которое является аффективной основой развития городской идентичности. На формирование этого чувства оказывают влияние уровень стресса, социальные качества среды, ориентация и подвижность, т.е. использование горожанами среды города в соответствии с их «образами» и «представлениями» о ней, наполненность среды, т.е. насыщенность среды объектами и событиями, которые способствуют удовлетворению потребностей жителей города, возможности принятия решений о развитии городской среды, культура и отдых, т.е. выполнение городом задач в интеллектуальной, культурной, спортивной и образовательной сферах [3].

В этом контексте интересным становится не только соотнесение положительных характеристик городской среды с формированием городской идентичности жителей (что абсолютно закономерно и предсказуемо), но и определение роли воспринимаемых негативных факторов жизни в городе (стресс-факторов городской среды) и понимания человеком себя как горожанина и субъекта, постоянно взаимодействующего с особенностями жизнедеятельности города.

Проведенное исследование среди жителей г. Екатеринбурга (n = 1167) с использованием шкалы идентификации с городом M. Lalli и анкеты оценки субъективной значимости стресс-факторов среды мегаполиса

(О.В. Кружкова, И.В. Воробьева) было направлено на разрешение двух исследовательских вопросов:

1) Однозначна ли взаимосвязь показателей идентичности с городом и оценки субъективной значимости стресс-факторов городской среды у жителей мегаполиса?

2) Существует ли специфика обозначенной взаимосвязи у жителей мегаполиса с различным уровнем сформированности городской идентичности?

Для ответа на поставленные исследовательские вопросы были проведены процедуры математико-статистического анализа: двухэтапная кластеризация для выделения гомогенных подгрупп респондентов с разным уровнем сформированности городской идентичности (3 кластера на средней силуэтной мере связанности и разделения кластеров); корреляция Пирсона в каждой из выделенных подгрупп между показателями идентификации с городом и оценкой субъективной значимости стресс-факторов среды мегаполиса (табл. 1).

Интересно, что у всех трех групп респондентов наблюдаются взаимосвязи отдельных стресс-факторов с пониманием внешней ценности города. Однако у жителей, идентифицирующих себя с городом, изъяны в его материальной среде, ее неэстетичность снижают оценку престижности и привлекательности города, так же как и для группы жителей с низкой сформированностью городской идентичности риск террористических угроз будет понижать статус города как места проживания или туризма. Но для респондентов со средними значениями городской идентичности характерно отрицание однообразия и эстетической невыразительности среды при наличии высокой оценки внешних факторов привлекательности города для других. Для группы с высоким уровнем городской идентичности свойственно нивелирование многочисленных срессогенных факторов городской среды при наличии глубокой привязанности к ней, но это не касается объективных экологических угроз для жизни и здоровья человека. У других же групп наблюдается иная картина, когда снижение эмоциональной значимости городской среды сопровождается высокими негативными оценками факторов ее неблагополучия. Кроме того, несформированная привязанность к городу может способствовать безразличию к его материальной среде. Также при отсутствии четко осознаваемой цели жизни в городской среде у человека обостряется восприятие проявлений социальной несправедливости в мегаполисе.

Таблица 1

Корреляционные взаимосвязи показателей идентификации с городом и оценки субъективной значимости стресс-факторов среды мегаполиса для его жителей

Показатель идентификации с городом	Оценка субъективной значимости стресс-факторов городской среды для жителей мегаполиса с различным уровнем сформированности городской идентичности		
	Группа с высоким уровнем сформированности городской идентичности, n = 358	Группа со средним уровнем сформированности городской идентичности, n = 552	Группа с низким уровнем сформированности городской идентичности, n = 257
Внешняя ценность города	Неприятный внешний вид зданий, улиц, площадей, т.е. внешнего облика города, r = 0,149 при p = 0,005	Невыразительность, скучность однообразие архитектуры города, r = –0,114 при p = 0,007	Возможность террористических угроз, r = 0,227 при p = 0,000
Общая привязанность к городу	Частое изменение облика отдельных мест, зданий или их функционального назначения, r = –0,149 при p = 0,005	Многочисленность населения, r = –0,125 при p = 0,003	Много похожих до неразличения зданий или мест в городе, r = –0,163 при p = 0,009
	Загрязненность воздуха, воды, почвы в городской среде по сравнению с естественной природной средой, r = 0,171 при p = 0,001		
	Необходимость соответствовать образу горожанина (иметь определенные вещи, соответственно одеваться, совершать ожидаемые другими «правильные» действия» и т.п.), r = –0,145 при p = 0,006		
Общая привязанность к городу	Множество малознакомых людей вокруг, r = –0,140 при p = 0,008	Слякоть, грязь, снежные заносы, т.е. неубранность, неопрятность улиц, r = 0,110 при p = 0,009	Высокий темп жизни в городе, r = –0,223 при p = 0,000
	Отсутствие личной территории за пределами квартир, r = –0,147 при p = 0,005		
	Много похожих до неразличения зданий или мест, в городе r = –0,156 при p = 0,003		
	Высотные здания, «давящие» на человека, r = –0,159 при p = 0,003		

Показатель идентификации с городом	Оценка субъективной значимости стресс-факторов городской среды для жителей мегаполиса с различным уровнем сформированности городской идентичности		
	Группа с высоким уровнем сформированности городской идентичности, n = 358	Группа со средним уровнем сформированности городской идентичности, n = 552	Группа с низким уровнем сформированности городской идентичности, n = 257
Связь с прошлым	–	Неприятный внешний вид зданий, улиц, площадей, т.е. внешнего облика города, r = 0,149 при p = 0,005 Безразличие со стороны других людей, r = –0,117 при p = 0,006 Высотные здания, «давящие» на человека, r = 0,133 при p = 0,002	–
Восприятие близости с городом	–	Многоэтажность административных и жилых зданий, r = 0,128 при p = 0,003	–
Целеполагание	–	–	Слишком заметная разница между «богатыми» и «бедными» горожанами, r = –0,181 при p =0,004

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Наблюдается неоднозначная взаимосвязь показателей идентичности с городом и оценки субъективной значимости стресс-факторов городской среды у жителей мегаполиса. Присутствуют как эффект усиления негативной оценки стресс-факторов города при наличии идентичности с ним, так и защитные механизмы, позволяющие отрицать большую часть стрессогенных воздействий городской среды человеком, испытывающим позитивные чувства к месту своего проживания.

2. Присутствует специфика взаимосвязи показателей идентичности с городом и оценки субъективной значимости стресс-факторов городской среды у жителей мегаполиса с различным уровнем сформированности городской идентичности. Горожане, имеющие эмоциональную привязанность к мегаполису, в большей степени реагируют на объективные угрозы и понижают значимость социальных и эстетических изъянов городского пространства. При низкой идентификации с городской средой наиболее значимыми становится ее социальные риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы формирования // Социология города. 2012. № 1. С. 46–61.
2. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика XXI, 2005.
3. Хейдметс М. Психология среды: становление и поиски // Тенденции развития психологической науки : сборник статей. М. : Наука, 1989. С. 242–254.

Свойство «открытость» в системной антропологической психологии

Кукуев Е.А.
Тюменский государственный университет, Тюмень

«Openness» property in system anthropological psychology

Kukuev E.A.
Tyumen state university, Tyumen

Аннотация. Актуализируется свойство открытости в рамках системной антропологической психологии. Предлагаются направления для содержательного анализа «открытости», а также анализа видов открытости – когнитивной, коммуникативной и флексибильной.

Ключевые слова: открытость, система, человек, когнитивность, коммуникативность, флексибльность.

Abstract. Property of openness within system anthropological psychology is staticized. The directions for the substantial analysis of "openness", and also the analysis of types of openness are offered: cognitive, communicative and fleksibilny.
Keywords: openness, system, person, kognitivnost, communicativeness, fleksiblnost.

Системная антропологическая психология (САП), проходя закономерный путь своего становления, занимает устойчивое положение в современном научном пространстве. Это можно зафиксировать в следующих аспектах:

1) четкое позиционирование на постнеклассическом уровне в современной психологии, испытывающей неустойчивость в силу отчасти невозможности, а порой и нежелания осознать, принять вектор науки, направленный на парадигмальный сдвиг, смену уровней системности;

2) обозначение предмета психологического исследования – человека – как целостной, самоорганизующейся, открытой системы;

3) ввод и обоснование трансспективного анализа как средства историко-психологического исследования;

4) академические и практические успехи за счет решения теоретических и прикладных вопросов, в частности проблемы идентичности, самоорганизации, самоосуществления, инновационного поведения и т.д.

Впитывая в себя значимые достижения психологии, отраженные в работах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, О.К. Тихомирова и др., САП демонстрирует новый подход к формированию теории, как отмечает В.Е. Клочко: «Для этого нужно не только человека, но и саму науку определить как открытую самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему» [1, с. 18], что и реализовано в САП: целостность за счет внутренней непротиворечивости при сохранении достаточной открытости, обеспечивающей высокий уровень самоорганизации при тенденции к усложнению.

Анализ работ ученых школы В.Е. Клочко показывает, что в выделяемой триаде (целостность, открытость, самоорганизация), по всей видимости, центральное место занимает свойство открытости. При том что открытость не противоречит целостности системы, именно за счет открытости система обретает свою устойчивость и способность к самоорганизации.

Основной проблемой, связанной с осмыслением понятия «открытость», является его определенность в физике (теория систем) и высокая употребляемость (вследствие чего и размытость, а порой и противоречивость) в житейском обиходе. Поэтому в психологии определения этого понятия, чаще всего, базируются на физическом контексте.

Базовым принимается определение В.Е. Клочко: «Открытыми считаются системы, которые способны удерживать (поддерживать) внутреннюю упорядоченность за счет постоянного обмена с окружающей средой информацией, энергией, веществом» [1, с. 130].

Свойство открытости идет напрямую из теории систем, и априори биологические и социальные системы рассматриваются как открытые. Но к понятию «открытая / закрытая» система нужно подходить не как к бинарной системе (в отличие от физики), а как к характеристике степени выраженности этого свойства. В работе В.Е. Клочко встречается выражение «степень открытости» [1, с. 314], А.В. Черников пишет: «Однако обмен материалами, энергией или информацией с окружающей средой в социальных системах может быть более обширным или менее обширным, в связи с чем можно говорить об относительно открытых или относительно закрытых системах» [5, с. 10].

Проведенный на данном этапе исследования теоретический анализ позволяет нам сформулировать следующее. Открытость как свойство системы (Кукуев, 2014):

1) формируется при соответствующем целевом назначении;

2) обеспечивается структурой, позволяющей реализацию данного свойства;

3) проявляется в постоянном обновлении элементов.

Таким образом, система обладает (формирует, проявляет, позиционирует и т.п.) свойством открытости, если оно является ее ценностно-смысловым образованием (в физике открытость априори является либо присутствующим, либо отсутствующим свойством системы (открытая / закрытая система), а в антропологической реальности – это свойство, степень проявления которого регулируются ценностями, смыслами, отношениями), если структура системы позволяет реализовать ее открытость и если возможно выделение количественных / качественных изменений, то есть процесса самоорганизации с тенденцией на прогрессивное усложнение системы.

Целевое, ценностно-смысловое понимание открытости рассматривается в рамках САТ. Так, в работе «Общая одаренность и математическая

креативность: системно-антропологический контекст» коллектив авторов, представители САТ, отмечают, что «Ценности и смыслы понимаются в качестве детерминаторов самореализации разного уровня и как моменты самоорганизации человека» [3, с. 79], в свою очередь «уровень самореализации» характеризуется как «степень открытости» [3, с. 78]. Кроме того, это соотносится с аспектами самореализации, дифференцируемыми Э.В. Галажинским: продуктивным (что получается в результате её и зачем человеку это надо?) и личностным, позволяющим поставить проблему потенциала самореализации и уровня креативности личности, направленной на мир и на себя (кто самореализуется?) [3].

Антропологический аспект понятия «открытость», в отличие от физического прообраза, также усложняет его характеристики. Как отмечали выше, в физике систем открытость рассматривается только с бинарной позиции. Кроме того, в физике систем свойство открытости определяет только процесс обмена: информационного, энергетического и т.д. В то время как в человекоразмерных системах многомерность человека существенно усложняет как уровни открытости, так и ее виды. Так, например, в работе «Психология инновационного поведения» авторы отмечают, что «открытость к себе – главный признак человека как системы, отличающий его от всех других открытых систем, живущих за счет обмена со средой – информационного, вещного, энергетического» [1, с. 41].

На данном этапе исследования предлагаются для анализа следующие виды открытости (Кукуев, 2014).

1. Когнитивная открытость как открытость знаниям, опыту, процессу познания (в том числе и себя). Когнитивная открытость позволяет постулировать факт того, что обмен информацией, энергией у человека (в антропологических системах) происходит не как в физических системах, а избирательно и направленно (принцип ограничения взаимодействия (Клочко, 2009)). Человек, являясь субъектом многомерного мира, жизненного пространства не механически вбирает в себя извне, а имеет способность направлять свою активность на познание вовне. Когнитивная открытость в этом контексте, возможно, сопряжена с такими характеристиками, как познавательная активность, «надситуативная активность», инновационность, инициативность и т.д.; в частности, некоторые характеристики открытости и инновационности проанализированы в работе В.Е. Клочко и Э.В. Галажинского «Психология инновационного поведения».

2. Коммуникативная открытость как открытость взаимодействию. Данный вид открытости близок по характеру физическому эквиваленту

(обмен информацией) и, по содержанию, житейским представлениям об «открытом человеке». Коммуникативная открытость характеризует обеспечение безбарьерной среды взаимодействия. В социальных системах этот вид открытости сопряжен с понятием «информационная открытость».

3. Флексибильная открытость как открытость изменению. Учитывая, что открытость проявляется в постоянном обновлении элементов системы, необходимо понимать, насколько система обладает способностью изменяться в постоянно изменяющемся мире, как осуществляется процесс становления от адаптации к самоорганизации, к системному усложнению и степень готовности к этим процессам. Отчасти данный вид открытости сформулирован на основе анализа понятия «ригидность», в частности в работах Г.В. Залевского.

Таким образом, системная антропологическая психология не просто созвучна современности, она и определяет «передний край науки» (Степин, 2009). Подход к человеку как к целостной, открытой и самоорганизующейся системе позволяет продуцировать постнеклассический уровень мышления, когда при исследовании «в центре ее оказывается не просто определенное психическое состояние человека..., но целостный человек с присущим ему потенциалом саморазвития» [3, с. 43]. И в данном отношении свойство открытости позволяет дополнить существующее представление о человекоразмерных системах, особенно в то время, когда понятие «открытость» начинает активно использоваться, в частности в образовании. Поэтому актуально звучит постулирование в рамках САТ: «Человек – открытая система. Для его развития необходима образовательная среда, поддерживающая его открытость» [3, с. 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. 240 с.
2. Кукуев Е.А. К вопросу об открытости педагога как субъекта современного образования // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электронный научный журнал. 2013. Март. ART 1971. URL: http://www.emissia.org/offline/2013/1971.htm (дата обращения: 15.10.2015).
3. Общая одаренность и математическая креативность: системно-антропологический контекст / отв. ред. В.Е. Клочко. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. 156 с.
4. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml (дата обращения: 15.10.2015).
5. Черников А.В. Системная семейная терапия: интегративная модель диагностики. 3-е изд., испр. и доп. М. : Класс, 2001. 208 с.

Оценка психологических ресурсов у больных, перенёсших инсульт

Лазарева Е.Ю.
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары

Assessment of psychological resources of patients after sharp violation of brain blood circulation

Lazareva E.Y.
The Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

Аннотация. Проведено исследование психологических ресурсов у постинсульных больных. Были обследованы 23 пациента, средний возраст которых (51,50 ± 11,03) года. В работе представлены результаты оценки уровня выраженности невротических расстройств у постинсультных больных. Описана специфика компонентов отношения к здоровью и особенностей проактивного совладающего поведения больных.
Ключевые слова: психологические ресурсы, постинсультные больные, адаптация, отношение к здоровью, совладающее поведение.

Abstract. There were conducted the research of psychological resources of patients after sharp violation of brain blood circulation. Patients aged 52,0 ± 6,1, were examined. There are presented the results of an assessment of level of neurotic frustration intensity post stroke patients. Here are described the specifics of components of the attitude towards health and a features of pro-active coping-behavior of patients.
Keywords: psychological resources, post stroke patients, adaptation, attitude towards health, coping behavior.

Восстановление нарушенных функций организма и дальнейшее выздоровление после перенесенного инсульта и при соматических заболеваниях во многом взаимосвязано с адаптационными способностями больного [3, 4]. Присутствующая у постинсультных больных неврологическая симптоматика различной степени выраженности, определяющая тяжесть соматического состояния, нередко сопровождается психоэмоциональными нарушениями [2], которые ухудшают качество жизни больных и оказывают негативное воздействие на эффективность проводимого лечения и реабилитационных мероприятий.

Для создания эффективных индивидуальных программ профилактики и коррекции психоэмоциональных нарушений у постинсультных больных становится актуальным исследование психологических ресурсов личности, позволяющих больным преодолевать возникшую трудную си-

туацию, которой является заболевание [5]. Под психологическими ресурсами исследователи понимают психологические качества личности, помогающие человеку справляться с трудными и стрессовыми ситуациями [6]. К данным качествам чаще всего относят совладающее поведение, характеристики личности и приспособительные механизмы, позволяющие эффективно справляться с трудной жизненной ситуацией и стрессом [7], которые имеют свои особенности при невротических расстройствах [1].

В проведенной работе были обследованы 23 человека, перенесших инсульт легкой степени тяжести. Анализ демографических данных показал, что в исследуемой выборке мужчин было больше, чем женщин (30,4% и 69,6% соответственно). Средний возраст обследуемых составил (51,5 ± 11,03) года.

В исследовании использованы следующие психодиагностические методики: клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний К.К. Яхина, Д.М. Менделевича; опросник «Отношение к здоровью» Р.Л. Березовской, позволяющий выявить отношение к здоровью у больных, перенесших инсульт; опросник проактивного совладающего поведения (копинга) в адаптации Е.С. Старченковой, предназначенный для диагностики личностных характеристик, подготавливающих человека к проживанию стрессовой ситуации и выходу из неё с повышенными личностными ресурсами. Обработка полученных результатов роводилась при помощи методов математической статистики в программе Microsoft Excel 2003.

Исследование особенностей невротических состояний постинсультных больных было проведено при помощи опросника К.К. Яхина, Д.М. Менделевича. Полученные значения уровня выраженности невротических расстройств показывают высокую степень их проявления у исследованных больных. При этом максимально выраженными являются вегетативные проявления (–14,3 ± 2,6), истерический тип реагирования (–9,7 ± 2,26) и невротическая депрессия (–8,3 ± 2,1). Менее выраженными – астенические состояния (–4,9 ± 2,2), тревога (–5,54 ± 2,05) и обсессивно-фобические нарушения (–6,9 ± 2,1). Таким образом, у данных больных более вероятно развитие ипохондрического, истерического и депрессивного типа реагирования на заболевание.

Исследование отношения к здоровью с помощью опросника Р.Л. Березовской выявило, что у обследованных больных наиболее выражен когнитивный компонент отношения к здоровью (4,7 ± 0,6). При этом большее значение для больных имеет информация, полученная от знакомых и друзей (5,4 ± 1,0), из СМИ (5,3 ± 1,1) и чуть менее значима инфор-

мация, полученная от врачей-специалистов (4,8 ± 1,9). Основными факторами, имеющими наибольшее значение в развитии заболеваний, по мнению больных, являются недостаточная забота о здоровье (5,2 ± 1,7) и образ жизни (5,2 ± 1,4), немного меньшее значение имеет качество медицинского обслуживания (4,8 ± 1,4). Минимальным фактором, оказывающим существенное влияние на здоровье, больные называют профессиональную деятельность (3,7 ± 1,3). Это свидетельствует о том, что постинсультные больные лишь в некоторых случаях ориентируются на информацию о здоровье и болезни, полученную от врачей-специалистов, при этом они считают, что люди в большей мере сами ответственны за свое здоровье. Эмоциональный компонент отношения к здоровью у постинсультных больных характеризуется выраженностью чувств удовлетворения (5,4 ± 1,5), спокойствия (5,5 ± 1,4) и радости (5,2 ± 1,5) при отсутствии болезни и встревоженностью, нервозностью (5,5 ± 1,0), страхом (4,8 ± 1,5) и подавленностью (4,4 ± 1,5) при ухудшении здоровья. Ценностно-мотивационный компонент отношения к здоровью характеризуется выраженностью таких ценностей, как материальное благополучие (5,1 ± 1,2), здоровье (4,9 ± 1,3) и счастливая семейная жизнь (4,7 ± 1,0). К качествам, необходимым для успеха, больные относят способности (5,6 ± 1,2), везение (5,3 ± 1,4) и нужные связи (5,4 ± 0,9). Поведенческий компонент отношения к здоровью у постинсультных больных наименее выражен (3,2 ± 0,5) и характеризуется соблюдением режима (4,9 ± 09), отказом от вредных привычек (4,8 ± 1,3), при ухудшении состояния больные обращаются за медицинской помощью (5,8 ± 1,0). Таким образом, отношение к здоровью у постинсультных больных характеризуется низкой поведенческой активностью, направленной на сохранение здоровья, негативной эмоциональной реакцией на болезнь, большим доверием к информации, полученной из непрофессиональных источников.

Результаты исследования проактивного копинг поведения у постинсультных больных выявили развитость процесса создания четко продуманного плана действий ($p < 0,05$), ориентированность на регуляцию эмоционального состояния посредством общения с близкими ($p < 0,05$), недостаточную способность к предвосхищению потенциальных стрессоров и подготовке действий по их нейтрализации ($p < 0,05$).

Таким образом, больные перенесшие инсульт, более подвержены развитию ипохондрических, истерических и депрессивных реакций на заболевание. Отношение к здоровью у них характеризуется низкой поведенческой активностью, направленной на сохранение здоровья, негативной

эмоциональной реакцией на болезнь и меньшим доверием к информации, получаемой от врачей-специалистов. У инсультных больных наблюдается недостаточно развитая способность к предвосхищению стрессовых событий и ситуаций. При этом данные больные ориентированы на регуляцию эмоционального состояния путем общения с близкими и имеют развитые способности к эффективному планированию своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абитов И.Р., Менделевич В.Д. Особенности совладающего поведения при психосоматических и невротических расстройствах // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2008. № 4. С. 35–49.
2. Григорьева Н.В. Особенности психических состояний у пациентов, перенесших инсульт различной степени тяжести // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5 (61).
3. Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю. Адаптация и адаптационный потенциал личности: соотношение современных исследовательских подходов // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2013. № 9. С. 18–32.
4. Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю. Адаптация личности и сердечно-сосудистые заболевания // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11, № 2. С. 82–105.
5. Николаев Е.Л., Лазарева Е.Ю. Психосоциальные риски и ресурсы при сердечно-сосудистых заболеваниях // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2014. № 10. С. 109–130.
6. Соловьева С.Л. Ресурсы личности // Медицинская психология в России : электроный научный журнал. 2010. № 2. URL: http:// medpsy.ru (дата обращения: 28.10.2015).
7. Суслова Е.С. Приспособительные механизмы при стрессе в различных субкультурных группах // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2007. № 3. С. 101–112.

Особенности смысложизненных ориентаций студентов с различными имплицитными теориями*

Лещинская С.Б.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The Life-Meaning Orientations of students with different implicit theories

Leshchinskaia S.B.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье описывается исследование взаимосвязи между смысложизненными ориентациями и имплицитными теориями интеллекта

* Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

и личности. Полученные результаты показывают более высокую осмысленность жизни и наличие внутреннего локуса контроля у обладателей теории наращиваемого интеллекта. На основе сделанных выводов приведены практические рекомендации.
Ключевые слова: смысложизненные ориентации, имплицитные теории, личность, интеллект, смысловая сфера, образование.

Abstract. The article describes the study of the relationship between the life-meaning orientations and implicit theories of intelligence and personality. The results have shown a higher degree of life's meaningfulness and internal locus of control of students with an incremental theory of intelligence and personality. Practical guidelines are made on the basis of these findings.
Keywords: life-meaning orientations, implicit theories, personality, intelligence, sphere of meanings, education.

Почему учащиеся даже со сходными когнитивными способностями имеют разную успеваемость? Что влияет на то, насколько успешно обучающийся будет осваивать учебную программу? Эти и многие другие вопросы до сих пор волнуют исследователей, находящихся в поиске индивидуальных различий в обучении. При этом в центре внимания оказывается не только уровень интеллекта, но и такие личностные особенности, как мотивация, саморегуляция, самооценка и т.д. [1].

В этом контексте интерес представляет концепция имплицитных теорий, предложенная К. Двек (C. Dweck). Согласно этой концепции, у человека существуют неосознаваемые представления (теории) о том, являются его интеллект или личность стабильными чертами, или же существует возможность их изменения [5]. Соответственно были выделены две группы теорий, каждая из которых может относиться как к интеллекту, так и к личности: теория неизменности и теория приращаемости [5]. Имплицитные теории могут влиять на мотивацию достижений человека и его академическую результативность. При этом люди, уверенные в том, что интеллект и личность поддаются изменениям, более настойчивы, не избегают препятствий в процессе обучения, стремятся к саморазвитию. Напротив, сторонники теории стабильных интеллекта и личности легко сдаются перед лицом трудностей и ориентируются на получение формальной оценки своих знаний [5].

Исследования имплицитных теорий личности проводились в основном за рубежом начиная с конца XX в. В нашей стране проблематика имплицитных теорий ещё только начинает исследоваться, в том числе и на базе НИ ТГУ [3]. Представляется важным изучение особенностей им-

плицитных теорий у российских учащихся, так как некоторые аспекты этих теорий (взаимосвязь их с интеллектом, локусом контроля, успеваемостью и т.д.) могут быть различными в разных культурах. В этой связи нами была изучена взаимосвязь между параметрами имплицитных теорий и параметрами смысложизненных ориентаций, которые, являясь одной из главных подструктур личности, обеспечивают целостность жизни человека и в том числе имеют большое значение в учебном процессе [4]. Следует уточнить, что ранее мы сообщали об обнаружении связей между этими параметрами в студенческой выборке меньшего объема, однако в настоящем исследовании был осуществлен более глубокий анализ [3].

В психодиагностическом исследовании были использованы две методики:

1. Опросник К. Двек в модификации Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова со шкалами: 1) Принятие имплицитной теории (ИТ) наращиваемого интеллекта, 2) Принятие ИТ обогащаемой личности, 3) Принятие целей обучения (ориентация на овладение мастерством и на процесс обучения), 4) Самооценка обучения (восприятие себя как успешного или неуспешного студента, самооценка вкладываемых в учебу усилий) [1].

2. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Д.А. Леонтьев) со шкалами: 1) Цели в жизни, 2) Процесс жизни, 3) Результативность жизни, 4) Локус контроля, 5) Общий показатель осмысленности жизни [2].

Выборку составили 96 студентов НИ ТГУ различных факультетов.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием описательной статистики и корреляционного анализа из пакета программ Statistica 6.0.

Было выявлено, что параметр ИТ наращиваемого интеллекта положительно коррелирует с результативностью жизни (r=0,2029; p=0,047), внутренним локусом контроля (r = 0,3538; p = 0,000), общей осмысленностью жизни (r = 0,2727; p = 0,007). Параметр ИТ обогащаемой личности положительно связан с внутренним локусом контроля (r = 0,2028; p = 0,048). Самооценка обучения также положительно связана с внутренним локусом контроля (p = 0,3040; r = 0,003), а также с осмысленностью жизни (r = 0,2311; p = 0,024).

То есть более высокая степень осмысленности жизни свойственна студентам, считающим себя успешными в учебе и уверенным в том, что уровень интеллекта можно повысить. Обладатели теории наращиваемого интеллекта, кроме того, считают свою жизнь более результативной. Обладателям теории обогащаемой личности свойственна уверенность в своей способности контролировать свою жизнь.

Наиболее значимые из полученных корреляций обнаружены между внутренним локусом контроля и имплицитной теорией наращиваемого интеллекта, а также самооценкой обучения. Это означает, что чем в большей степени студент уверен, что уровень интеллекта можно повысить, и чем более успешным и усердным учеником он себя считает, тем больше он склонен к тому, чтобы верить в свою способность контролировать собственную жизнь и брать на себя ответственность за жизненные события.

Можно отметить, что, тогда как на зарубежной выборке не была выявлена взаимосвязь между ИТ наращиваемого интеллекта и внутренним локусом контроля, нами такая взаимосвязь была обнаружена. Это может быть связано как с различием в использованных методиках, так и с культурным контекстом, что выявляет необходимость дальнейшего изучения имплицитных теорий на российской выборке.

Таким образом, сделанные выводы помогают не только обрисовать профиль более успешного студента, но и наметить стратегию обучения. Можно предположить, что обучение, способствующее формированию теории наращиваемого интеллекта (такие подходы к обучению уже были реализованы за рубежом), может привести к тому, что студенты не только будут стремиться к формальному овладению знаниями, но и будут способны находить смысл этих знаний, встраивать их в целостную картину мира. Если студент будет считать, что его интеллект не является строго фиксированным, его вовлеченность в учебный процесс может существенно возрасти, он может стать более ответственным, осмысленно подходя к учебе и жизни. Процесс обучения станет не только вынужденной необходимостью, но будет сам по себе приносить удовольствие, а также восприниматься как важное звено в контексте всего жизненного пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Т.В. Корнилова [и др.] // Психологический журнал. 2008. № 3. С. 106–120.
2. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М. : Смысл, 2000. 18 с.
3. Лещинская С.Б. Взаимосвязь имплицитных теорий личности и интеллекта с когнитивными и личностными характеристиками студентов // ЛОМОНОСОВ-2015 : материалы Международного молодежного научного форума / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М. : МАКС Пресс, 2015. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/6928/uid71657_report.pdf.
4. Лещинская С.Б., Богомаз С.А. Смысловая сфера личности студента как фактор самоорганизации деятельности и результативности ЕГЭ // Когнитивные штудии: когнитивная

парадигма в междисциплинарных исследованиях : материалы VI междунар. междисциплин. конф. Минск : БГПУ, 2015. Вып. 6. С. 91–96.
5. Dweck C.S. Motivational processes affecting learning // American Psychologist. 1986. № 41. P. 1040–1046.

Взаимосвязь субъективной оценки реализуемости ценностей и параметров средовой идентичности в российских городах*

Литвина С.А., Муравьева О.И.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The relationship of subjective assessment of feasibility of values and parameters of environmental identity in Russian cities

Litvina S.A., Muravyova O.I.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. Статья представляет результаты эмпирического исследования, осуществленного в 2014–2015 гг. в четырех российских городах. Выборку составили 462 человека со средним возрастом 22,5 года. На основании корреляционного анализа показано, что в разных городах параметры идентичности связаны с различными ценностями, но общим для всех оказывается то, что оценка возможности иметь хорошую работу и быть материально обеспеченным в городе не связывается с идентификацией по городскому признаку.
Ключевые слова: идентичность с городом, средовая самоидентичность, субъективная оценка реализуемости ценностей

Abstract. The article presents the results of empirical research which was conducted in 2014–2015 years in four Russian cities on 462 people with average age of 22.5 years. It is shown, according to the results of correlation analysis, that in different cities parameters of identity are connected with different values, but there are same features common to all cities: the possibilities of having good work and being wealthy in the city are not connected with city identity.
Keywords: city identity, environmental self-identity, subjective assessment of feasibility of values.

Настоящая статья посвящена обсуждению результатов эмпирического исследования ценностных оснований идентичности с городом (городской

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Психологические факторы средовой самоидентичности», № 15-06-10803.

средой). Исследование проведено в 2014–2015 гг. в четырех российских городах, отличающихся количеством населения: Петропавловске-Камчатском (большой), Томске (крупный), Екатеринбурге и Санкт-Петербурге (крупнейшие). Выборку исследования составили 462 человека со средним возрастом 22,5 года.

Использованы Методика субъективной оценки реализуемости базисных ценностей (СОРБЦ) С.А. Богомаза [2], позволяющая сделать вывод о том, какие ценности могут быть реализованы жителями того или иного города, и Шкала идентификации с городом М. Лалли (M. Lalli) [3], имеющая пять шкал (семантических блоков): Внешняя ценность, Общая привязанность, Связь с прошлым, Восприятие близости, Целеполагание. Шкала «Внешняя ценность» отражает аут-групповые и ин-групповые стереотипы, остальные, являющиеся, с точки зрения автора опросника, доминирующими в структуре идентичности с городом, – личный опыт бытия в городе, субъективное восприятие человеком среды города.

Изучение особенностей идентичности с городом продолжает начатое нами исследование средовой самоидентичности. Корреляционный анализ данных конкретизирует полученные ранее результаты [1] и позволяет увидеть, что характер взаимосвязей показателей идентичности (шкала Лалли) и субъективной оценки реализуемости ценностей в городе проживания респондентов (СОРБЦ) отличается в выборках разных городов. Данные представлены в табл. 1.

Первое отличие, которое обращает на себя внимание, – это количество корреляционных связей. Можно заметить, что более всего взаимосвязей между параметром идентичности с городом и оценкой реализуемости ценностей в среде города обнаружилось в Петропавловске-Камчатском и Екатеринбурге, а наименьшее – в Томске и Санкт-Петербурге. Эти результаты позволяют зафиксировать факт, свидетельствующий о том, что идентичность жителей первых двух городов, в отличие от двух последних, в большей степени связана с оценкой возможности реализации важных жизненных ценностей. Возможно, на формирование идентичности влияют факторы, которые не «схватываются» используемым методическим инструментарием. Можно предположить, что в качестве такого фактора могут выступать особенности выборки: соотношение числа коренных горожан и приехавших на обучение иногородних студентов. В Петропавловске выборку составили 87% коренных жителей (проживающих в городе более 10 лет), в Екатеринбурге – 62%, а в Томске и Петербурге таких было только около 40%.

Таблица 1

Корреляционная матрица (*r*-Spearman's) показателей шкал методик «Шкала идентификации с городом» и «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (*N* = 462) в выборках четырех городов (статистически значимые корреляции выделены жирным шрифтом)

Города	Томск					Екатеринбург					Санкт-Петербург				
Шкалы	Внешняя ценность	Общая привязанность	Связь с прошлым	Восприятие близости	Целеполагание	Внешняя ценность	Общая привязанность	Связь с прошлым	Восприятие близости	Целеполагание	Внешняя ценность	Общая привязанность	Связь с прошлым	Восприятие близости	Целеполагание
Быть здоровым	,18	,03	,11	,03	,05	**,15**	,11	–,06	,11	,07	–,25	,04	,05	,00	–,04
Иметь семью	,04	–,08	–,00	–,13	–,11	–,03	–,02	**–,15**	–,03	,02	–,01	,02	–,03	–,07	–,02
Стать профес-сионалом	,05	–,06	,10	–,08	,10	–,09	–,01	**–,18**	–,04	–,04	–,22	–,12	–,04	–,21	–,07
Стать знаменитым	–,03	,09	**,22**	,13	**,28**	**,20**	**,19**	**,15**	**,20**	**,21**	**–,31**	–,11	–,07	–,13	–,18
Достичь цели	,18	–,03	,04	–,01	,17	,04	,03	**–,15**	–,04	,02	–,06	,04	–,01	–,01	–,03
Жить полной жизнью	,08	–,10	,11	,02	,11	,07	**,14**	–,06	,13	,12	–,13	–,02	,01	–,08	–,14
Иметь власть	,03	,03	–,02	–,03	,03	**,15**	,09	,02	,11	**,15**	–,16	–,08	,09	,03	–,05
Быть спра-ведливым	,13	–,08	,02	,05	**,26**	,04	,03	–,12	–,03	,02	,16	,13	,25	,23	,13

Второе отличие заключается в том, что в разных городах параметры идентичности связаны с различными ценностями. Так, в Петропавловске доминирующие (по Лалли) параметры в структуре идентичности с городом связаны с оценкой возможности самоутвердиться в жизни, сделать карьеру и добиться уважения. Респонденты из Екатеринбурга главным образом идентифицируются с городом, воспринимая его как место, где можно стать знаменитым. Интересно отметить и то, что в Екатеринбурге субъективная оценка возможностей создать семью, достичь своих целей и стать профессионалом отрицательно коррелирует с показателем связи с прошлым. То есть отсутствие давней истории отношений с городом, воспоминаний, связанных с ним, не рассматриваются как ограничения для реализации этих ценностей (что тоже, вероятно, обусловлено большой долей среди опрошенных тех, кто недолго живет в этом городе). В Петро-

павловске, наоборот, связь с прошлым, знание города связаны с возможностями чувствовать себя в безопасности, заслужить уважение, самоутвердиться и найти смысл в жизни.

Единственная связь выделенных показателей, обнаружившаяся в Петербургской выборке, указывает на то, что оценка возможности стать знаменитым оказывается зависимой от признания престижности города жителями других регионов: чем больше уверенность в привлекательности города для иногородних, тем меньше оценка возможности реализовать эту ценность. Внешняя ценность города по результатам в Екатеринбурге, наоборот, является аргументом для высокой оценки возможности сделать карьеру, а в Петропавловске-Камчатском – иметь семью, самоутвердиться и служить примером для других. В Томске, как и в Петербурге, связи шкал двух методик малочисленны и не обнаруживают внятных закономерностей.

Обозначим тенденции, проявившиеся во всех городах. В рамках нашего исследования обнаружилось, что идентичность с городом не связывается с возможностями иметь хорошую работу и быть материально обеспеченным. То есть оказывается, что привязанность к городу, ощущение своей связи с ним, восприятие города как хорошо знакомого, с которым много общего, не обязательно дает возможность оценивать его как место для обеспечения житейского, бытового благополучия, и наоборот – отсутствие давних и тесных связей с городом не является препятствием для получения хорошей работы и достижения материального благополучия. Поскольку в опросе участвовали молодые люди, нам было важно обозначить результаты, описывающие взаимосвязь такого параметра идентичности с городом как Целеполагание, с оценкой реализуемости ценностей. Обнаружилось, что у опрошенных в Петропавловске-Камчатском наличие планов на будущее в своем городе связано с высокой оценкой возможности стать в нем профессионалом и построить карьеру, найти смысл в жизни и достичь своих целей. А у респондентов из крупных и крупнейших городов представления о своих планах, связанных с городом, опираются главным образом на «внешние» ценности: стать знаменитым, сделать карьеру, иметь власть, и никак не связаны с возможностью реализовать ни «бытовые» ценности (быть в безопасности, создать семью, быть материально обеспеченным, найти хорошую работу), ни бытийные (быть свободным, жить полной жизнью, найти смысл в жизни, стать профессионалом).

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомаз С.А., Литвина С.А., Муравьева О.И. Ценностные основания идентичности с городом // Психология когнитивных процессов : сборник статей / под ред. В.В. Селиванова. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2015. С. 130–142.
2. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
3. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12 (4), Dec. P. 285–303.

Жизненное самоосуществление как контекстуальная рамка современных исследований человека

Логинова И.О.
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск

Living Self-fulfillment as a Contextual Framework of the Modern Human Research

Loginova I.O.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk

Аннотация. Показано, что понятие «жизненное самоосуществление» человека «разворачивается» в современных психологических исследованиях таким образом, что предоставляет возможность исследователям, используя онтологические основания теории самоорганизации, обнаружить такие характеристики понятия, которые с позиций предшествующих идей не могли быть открыты, поняты или прочувствованы, а также «зафиксировать» усложнение данного понятия в науке.
Ключевые слова: жизненное самоосуществление, системная антропологическая психология, жизненное пространство, самоорганизующаяся психологическая система.

Abstract. It is shown that the concept of “living self-fulfillment” of a person “unfolds” in modern psychological research in a way that provides opportunities to researchers from the ontological foundations of the theory of self-organization, to detect such characteristics of the concept, which from the standpoint of prior ideas could not be discovered, understood or felt. Also it lets “fix” the complexity of this concept in science.
Keywords: living self-fulfillment, systematic anthropological psychology, living space, self-organizing psychological system.

Жизненное самоосуществление человека как категория психологии становится все более активно используемой в научном лексиконе, все чаще предметом психологического исследования выступают стратегии жизненного самоосуществления (И.О. Логинова, М.А. Подойницина), активность жизненного самоосуществления (А.И. Симачева), представления о свободе жизненного самоосуществления (Я.К. Смирнова), устойчивость жизненного мира как характеристика жизненного самоосуществления (Ю.В. Живаева). Среди понятийного аппарата психологии, которая вынесла в постнеклассицизм многообразие категорий, описывающих различные проявления «самости» человека, понятие «жизненное самоосуществление» является предельно общей категорией, раскрывающейся через совокупность всех данных понятий и носящей полидисциплинарный характер. Данная тенденция (обусловленная, во-первых, формирующимся социальным заказом на исследование феномена жизненного самоосуществления человека, познание его сущности, механизмов и стратегий жизненного самоосуществления как проявлений устойчивой подвижности системы, и во-вторы – состоянием самой психологической науки, в рамках которой подобный социальный заказ может быть по-настоящему принят, поскольку он подготовлен теоретико-методологическим заделом, постепенно обретающимся психологией в процессах онтологизации психологического познания и выдвижения человека в качестве предмета науки) определяет качественно иной уровень разработки идей, теорий, поскольку порождает новое отношение к миру [1, 2].

«Выросшая» из теории психологических систем (ТПС), в которой изначально был заложен «антропологический ход, объективирующий возможность движения психологического познания от человека к психике» [2, с. 12], системная антропологическая психология обеспечивает возможность понимания, как возникает многомерное пространство жизни человека, в котором он действует, осуществляя себя, свою миссию, своё призвание.

В монографии «Психология жизненного самоосуществления», опубликованной в 2009 г., содержание понятия «жизненное самоосуществление» человека было определено нами в процессуально-динамическом ключе, позволяющем описать его в контексте таких характеристик, как хронотопичность, континуальность, протяженность «место-времени» [3]. Это позволило выявить механизмы избирательного взаимодействия человека со средой и порождение в этом взаимодействии психологических новообразований, опираясь на которые человек определяет пути и на-

правления осуществляемой им жизни. В этой логике понимание самого человека в процессах жизненного самоосуществления возможно в контексте анализа его общесистемных свойств (как определяющих специфичность человека как самоорганизующейся психологической системы), задающих усложнение его жизненного мира (соотносимое с уровнями сознания, определяющими «готовность к автономному самостоятельному осуществлению жизни» [1, с. 141]). Эти общесистемные свойства человека зачастую и выступают предметом анализа в современных исследованиях, поскольку понять жизненное самоосуществление человека как продукт самого человека, его жизни означает возможность понять и самого человека – самое загадочное явление мира. В свою очередь, признавая живую субъективность как «конкретное единичное всеобщее» – живое бытие реальности, понятие «жизнь» наполняет жизнедеятельность человека реальным культурно-историческим содержанием. Вот почему в каждом отдельном поступке, действии, акте жизнедеятельности и жизнетворчества человека жизненное самоосуществление обнаруживает свои сущностные характеристики и приумножает их в непрекращающемся жизненном потоке, воплощая в процессе жизни творчество, бесконечное становление, необозримое многообразие, выступающие тем бесконечным числом степеней свободы, которое определяет безграничные возможности человека. Вот почему достижение цели человека доставляет ему (человеку) величайшее субъективное удовлетворение, за которым кроется успешность жизненного самоосуществления: чем большее соответствие возникает между оценкой успешности деятельности в значимой для человека жизненной сфере и системой ценностных представлений о модели должного результата, тем больше вероятность того, что результаты деятельности будут оценены как успешные в плане реализации своих возможностей. При этом оценка самим человеком жизненного самоосуществления в значимых для него жизненных сферах определяется, по мнению Е.В. Четошниковой (2008), и особенностями его ценностных предпочтений, и проявлениями общей эмоциональной направленности личности.

А.И. Симачева рассматривает доверие как одно из «важнейших условий взаимодействия человека и мира, которое объединяет их в единую систему, предшествует активности человека и является механизмом ее регуляции» [5, с. 11]. Автор считает, что доверие – как раз та основа, благодаря которой жизненное самоосуществление человека может состояться как процесс. При этом насколько процесс жизненного самоосуществ-

ления многонаправлен, вариативен и сложен, настолько динамична система доверительных отношений человека. Именно объяснительный потенциал системной антропологической психологии позволил автору рассмотреть в качестве одного из показателей открытости человека в процессах жизненного самоосуществления континуум «доверие–недоверие», который, по ее мнению, определяет степень готовности человека оценивать необходимые ресурсы, заложенные в мире, для удовлетворения своих потребностей и возможностей, а также готовности оценивать собственный жизненный ресурс для более полной реализации своего потенциала [5, с. 20].

М.А. Подойницина, обозначая объектом исследования феномен жизненного осуществления, исследовала «интеллектуальную опосредованность типологических особенностей жизненных стратегий» [4, с. 4] и «качество жизненного самоосуществления» человека как открытой саморазвивающейся и самоорганизующейся психологической системы [Там же, с. 7]. Опираясь на системно-антропологический подход, автор рассматривает стратегии жизнеосуществления в процессе решения жизненных задач на «смысл и ценность бытия», при этом интеллектуальные возможности выступают как инструмент в успешном разрешении поставленных задач, открывая в человеке его возможности, раскрывая тем самым внутренние ресурсы жизненного самоосуществления [Там же, с. 19].

Таким образом, именно за процессами жизненного самоосуществления человека обнаруживается пространственно-временная развертка его реального бытия, в которой он конституирует себя в качестве субъекта, активно осуществляющего перевод присущих ему возможностей в действительность. В результате этого перехода не только происходит дальнейшее развитие возможностей, но и становление (формирование, открытие для себя) того уникального пространства, которое К. Левин называл «пространством свободного движения», В.Е. Клочко определяет как «многомерное пространство жизни», а В.В. Знаков – как «внутреннюю вселенную личности», особую «интрапсихическую реальность», делающую человека свободным от жесткой зависимости от постоянно меняющихся ситуаций, И. Пригожин – как «движение от бытия к становлению и обратно», когда акцент переносится с положения равновесия на состояние неустойчивости, где рождается и перестраивается структура. Эта одномоментность тяготения к равновесию, к стабильности наряду с открытостью, которая «нарушает» установленные правила, присуща жизненному самоосуществлению человека. Заметим, что в основе процесса жиз-

ненного самоосуществления человека как антропологического проявления его сущности лежит только возможность самоосуществления, которая может так и остаться возможностью. Реализация себя в процессе жизненного самоосуществления зависит от свободного решения человека, выбора стратегической линии собственного жизнестроительства, определяющих незавершенность человека, которая как раз и состоит в том, что он в процессе собственного самоосуществления ищет ответы на разнообразные вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности : (введение в трансспективный анализ). Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
2. Клочко В.Е. Системная антропологическая психология и образовательная практика // Психология обучения. 2008. № 8. С. 10–23.
3. Логинова И.О. Психология жизненного самоосуществления. М. : Изд-во СГУ, 2009. 279 с.
4. Подойницина М.А. Интеллектуальное опосредование типологических особенностей жизненного самоосуществления : автореф. дис. … канд. психол. наук. Томск, 2015. 23 с.
5. Симачева А.И. Взаимосвязь локуса в континууме «доверие–недоверие» с активностью жизненного самоосуществления : автореф. дис. … канд. психол. наук. Томск, 2015. 24 с.

Жизнестойкость как компонент реабилитационного потенциала спортсменов в предсоревновательный период

Мареева Л.В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Hardiness as a component of the rehabilitation potential of athletes in the period before the competition

Mareeva L.V.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье представлен краткий обзор результатов эмпирического исследования взаимосвязи жизнестойкости с компонентами реабилитационного потенциала на выборке 150 спортсменов в предсоревновательный период. Выявлена взаимосвязь жизнестойкости со всеми компонентами реабилитационного потенциала.

Ключевые слова: жизнестойкость, реабилитационный потенциал, уровни реабилитационного потенциала, компоненты реабилитационного потенциала, реабилитация спортсменов.

Abstract. The article presents a brief overview of the results of empirical research of the interrelation of hardiness with components of rehabilitation potential based on a sampling of 150 athletes in the period before the competition. We found a correlation of hardiness with all components of rehabilitation potential.
Keywords: hardiness, rehabilitation potential, rehabilitation potential levels, rehabilitation potential components, rehabilitation of athletes.

Регулярные занятия спортом, согласно общему мнению, являются необходимым компонентом здорового образа жизни, однако также общеизвестно, что высокие нагрузки у спортсменов зачастую приводят к обратному результату. Это выводит на первый план проблему сохранения здоровья спортсменов и их реабилитации.

Реабилитационный потенциал рассматривается нами, вслед за М.В. Коробовым, как возможность больного человека при определенных условиях и содействии реабилитационных служб и общества в целом приводить в действие биологические и социально-психологические резервы мобилизации реституционных, компенсаторных и адаптивных процессов и других механизмов, лежащих в основе восстановления его нарушенного здоровья, трудоспособности, личного статуса и положения в обществе [3].

В структуре реабилитационного потенциала исследователями выделяются три уровня: саногенетический (биологический) потенциал как реабилитационные возможности организма, психологический потенциал как реабилитационные возможности личности, социально-средовый потенциал как реабилитационные возможности общества [2, 3]. Опираясь на эту модель, мы исследовали реабилитационный потенциал спортсменов в предсоревновательный период. Большинство исследователей изучают реабилитационный потенциал на материале инвалидов либо людей, здоровью которых был по тем или иным причинам нанесён серьёзный ущерб. Мы же полагаем, что понятие реабилитационного потенциала можно рассматривать гораздо шире. Так, в реабилитации нуждаются не только спортсмены, получившие серьёзные травмы, но вообще все спортсмены, поскольку соревновательная деятельность по своей природе связана с высоким уровнем стресса, что ставит под угрозу психологическое здоровье спортсменов.

Для выполнения своей профессиональной деятельности и сохранения здоровья спортсмену необходимо обладать некоторыми психологическими особенностями [1], и жизнестойкость, по нашему мнению, является

одним из важнейших личностных качеств, способствующих сохранению здоровья. Это один из ядерных компонентов личностного потенциала, внутренний ресурс, подвластный самому человеку и способствующий поддержанию физического, психического и социального здоровья [4].

В отличие от большинства исследователей, рассматривающих жизнестойкость как составляющую личностного потенциала либо, если говорить о реабилитационном потенциале, то исключительно как часть его психологического уровня, мы выдвинули гипотезу, что жизнестойкость является не только составляющей личностного потенциала человека и входит в структуру психологического потенциала, но и взаимосвязана с физическим потенциалом и опосредованно – с социально-средовым потенциалом, что позволяет рассматривать жизнестойкость в качестве важного компонента общего реабилитационного потенциала.

В исследуемую выборку вошли 150 спортсменов в возрасте от 17 до 34 лет, занимающиеся подводным плаванием, пауэрлифтингом, гиревым спортом, художественной гимнастикой, волейболом, русским жимом.

Целью данного исследования было выявить взаимосвязь жизнестойкости со всеми компонентами реабилитационного потенциала.

Нами были использованы следующие психодиагностические методики:

- Краткая форма оценки здоровья (Medical Outcomes Study-Short Form – MOS SF-36);
- Методика цветовых выборов Люшера (краткий вариант);
- Методика «Жизнестойкость» (С. Мадди, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (2007));
- Шкала психологического благополучия (К. Рифф; в адаптации Н.Н. Лепешинского);
- Опросник самоорганизации деятельности (ОСД), разработанный Е.Ю. Мандриковой (2007);
- Шкала базисных убеждений (Ронни Янов-Бульман, перевод и адаптация О. Кравцовой);
- Тест определения ситуативной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина;
- для оценки физического здоровья были использованы данные медицинского заключения, проводимого в областном врачебно-физкультурном диспансере.

Полученные нами результаты свидетельствуют, что если биологический уровень реабилитационного потенциала спортсменов находится на довольно высоком уровне, то в психологическом и социально-средовом

существуют некоторые проблемы и трудности, которые, по нашему мнению, могут объясняться напряжённой, стрессовой ситуацией предсоревновательного периода.

Нами были изучены особенности жизнестойкости спортсменов в предсоревновательный период. Участники эксперимента характеризуется довольно высокой жизнестойкостью, высоким контролем деятельности и ситуации, а также им присуща готовность действовать в неопределенных ситуациях, когда успех не гарантирован. Респонденты высоко мотивированы к выбранной деятельности, включены в социальную жизнь, но недостаточно способны полностью включаться в решение жизненных задач и находиться в контакте с окружающим миром. Возможно, это можно объяснить их полной сосредоточенностью на конкретной деятельности подготовки к соревнованиям.

Так как жизнестойкость рассматривается нами в качестве компонента реабилитационного потенциала, мы исследовали взаимосвязь жизнестойкости с его структурными составляющими. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о высокой и значимой взаимосвязи общей жизнестойкости с показателями физического здоровья (биологический реабилитационный потенциал), социальным функционированием (социально-средовый реабилитационный потенциал), а также со всеми личностными показателями (психологический потенциал).

Для того чтобы более полно понять и оценить структуру взаимосвязей жизнестойкости с различными компонентами реабилитационного потенциала в группе спортсменов, мы выделили 3 группы: с низкой, средней и высокой жизнестойкостью, – и провели корреляционный анализ в каждой из групп. Результаты корреляционного анализа внутри групп показали, что в группе с низкой жизнестойкостью имеются значимые взаимосвязи лишь с несколькими личностными параметрами, такими как Контролируемость мира, Ценность Я и Степень самоконтроля. В группе со средней жизнестойкостью, помимо связей с личностными показателями, имеются взаимосвязи с Физическим функционированием и Влиянием эмоций на функционирование. В группе же с высокой жизнестойкостью структура корреляций очень стройная: имеются достоверные связи с психофизиологическими показателями, такими как работоспособность нервной системы, с показателями, характеризующими эмоциональное состояние спортсменов, такими как уровень стресса, ситуативная и личностная тревожность, практически со всеми личностными характеристиками, а также с уровнями физического, пси-

хологического здоровья и социальным функционированием. Все эти характеристики вкупе составляют реабилитационный потенциал человека, соответственно, наше исследование показало, что именно в группе с высокой жизнестойкостью имеются взаимосвязи со всеми составляющими реабилитационного потенциала, поэтому жизнестойкость является не только компонентом личностного потенциала человека и входит в структуру психологического реабилитационного потенциала, но и может оказывать влияние на биологический реабилитационный потенциал и опосредованно на социально-средовый реабилитационный потенциал, что позволяет рассматривать жизнестойкость в качестве важного компонента общего реабилитационного потенциала. На основании полученных результатов можно сделать вывод, что развитие жизнестойкости усиливает также общий реабилитационный потенциал человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галанин С.В. Психологическое благополучие и жизнестойкость в модели здоровья спортсменов высших достижений // ЛОМОНОСОВ 2014 : материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2014. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2637/2200_30116_6f5405.pdf (дата обращения: 27.05.2015).
2. Гольдблат Ю.В. Медико-социальная реабилитация в неврологии. СПб. : Политехника, 2006. С. 65–67.
3. Коробов М.В. Реабилитационный потенциал: вопросы теории и применения в практике медико-социальной экспертизы и реабилитации инвалидов // Врачебно-трудовая экспертиза. Социально-трудовая реабилитация инвалидов. М., 1995. Вып. 17.
4. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006.

Депрессия на стыке психоаналитической концепции и экзистенциальной психологии

Митюрев В.В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Depression at the edge of psychoanalysis and existential psychology

Mityurev V.V.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В данной статье рассматриваются причины формирования депрессии с позиции двух психологических направлений: психоанализа и

экзистенциальной психологии. Представлены сходства и различия в данных концепциях.
Ключевые слова: депрессия, экзистенциальная коммуникация, внутриличностный конфликт, идентичность, тревога.

Abstract. In this article we view the reasons of depression in two psychological theories: psychoanalysis and existential psychology. We represent similarities and differences of these conceptions.
Ke words: depression, existential communication, intrapersonal conflict, identity, anxiety.

Депрессия – распространённое заболевание во всём мире: от нее страдает более 350 млн человек. Депрессия может стать серьезным нарушением здоровья. Она приводит не только к сильным страданиям человека, но и к плохому его функционированию в общественной жизни. В худшем случае на фоне депрессии люди заканчивают жизнь самоубийством. Ежегодно более 800 тыс. человек в возрасте 15–29 погибают в результате самоубийства на почве депрессии [1]. В медицинской практике депрессия имеет серьезные последствия: она может стать пусковым механизмом для других заболеваний или же сотрудничать с ними. Среди таких заболеваний поражения сердечно-сосудистой системы, заболевания легких, так как одним из симптомов депрессии является частое употребление табака, онкологические заболевания. Таким образом, исследование данной темы актуально.

Проблема депрессии связана с разными сферами человеческой жизнедеятельности. В нашем исследовании депрессия понимается как внутриличностное рассогласование, обусловленное личностными, биологическими, когнитивными, социальными факторами. Постоянный разлад с собой находит место такой высокой степени неуверенности в самом себе, что человек теряет интерес ко всему происходящему вокруг. Утрата заинтересованности в жизни во время постоянно изменяющегося мира и техногенного прогресса ставит человека в ещё более тяжелое положение.

Объектом исследования является феномен депрессии, а предметом – внутриличностные и социальные отношения людей, страдающих депрессией. Методологическим основанием исследования депрессии служат психоаналитическая концепция представления о человеке и теории экзистенциальной психологии. Целью нашего исследования является сравнение двух подходов к лечению депрессии в психологической практике, выявление различий и общих черт.

В психоанализе З.Фрейда внутриличностные конфликты связаны с формированием структур личности. Человеческая психика, в понимании Фрейда, устроена так, что внутренний конфликт создаётся при столкновении двух бессознательных частей структуры личности, а также при воздействии внешнего мира, что в результате оказывает сильное давление на «Эго» [4].

Пубертатный период является чувствительным для формирующегося организма, здесь человек выстраивает своё взаимодействие с социальной средой. В подростковом возрасте сфера «Суперэго» расширяется и представляет всё больше запретов для «Ид», а это значит более усложнённое отношение к социуму. Мы полагаем, что начало депрессии может зарождаться уже в этом возрасте.

К такой же мысли нас приводит и концепция Э. Эриксона. Он вводит такое понятие, как «кризис идентичности», и утверждает, что причиной кризиса является несогласованность идентичности в подростковом возрасте. В своей теории Э. Эриксон подчёркивает, что важную роль в формировании целостной личности играет социальная среда. Личность, страдающая от расплывчатости собственной идентичности, никогда не пересматривает своих прошлых представлений о себе и мире, а также не приходит к решению, позволяющему изменить взгляд на мир. Таким образом, человек страдает от ощущения своей бесполезности и беспомощности, не находит ресурсов для проявления себя. Это приводит нас к выводу, что депрессия начинает формироваться уже в подростковом возрасте [4].

Полагаясь на экзистенциальный подход Р. Лэнга [3] в теории «Я», хочется отметить, что одной из главных причин депрессии является неуверенность личности, которая включает в себя тревоги, связанные отношением собственного «Я» к окружающему миру. Эта неуверенность берёт своё начало в представлении человеком себя в лице окружающих. Лэнг выделяет три вида тревоги: *поглощение, разрывание, окаменение.*

При *поглощении* человек испытывает ощущение собственной автономности и индивидуальности, которое необходимо для того, чтобы относиться к другим как одно человеческое бытие к другому. Если человек не принимает себя таким, какой он есть, отвергает свой собственный мир, своё «Я», у него возникает желание быть поглощённым миром другого человека, что, в свою очередь, является бегством от себя. Бегство от себя характеризуется сильной напуганностью окружающим миром и неспособностью адаптироваться [2].

Во время *разрывания* человек чувствует абсолютную пустоту, но именно он и есть эта пустота. Он начинает чувствовать, что ничего из себя не представляет, кроме этой пустоты. В такой пустоте заключается индивидуальность. Следовательно, любое взаимодействие с реальным миром переживается как угроза, потому что окружающая действительность опасна и является угрозой потери этой индивидуальности [2].

При *окаменении* человек боится, что может превратиться в нечто безличностное, не обладающее субъективностью, оживлённостью, не имеющее автономности и независимости. Этот вид тревоги может переноситься и на других людей, превращая их во что-то неживое, когда человек игнорирует чувства других людей. Отношение к другим людям становится обезличенным, то есть человек отрицает личность в другом [2].

Таким образом, депрессия происходит из-за недоверия к окружающей среде или пустоты собственного мира, вызванного тревогами, что, в свою очередь, делает человека слабым к освоению мира.

Продолжая тему отношения к миру, мы находим такое понятие, как «экзистенциальная коммуникация», введённое К. Ясперсом. Через экзистенциальную коммуникацию человек познаёт себя, впуская другого в себя, он получает представление о самом себе и мире, расширяя границы себя. Человек не может постоянно находиться в изоляции, не иметь связи с людьми, он жив благодаря взаимодействию с другим человеком. Но без опыта изоляции человек тоже не может познать себя. Опыт познания себя многомерен: воздействие другого человека, воздействие общества, исследование одиночества через изоляцию – это грани познания собственной личности [3].

Нами был проведён анализ трех интернет-форумов по теме депрессии, возраст участников которых составлял 20–25 лет. Мы выявили, что экзистенциальная коммуникация достигается путём сообщения в форме открытого письма, изложения о своих переживаниях. В интернет-пространстве происходит такой же обмен, о котором говорил К. Ясперс. Люди, страдающие депрессией, отмечают, что у них всегда есть близкий человек, который помогает «выживать», ощущать жизнь. В Интернете можно найти человека, который разделит это страдание, поддержит внутренний мир страдающего, обменяется опытом.

Постоянно меняющийся мир приводит к тому, что человек не успевает за событиями, его движет бесконечный поток времени, из-за которого современному человеку не хватает времени разобраться с собой, погрузиться в собственный мир, отсюда и происходит разотождествление

внутреннего мира от внешнего. Чтобы найти себя, человеку потребуется время, которое в современном мире играет особую роль. Отставание от времени жизни и изменяющегося мира может стать ещё одним фактором, приводящим к проявлению депрессивных состояний.

Таким образом, в рамках психоаналитической концепции мы полагаем, что депрессия берёт начало в подростковом возрасте и в основе своей имеет внутриличностный конфликт, который представляет собой внутреннюю коммуникацию между разными компонентами структуры личности без разрешения проблемы через социум. С позиции экзистенциальной психологии мы рассматриваем депрессию в настоящем времени, и важным её симптомом является тревога. В двух рассмотренных направлениях психологии «Я» представляет собой постоянно защищающуюся частицу человека, испытывающую тревогу и угрозу со стороны внешнего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная организация здравоохранения: депрессия. 2015. № 369. URL: http://www.who.int/ru (дата обращения: 04.11.2015).
2. Лэнг Р. Расколотое «Я» : пер. с англ. СПб. : Белый Кролик, 1995. 352 с.
3. Григорьян Б.Т. Буржуазная философская антропология XX века. М. : Наука, 1986. 295 с.
4. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб. : Питер, 2014. 607 с.

Оценка когнитивных нарушений и эмоционально-мотивационной сферы у пациентов, перенесших ишемический инсульт

Назметдинова Д.Г.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Appraisal of cognitive disorders and emotionally motivational sphere of post-stroke patients

Nazmetdinova D.G.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье представлен анализ результатов исследования памяти, внимания, наличия депрессивной симптоматики и мотивации к восстановлению у пациентов, перенесших ишемический инсульт. Выявлены состояние депрессивного расстройства различной степени тяжести, значи-

тельные нарушения внимания, оптимальная эффективность мнестических процессов.
Ключевые слова: инсульт, память, внимание, уровень депрессии, реабилитация, восстановление локуса контроля.

Abstract. In the article there has been presented the analysis of results of memory, attention, an existence of depression, recovery locus of control of post-stroke patients. Depressive disorders, significant disturbances and a good strength of memory were educed.
Keywords: stroke, memory, attention, depression, rehabilitation, recovery locus of control.

В настоящее время сосудистые заболевания головного мозга занимают второе место в структуре общей смертности, уступая только коронарной патологии и опережая опухоли всех локализаций (около 400 тыс. инсультов в год, показатель смертности – до 30%, к труду возвращаются лишь 20% лиц) [1, с. 7, 29]. По итогам 2014 г. смертность от болезней системы кровообращения составляет 653 на 100 тыс. населения, в Томской области этот показатель – 516,1 на 100 тыс. населения, что немного ниже, чем в 2013 г. К наиболее тяжелым последствиям инсульта относят лево- и правосторонние парезы, параличи, проблемы с речью [1, с. 121]. Однако снижение мотивации к выздоровлению, депрессивная симптоматика, а также нарушения памяти и внимания – все это существенно отражается на восстановлении больного, препятствуя активации социальной и бытовой роли в жизни пациента. Таким образом, ранняя диагностика и своевременная коррекция психоэмоциональных, когнитивных нарушений, расстройств мотивации имеет существенное значение в комплексе восстановительного лечения пациентов, перенесших инсульт.

Материалы и методы. Исследование проводилось на базе неврологического отделения СибФНКЦ Томского НИИ курортологии и физиотерапии ФМБА России, где пациенты проходили реабилитацию в раннем восстановительном периоде (от 21 суток до 6 месяцев после перенесенного острого первичного инсульта). Выборку составили 38 человек: мужчины и женщины в возрасте от 35 до 74 лет (M = 59,32; σ = 7,48), с ишемическим инсультом в бассейне левой или правой мозговой артерии. Исследование когнитивных нарушений осуществлялось с помощью методик «Черно-красные таблицы Шульте» и «Память на образы». Изучение психологических составляющих эмоционально-мотивационной сферы проводилось с использованием Шкалы депрессии Бека, методики «Восстановление локуса контроля» [2, с. 97]. Для оценки эффективности лечеб-

ных и реабилитационных мероприятий, проводимых в НИИ курортологии и физиотерапии, пациенты данные методики заполняли дважды: при поступлении в стационар и за 2–3 дня до выписки.

Результаты и обсуждение. Согласно результатам исследования, для большинства пациентов (86%), перенесших ишемический инсульт, характерен низкий или ниже среднего уровень объема внимания. После прохождения реабилитации у отдельных пациентов наблюдается некоторое улучшение данного показателя: у одного пациента повысился объем внимания с низкого до высокого уровня, у двух пациентов – с уровня «ниже среднего» до «среднего» (табл. 1).

Таблица 1

Объем внимания пациентов до и после реабилитации

Уровень			Объем внимания (после реабилитации)				Итого
			Высокий	Средний	Ниже среднего	Низкий	
Объем внимания (до реабилитации)	Средний	Частота	0	2	0	0	2
		%	0%	100%	0%	0%	100%
	Ниже среднего	Частота	0	2	2	1	5
		%	0%	40%	40%	20%	100%
	Низкий	Частота	1	0	0	7	8
		%	12,5%	0%	0%	87,5%	100%
Итого		Частота	1	4	2	8	15
		%	6,7%	26,7%	13,3%	53,3%	100%

При исследовании распределения внимания было установлено, что практически все пациенты, перенесшие ишемический инсульт, отличаются низким уровнем распределения внимания. Причем после прохождения реабилитации у всех пациентов значения данного показателя попрежнему соответствовали низкому уровню распределения внимания (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение внимания пациентов до и после реабилитации

Уровень			Распределение внимания (после реабилитации)	Итого
			Низкий	
Распределение внимания (до реабилитации)	Низкий	Частота	14	14
		%	100%	100%
Итого		Частота	14	14
		%	100%	100%

Аналогичные результаты были получены и относительно показателя переключаемости внимания (табл. 3). Пациенты, перенесшие ишемический инсульт, до и после реабилитации демонстрируют низкий уровень переключаемости внимания.

Таблица 3

Переключаемость внимания пациентов до и после реабилитации

Уровень			Переключаемость внимания (после реабилитации)	Итого
			Низкий	
Переключаемость внимания (до реабилитации)	Низкий	Частота	13	13
		%	100%	100%
Итого		Частота	13	13
		%	100%	100%

Кратковременная зрительная память пациентов исследовалась с помощью методики «Память на образы», согласно которой в норме для всех возрастов являются показатели от 6 образов и выше [3, с. 377]. Результаты исследования свидетельствуют о сохранности мнестических процессов у пациентов после перенесенного ишемического инсульта, 75,7% пациентов продемонстрировали оптимальную эффективность мнестических процессов. Кроме того, после прохождения периода реабилитации большая часть пациентов, имеющих низкие показатели кратковременной памяти, повысила их до «нормы» (табл. 4).

Таблица 4

Кратковременная зрительная память пациентов до и после реабилитации

Кратковременная зрительная память			Память после реабилитации		Итого
			Ниже нормы	Норма	
Память до реабилитации	Ниже нормы	Частота	1	3	4
		%	25,0%	75,0%	100%
	Норма	Частота	0	11	11
		%	0%	100%	100%
Итого		Частота	1	14	15
		%	6,7%	93,3%	100%

Для выявления возможной динамики познавательных процессов пациентов, перенесших ишемический инсульт, после прохождения ими периода реабилитации важно было проанализировать не только уровень выраженности исследуемых показателей, но и непосредственные значения самих диагностируемых показателей. С этой целью был проведен сравнительный анализ полученных данных до и после реабилитационно-

го периода, который показал, что наблюдается статистически достоверный сдвиг в значениях таких показателей, как распределение внимания (t = 2,369; p = 0,034) и кратковременная зрительная память (t = –2,236; p = 0,042). Несмотря на то что уровень выраженности распределения внимания при повторном тестировании пациентов не изменился (см. табл. 2, 4), непосредственно сами показатели распределения внимания пациентов с ишемическим инсультом после реабилитации статистически значимо превышали данные показатели до прохождения ими реабилитации. Показатели кратковременной зрительной памяти у пациентов с ишемическим инсультом после прохождения ими реабилитации также существенно улучшились (см. табл. 4, 5).

Таблица 5

Результаты сравнительного анализа познавательных процессов пациентов до и после реабилитации

Психологические параметры		Среднее	*N*	Стд. отклонение	*t*	*p*
Пара 1	Объем внимания (до)	75,033	15	28,850	0,867	0,401
	Объем внимания (после)	70,037	15	34,326		
Пара 2	Распределение внимания (до)	316,643	14	93,345	2,369	0,034
	Распределение внимания (после)	292,000	14	93,120		
Пара 3	Переключаемость внимания (до)	238,769	13	82,406	1,611	0,133
	Переключаемость внимания (после)	221,615	13	81,602		
Пара 4	Память (до)	7,00	15	1,773	–2,236	0,042
	Память (после)	8,00	15	1,852		

Исследование эмоциональной устойчивости и косвенной оценки уровня мотивации больного к восстановлению проводилось с помощью Шкалы депрессии Бека и методики «Восстановление локуса контроля» [2]. Анализ полученных данных показал, что до прохождения реабилитационного периода у 43% пациентов с ишемическим инсультом не отмечалось никаких депрессивных симптомов, выраженная и тяжелая форма депрессии была характерна для 16% пациентов (см. рис. 1).

Как показало исследование, существенных изменений эмоциональной устойчивости у пациентов с ишемическим инсультом после прохождения ими реабилитации не произошло. Лишь 2 человека, имеющие признаки легкой депрессии, улучшили свое эмоциональное состояние. У пациентов

с выраженной и тяжелой формой депрессии положительных изменений после реабилитации не наблюдалось. При проведении сравнительного анализа результатов диагностики статистически достоверного сдвига в показателях депрессивного расстройства пациентов до и после реабилитации обнаружено не было (t = –0,103; p = 0,920) (см. табл. 6). Что касается мотивации, то большинство пациентов после перенесенного заболевания характеризуются высоким или средним уровнем мотивации к восстановлению (57,6 и 27,3%, соответственно) (см. рис. 2).

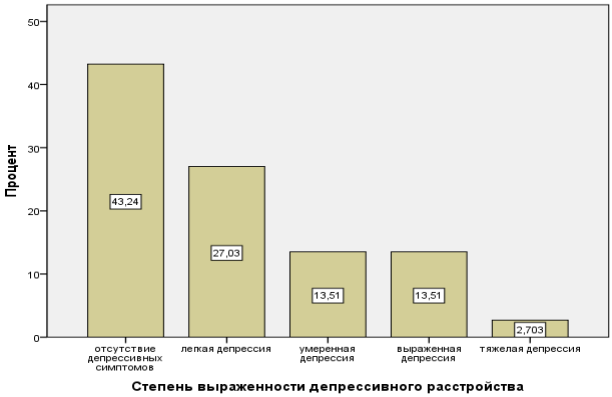


Рис. 1. Степень выраженности депрессивного расстройства у пациентов с ишемическим инсультом до реабилитации

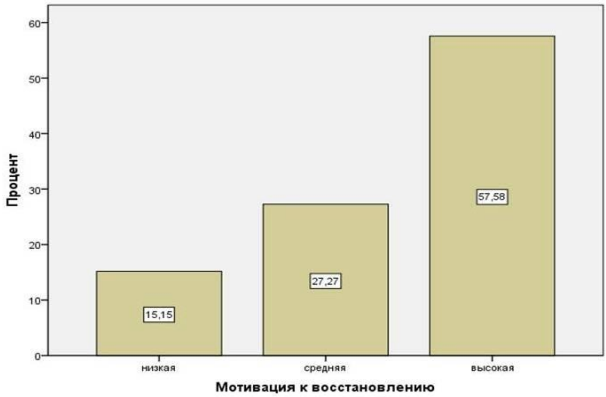


Рис. 2. Мотивация пациентов с ишемическим инсультом к восстановлению до прохождения ими реабилитации

Таблица 6

Степень выраженности депрессивного расстройства пациентов до и после реабилитации

Степень выраженности депрессивного расстройства			После реабилитации			Итого
			Отсутствие депрессивных симптомов	Легкая депрессия	Тяжелая депрессия	
До реабилитации	Отсутствие депрессивных симптомов	Частота	8	1	0	9
		%	88,9%	11,1%	0%	100%
	Легкая депрессия	Частота	2	2	0	4
		%	50,0%	50,0%	0%	100%
	Выраженная депрессия	Частота	0	0	1	1
		%	0%	0%	100%	100%
	Тяжелая депрессия	Частота	0	0	1	1
		%	0%	0%	100%	100%
Итого		Частота	10	3	2	15
		%	66,7%	20,0%	13,3%	100%

Полученные данные показывают, что степень выраженности мотивации к восстановлению у пациентов с ишемическим инсультом после прохождения периода реабилитации не повысилась (см. табл. 7). При проведении сравнительного анализа показателей мотивации к восстановлению у пациентов до и после реабилитации статистически достоверного сдвига также установлено не было (t = 1,364; p = 0,196).

Таблица 7

Степень выраженности мотивации пациентов к восстановлению до и после реабилитации

Мотивация к восстановлению			После реабилитации			Итого
			Низкая	Средняя	Высокая	
До реабилитации	Низкая	Частота	1	0	0	1
		%	100%	0%	0%	100%
	Средняя	Частота	2	3	1	6
		%	33,3%	50,0%	16,7%	100%
	Высокая	Частота	0	0	7	7
		%	0%	0%	100%	100%
Итого		Частота	3	3	8	14
		%	21,4%	21,4%	57,1%	100%

Таким образом, анализ полученных результатов показывает, что у пациентов, перенесших ишемический инсульт, наблюдаются значительные нарушения внимания, при этом память остается достаточно сохранной. Следует отметить, что комплекс реабилитационных мероприятий (физиолечение, массаж, ЛФК, медикаментозная терапия), проводимых в НИИ курортологии, благотворно сказывается на восстановлении высших психических функций: наблюдается существенное улучшение распределения внимания и кратковременной зрительной памяти, а также прослеживается тенденция к увеличению объема внимания.

Исследование эмоционально-мотивационной сферы показало, что более чем для половины пациентов, перенесших ишемический инсульт, характерно состояние депрессивного расстройства различной степени тяжести. Но, несмотря на это, значительная часть таких пациентов демонстрируют выраженную мотивацию к восстановлению. Важно заметить, что реабилитационная программа не оказывает влияния на психологические составляющие эмоционально-мотивационной сферы таких пациентов. Полученные данные указывают на то, что достаточно много людей после перенесенного тяжелого заболевания не верят в собственное выздоровление и, к сожалению, прохождение реабилитационных мероприятий им этой уверенности не прибавляет. Следовательно, в дальнейшем следует включить в программу реабилитации комплекс психологических мероприятий, направленных на коррекцию субъектной позиции пациентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алифирова В.М., Антухова О.М. Инсульт. Эпидемиология, диагностика, лечение, профилактика. Томск : Печатная мануфактура, 2009. 292 с.
2. Белова А.Н., Щепетова О.Н. Шкалы, тесты и опросники в медицинской реабилитации. М. : Антидор, 2002.
3. Менделевич В.М. Клиническая и медицинская психология : учеб. пособие для студентов мед. вузов. М. : МЕД-пресс, 2008. 432 с.

Открытость новому опыту как характеристика инновационного поведения

Неклюдова С.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Openness to experience as a characteristic of the innovative behaviour

Neklyudova S.V.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В данной работе представлен обзор зарубежных источников по теме открытости новому опыту, описаны шесть ее аспектов: открытость действиям, идеям, ценностям, эстетике, фантазиям, чувствам. Систематизированы и представлены актуальные результаты зарубежных исследований данной проблемы.
Ключевые слова: открытость, открытость новому опыту, аспекты открытости, открытость действиям, открытость идеям, открытость ценностям, открытость эстетике, открытость фантазиям, открытость чувствам.

Abstract. This paper presents a detailed review of international literature sources about openness to experience, and describes six aspects of openness to ideas, openness to actions, openness to aesthetics, openness to fantasy и openness to feelings. Systematized and presented current results of international studies of this problem.
Keywords: openness, openness to new experience, openness to ideas, openness to actions, openness to aesthetics, openness to fantasy and openness to feelings.

Понятия «инновационная экономика», «экономика, основанная на знаниях», или «интеллектуальная экономика», «новая экономика» получают все большее распространение в литературе. Как пишет А. Адамский, «построение инновационной экономики невозможно без формирования инновационного поведения». Сегодня в качестве основных признаков инновационного поведения указываются такие его характеристики, как способность к творчеству, открытость, сверхадаптивность, нешаблонность, гибкость и т.д. Обнаруживаются противоречия между необходимостью повышения уровня инновационной личности и недостаточно четким пониманием ее сущности, и возникает необходимость анализа компонентов инновационного поведения и их понимания как психологических категорий.

Ориентиром для современной психологии становится человек, понимаемый как открытая система, при этом открытость понимается поразному. Однако в рамках отечественной литературы мы можем встретить использование данного понятия без опоры на его теоретическое обоснование, еще большие трудности возникают при поиске эмпирических исследований, в связи с чем постановка данной проблемы является теоретически актуальной и практически полезной.

Открытость опыту – один из факторов интегральной модели личностных черт, созданной с помощью методов кластерного и факторного анализа американскими психологами П. Коста, Р. Мак-Крейем, Л. Голдбергом. Она характеризует способность адекватно принимать идеи, ситуации и образы жизни, даже если они принципиально новые и необычные. Для того чтобы лучше ее понять, были выделены шесть ее аспектов: открытость к действиям, идеям, ценностям, эстетике, фантазии и чувствам.

Открытость действиям характеризуется участием в различных событиях и удовольствием от новизны. П. Коста и Р. Мак-Крейем рассматривали открытость действиям как аспект мотивации участвовать в чем-то новом и сложном, включающей в себя не только поведенческий, но и познавательный элемент. Была найдена прочная взаимосвязь этого аспекта с экстраверсией. Люди с высокой степенью открытости действиям имеют значительно лучшее физическое и психическое здоровье. S.B. Booth-Kewley и R.R. Vickers, Jr. провели эксперимент, который показал, что люди с высокой степенью открытости действиям сообщают о большей готовности идти на риск, а также выяснили, что открытость является единственной значительной чертой личности, которая предполагает такую готовность.

Открытость идеям сосредоточивается больше на познавательном компоненте. Люди, имеющие высокие показатели открытости идеям, показывают большую гибкость в обработке информации и исследовании окружающей среды. Люди с высокой степенью открытости идеям готовы пробовать новые вещи, исследовать и размышлять над новыми событиями. Высокие баллы открытости идеям могут и не отражать готовность демонстрировать новое поведение, но всегда указывают на большую заинтересованность в действиях, которые несут в себе потенциал увеличения знаний. P.T. Costa и R.R. McCrae выяснили, что открытость к идеям наиболее затрагивает интеллект, испытуемые, имеющие более высокие баллы в этом аспекте, демонстрируют большую эффективность в обработке, организации и размышлении над информацией.

Было выявлено, что уровень открытости студентов определяет их уровень креативности во многих областях от искусства до гуманитарных наук. Люди, имеющие высокую степень открытости идеям, демонстрируют большую гибкость, имея дело с жизненными изменениями, а также с анализом в определении идентичности и размышлениями о текущих событиях, они готовы не только думать об изменениях, но и вносить оправданные изменения в свою жизнь, меньше подвержены стрессам.

Открытость ценностям определяется исследователями как степень стойкости или восприимчивости человека к изменениям. Люди с высокой степенью открытости ценностям – как традициям, так и обычным нормам, – вероятнее всего, будут отклонять нетрадиционные нормы. В одном из исследований также обнаружилось, что низкая открытость ценностям связана с авторитаризмом и тенденцией к агрессии. В то время как открытость ценностям поощряет независимое мышление, действие и восприимчивость к изменениям, низкая открытость ценностям поощряет защиту стабильности и безопасности.

C.R. Jonassaint и коллеги выяснили, что люди с высокой степенью открытости ценностям подвержены повышенному риску смертности от сердечных заболеваний. Другое исследование показало, что у активных курильщиков была значительно более высокая открытость к ценностям, чем у некурящих испытуемых. Однако это не говорит о том, что рост курения связан с открытостью к изменениям, результаты требуют дальнейших исследований.

Открытость к эстетике – один наиболее эмоциональных аспектов, который описывается как оценивание различных форм искусства, однако данный аспект не относится к оценке особых видов искусства. Открытость эстетике оказалась глубоко связанной с познавательной гибкостью, интеллектом [5] и творческими действиями. Однако отличным от других аспектов его делает факт принятия опыта ради самого себя. Люди, которые более подвержены эстетическим переживаниям, относятся к тем, кто показывает наиболее высокую эмоциональную чувствительность и чуткость. Они относятся к такому типу людей, которые обращают наибольшее внимание на все виды стимулов, связанных с темпераментом, и известных как «ориентирующаяся чувствительность» (orienting sensitivity). Они также любят быть причастными к событиям, поглощающим и цепляющим их эмоционально. Такие люди часто испытывают противоречивые эмоции высокой интенсивности одновременно, склонны иметь высокие показатели фантазии и в особенности чувств. Кроме того, они демон-

стрируют низкие баллы по шкале «экстраверсия», но высокие – по открытости опыту и шкале невротизма и депрессии [6]. Значения этих результатов не абсолютно ясны, во-первых, потому, что люди могут принимать участие в творчестве, будучи не в депрессии, а во-вторых, они могут быть причастными к искусству, что может одновременно уменьшить их чувство депрессии. Результаты взаимосвязи открытости эстетике, интроверсии и нейротизма также неоднозначны. Хотя известно, что интроверты чаще более эмоциональны, независимо от того, выражают они это или нет.

Открытость фантазии также сильно связана с эмоциональной предрасположенностью человека. Она охватывает тенденцию быть вовлеченным в фантазирование, которое включает не только развитие картины мышления, но также и высокий уровень креативности и некоторых эмоций. Исследователи делают предположения о том, что фантазирование может иметь как положительный, так и отрицательный эффект в зависимости от эмоционального вклада, поэтому вопрос эффекта повседневного поведения в фантазировании является спорным. В исследовании M. Wolfestein и T. Trull отмечается, что открытость фантазии также оказалась связанной с депрессией, в особенности если предметом была экстраверсия в противоположность интроверсии.

Исследование гендерных различий показало, что женщины имеют более высокие показатели в отношении фантазии, чем мужчины, и таким образом более восприимчивы к депрессии, чем мужчины. M. Carrillo и коллегами были исследованы такие характеристики, как «нейротизм, семейная неприспособленность, расстройства личности и отсутствие положительного влияния». Люди могут фантазировать, потому что недовольны действительностью, и это дает им чувство контроля над их собственной внутренней реальностью. Сделано предположение о том, что чрезмерно положительные фантазии о будущем могут отрицательно влиять на здоровье, потенциально подавляя мотивацию и действие, увеличивая уязвимость для депрессии. Однако возможно, что положительные фантазии могут обеспечить стремлением действовать и изменять обстоятельства до тех пор, пока они выполнимы и находятся в пределах реалистических границ.

Открытость чувствам признана многими исследователями самым сложным аспектом. Такие люди высоко ценят эмоции, более чувствительны к эмоциональным событиям, а также испытывают большинство эмоций сильнее, что может привести к расстройству, поскольку человек может быть смущен и переполнен эмоциями. Исследования показывают, что женщины более открыты чувствам, чем мужчины, это связано с более

высокими показателями беспокойства и переменами настроения у женщин. C.R. Jonassaint и его коллеги изучали связь различных аспектов открытости опыту с раздражением и обнаружили, что аспект чувств имел самую значительную связь; также открытость чувствам производила благоприятный защитный эффект от болезней. Было обнаружено, что чем выше открытость чувствам, тем лучше исполнительность. Высокая открытость чувствам позволяет более эффективно участвовать в регулировании эмоций и воспринимать вещи, полезными, нежели являющими собой угрозу. Открытые люди черпают радость из увеличения знаний и в состоянии лучше справиться с проблемами, с которыми они сталкиваются, потому что прилагают усилия, чтобы думать о них положительно. W. Stephan выяснил, что открытость чувствам положительно коррелирована с жизненной удовлетворенностью в сфере здоровья и финансов у пожилых людей.

Выдвинутая нами гипотеза о том, что женщины в силу личностных особенностей являются более открытыми новому опыту, чем мужчины, основанная на исследовании зарубежных психологов D.P. Schmitt, A. Realo, M. Voracek, J. Allik, которые говорят о том, что открытость среди женщин, как правило, выше, чем среди мужчин, не подтвердилась. Мы полагаем, что данные различия в большей степени определяются культурными особенностями той или иной нации.

В работах В.Е. Клочко и Э.В. Галажинского мы встречаем такое понятие, как миграционная готовность, а также описание основных стратегий построения образа жизни в новых социокультурных условиях, включающее в себя такой фактор, как открытость изменениям. Нами было сформулировано предположение о том, что такие черты могут иметь испытуемые с высокой информационной и географической мобильностью. Данная гипотеза подтвердилась на уровне тенденции (эмпирическое значение $U_{эмп} = 383{,}5$ находится в зоне неопределённости). Полученные нами данные свидетельствуют о том, что данный вопрос требует дальнейшего исследования. Возможно, на более объемной выборке и ее более строгой дифференцированности по количеству или продолжительности таких поездок различия между группами будут более значимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова В.Н. Изучение образа будущего: методологические проблемы и пути их разрешения // Сибирский психологический журнал. 2009. № 32. С. 6–11.

2. Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ / под ред. Ю.П. Зинченко, И.А. Володарской. М. : Изд-во МГУ, 2007. С. 14.
3. Feist G.J. A meta-analysis of the impact of personality on scientific and artistic creativity // Personality and Social Psychological Review. 1998. № 2. P. 290–309.
4. Furnham A., Swami V., Arteche A., Chamorro-Premuzic T. Cognitive ability, learning approaches and personality correlates of general knowledge // Educational Psychology. 2008. № 28 (4). P. 427–437.
5. Rocklin Th. Relation Between Typical Intellectual Engagement and Openness : Comment on Goff and Ackerman (1992) // Journal of Educational Psychology. 1994. № 86 (1). P. 145–149.

Познавательная активность человека в свете постнеклассической психологии

Нелюбин Н.И.
Омский государственный педагогический университет, Омск

The cognitive human activity in the light of post-non-classical psychology

Nelyubin N.I.
Omsk State Pedagogical University, Omsk

Аннотация. В статье пересматривается понятие «познавательная активность» в свете постнеклассического типа научной рациональности и в контексте человекоразмерных познавательных ситуаций. Познавательная активность рассматривается автором как смыслообразующее переживание возможностей спонтанного самодвижения и самоизменения субъекта мышления, а ее предмет – как встречный проект, в котором могут опредметиться предстоящие познавательные интенции, лежащие за пределами актуальной ситуации мышления.
Ключевые слова: активность, познавательная активность, познавательные интенции, событие, переживание, мышление, смысл.

Abstract. The article revises the concept of “cognitive activity” in the light of post-non-classical type of scientific rationality and in the context of man-sized cognitive situations. Cognitive activity is considered by the author as the semantic experience possibilities of spontaneous self-movement and the individual’s self-modification of thinking; its object is as a counter-project where forthcoming cognitive intentions, lying outside the relevant situation of thinking, can be objectified.
Keywords: activity, cognitive activity, cognitive intentions, situation, experience, thinking, semantics.

Если понимать психологию не столько как констелляцию психологических школ и теорий с набором застывших концептуальных «трафаретов», сколько как «особую сферу мыследеятельности», что, кстати, предлагалось Г.П. Щедровицким [11], то особый и по-настоящему живой интерес сегодня представляет процесс усложнения типов научного мышления и тех предметных областей, которые в них конструируются или пересматриваются. «Терминологические пазлы» служившие длительное время для сборки наукоподобных, но «мертвых» концептуальных схем, отслужили свой срок, поскольку комбинаторика бессильна в тех областях, в сферу которых входят сегодня «психология человеческого бытия» (В.В. Знаков) и «системная антропологическая психология» (В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский, О.М. Краснорядцева, О.В. Лукьянов). Обращение к проблеме познавательной активности продиктовано самой логикой движения психологического знания, необходимостью осмысления познания как базового модуса человеческого бытия в свете неклассического и постнеклассического типов научной рациональности.

В концептуальном аппарате современной психологии на передний план начинают выдвигаться «идеи «человекоразмерности» познавательной деятельности» [3, с. 25], появляются метафоры и концепты, позволяющие описывать ее антропологические параметры. Обращение к «саморазвивающимся человекоразмерным системам» [5] позволяет окончательно преодолеть инерцию постулата сообразности в его гомеостатическом, прагматическом или гедонистическом варианте (В.А. Петровский) и наметить переход к неравновесным, надситуативным, неадаптивным, апрагматичным состояниям с непрогнозируемым исходом, в которых, в общем-то, и обнаруживается бытийный срез подлинно человеческих актов, таких как мышление и познание. Если обратиться к известному высказыванию М.К. Мамардашвили, то «там, где мы не рискуем, где мы не поставлены на карту в своих переживаниях, в своих восприятиях и в своей судьбе, – там потерянное время» [7, с. 52]. В этом ключе категория познавательной активности сродни категориям «присутствия», «события» и «трансцензуса». Она выражается в мере присутствия человека как целостного субъекта жизни в ситуации мышления и в том, насколько задействованы в ней значимые для самого человека жизненные отношения и возможности для реализации сущностных сил, в том числе еще не обретенных, а только «ждущих» его за границей актуального жизненного пространства.

Если не принимать во внимание эту данность, то психологический научный дискурс так и будет спотыкаться о старые выбоины позитивного

мышления ради достижения постоянно ускользающей усредненной истины и элиминировать бытийные, смысложизненные задачи познающего человека. Одно из главных метафизических заблуждений такой логики познания, по замечанию А. Ханны, «состоит в том, что смысл истолковывают по модели истины» [1, с. 23]. Сама же познавательная ситуация не столько логикоразмерна и прагматична, сколько человекоразмерна и бытийна, иначе она напоминает собой ситуацию сдачи ЕГЭ.

И поныне широко распространенная субъект-объектная логика и соответствующая ей стратегия изучения познавательных актов безотносительно к бытийным задачам познающего человека нивелируют его до оператора когнитивных процессов, «сжимают» его жизненный мир до предметно-операционального плана мышления. Однако еще С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что познание представляет собой «способ, модус существования человека по отношению к бытию» [9, с. 260]. В начале XX в. Н.О. Лосский убедительно показал, к чему приводит гуманитарного ученого строго позитивистская стратегия изучения человека: «Современная наука, отвлекшись от личного бытия, отвлекается также от ценности и осмысленности возникновения новых событий» [6, с. 34].

Тем не менее, познавательную активность сегодня продолжают описывать по большей части в терминах когнитивной психологии, зачастую с отсылками к понятию ориентировочного рефлекса и безликой познавательной потребности. Нивелирование философского плана рассмотрения проблемы привело к достаточно схематичному и формализованному пониманию познавательной активности, в котором нет места для интенциональности человеческого сознания и ее смыслообразующей направленности. Классические определения отсылают к старой дихотомии «внешнее–внутреннее» и исключают рефлексивный план познания, равно как и самого актора-человека, а вместе с тем и его бытие: «Познавательной активностью мы считаем активность, направленную на весь внешний мир, имеющую основой ориентировочный рефлекс, развивающуюся на его базе познавательную потребность и выражающуюся в построении образа мира посредством ориентировочно-исследовательской, или поисковой, деятельности» [4, с. 34].

Внесобытийный подход к анализу познавательной активности, когда в качестве ее «основы» и «базы» берутся ориентировочный рефлекс и познавательная потребность, не позволяет объяснять ее избирательность. Рассмотрение познавательной активности в чисто когнитивном ключе, в отрыве от личного бытия познающего человека, заводит нас в тупик

и в том случае, когда мы пытаемся судить об осмысленности полученного знания. Оно принципиально не может быть осмысленным, если обработалось только лишь в когнитивных структурах сознания, но не проработалось (не прожилось) «во времени смысла и понимания», на что обращал внимание М.К. Мамардашвили. Если познавательные усилия не приводят к расширению и усложнению жизненного мира человека, то можно говорить лишь о квазипознавательной активности. Познавательная активность разворачивается не в объективно существующем и якобы заданном внешнем предметном мире, а в «смысловом горизонте предметности» [8, с. 88]. Чтобы иметь дело с познаваемой действительностью не только лишь на уровне восприятия и узнавания, она должна быть уже «понятийно осмыслена», должна не столько восприниматься, сколько подразумеваться и мниться, как мнится ребенку воображаемый сюжет игры (Л.С. Выготский).

Еще одним атрибутом познавательной активности является ее данность субъекту на уровне переживания усилия, «напряженной возможности» (В.Е. Клочко) как чувство преодоления, которое становится для человека ценным, личностно значимым, иначе ни о какой познавательной потребности не может идти речи. Б.Д. Эльконин указывает на фундаментальное внутреннее условие возникновения активности: «Специфическое *ощущение напряжения, усилия,* или, точнее говоря, *ощущение перехода, сдвига усилия* (в пределе – перехода от ненапряжения к напряжению), возможно лишь при наличии неких препон («упоров») и связано с *преодолением* их сопротивления» [12, с. 131]. Автор делает акцент на переживании активности: *«Претерпевание действующим своего действия* является как необходимым и неотъемлемым моментом самого действия, так и *источником чувства собственной активности (ощущения действования),* т.е. *переживания* в собственном смысле слова» [12, с. 132]. Таким образом, активность только тогда может в подлинном смысле принадлежать человеку, когда «развернута» для него как переживание активности. Феноменологически познавательная активность дана не столько как поток представлений и смыслов, сколько как целостное интенциональное переживание, направленное на восполнение несоответствия (Ф.Е. Василюк), разрыва между актуальными способами смысло-осознания и опережающей активностью смыслообразования. «Интенциональное переживание «имеет в виду», «полагает», «мнит», «подразумевает» предмет» [8, с. 88], который отсутствует в фактичности актуальной ситуации мышления, поскольку его набросок мерцает на краю (дальней границе) актуального смыслового горизонта.

Если под субъектом понимать сложившийся, завершенный источник собственных действий, то действия эти имеют однонаправленный и в большей мере опознавательный характер. В актах познавательной активности субъект вновь вынужден преодолевать поглощенность сложившимся способом мышления, поскольку преобразование объекта не может осуществляться в обход самопреобразования субъекта. Для того чтобы новое знание «вошло и встроилось» в сознание познающего субъекта, в нем должно быть подготовлено место, или, словами М.К. Мамардашвили, в привычном потоке познавательного опыта должен возникнуть «зазор», в котором обнаруживается мерцание новых смыслов, зазор преднаходимости решения задачи на смысл. Как пишет М. Боос, «…ничто и никогда не может появиться, если нет открытости, или пространства, в которое оно может появиться. Должна быть открытость и просвет, в который «esse», существующее, может войти и взойти к своему бытию» [2, с. 160].

Одной лишь наблюдаемой инициативы в познании уже недостаточно, чтобы констатировать факт познавательной активности. Это было ясно с момента выхода работы С.Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности». Определение и переопределение объекта познания (его конструирование) не может идти в обход самоопределения субъекта, который получает определенность, созидается в таких познавательных действиях, которые еще не «застыли», не схематизировались. Эта принципиальная мысль выдающегося ученого столь часто перелицовывалась и переписывалась, что превратилась в заклинание, прикрывающее радикально противные ей взгляды. По-прежнему ждет своего раскрытия похожая идея К. Ясперса, в соответствии с которой субъект познания находится «внутри некоего *движения,* которое в качестве *изменения знания вынуждает измениться существование* и в качестве *изменения существования, в свою очередь, вынуждает измениться познающее сознание»* [13, с. 287].

Если познавательные действия не ведут к изменению сложившихся способов и схем мышления субъекта, в том числе способов полагания предмета познания, не способствуют преобразованию исходной ценностно-смысловой структуры ситуации мышления, то о познавательной активности мы можем говорить весьма условно. Скорее речь будет идти о механизмах ассимиляции и адаптации как процессах применения или приспособления сложившихся когнитивных схем к заданной ситуации мышления. В этом плане предмет не задан раз и навсегда, он не обнаруживается субъектом при первичной ориентировке в познавательной си-

туации. Предмет познавательной активности – это то, что замышляется или часто интуитивно строится субъектом познания как проект, в котором могут опредметиться предстоящие познавательные интенции, лежащие за пределами актуальной ситуации мышления. Здесь уместно вспомнить замечание М. Шелера о том, что предметный мир есть «встречный набросок», срез бытия человека, соразмерный его «общей духовной и телесной организации» [10, с. 11] .

Если подвести итог, то в контексте САП познавательная активность может пониматься как смыслообразующее (интенциональное) переживание возможностей спонтанного самодвижения и самоизменения человека как целостного субъекта мышления (взятого в его временной трансспективе и бытийной отнесенности к ситуации мышления) в такой познавательной деятельности, которая предполагает опредмечивание и реализацию познавательных интенций, лежащих за пределами актуальной ситуации мышления, и приобретает характер жизнеосуществления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Жизнь ума / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб. : Наука, 2013. 517 с.
2. Боос М. Недавние размышления о дазайн-анализе // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 2. С. 147–167.
3. Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. 528 с.
4. Годовикова Д.Б. Общение и познавательная активность у дошкольников // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 34–40.
5. Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Modern Psychology: System Anthropological Approach // European Journal of Psychological Studies. 2014. Vol. 4, № 4. С. 142–155.
6. Лосский Н.О. Мифическое» и современное научное мышление // Путь. 1928. № 14. С. 31–55.
7. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 576 с.
8. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М. : Территория будущего, 2007. 456 с.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. 424 с.
10. Шелер. М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филлипова ; под ред. А.В. Денежкина. М. : Гнозис, 1994. 490 с.
11. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 3. С. 133–151.
12. Эльконин Б.Д. Психология развития : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. 144 с.
13. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. С. 287–418.

Религиозный смысл как результат встречи с Личностью

Немцев А.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск; Томская клиническая психиатрическая больница, Томск

Religious meaning as a result of meeting with Person

Nemtsev A.V.
National research Tomsk State University, Tomsk; Tomsk mental hospital, Tomsk

Аннотация. Проведено качественное исследование смысловой сферы религиозных людей (на примере православных верующих). Показано, что обретение религиозного смысла было связано с появлением в жизненном мире респондентов Бога как личности, углублением самопознания, что стало возможным благодаря совершенному ими акту веры в виде обращения к Богу с просьбой и полученному ответу. Смысловой акцент переносится с нерелигиозного смысла исполнения просьбы на религиозный смысл богообщения.
Ключевые слова: антропологическая психология, ценностно-смысловая сфера, религиозный смысл, смыслообретение, православные верующие.

Abstract. We have performed a qualitative study of the sphere of meaning of religious people. We have shown the moment of generation of the religious meaning. It coincides with the appearance of God as a personality in the life-world of a participant. This appearance is made possible by virtue of the leap of faith taken by a person and manifested in a sincere and wholehearted call to God. The second condition for the appearance has been found to be the divine answer experienced by a person in the form of a response to the request.
Keywords: anthropological approach, meaning sphere, religious meaning, meaning- acquisition, orthodox Christians.

Антропологический «поворот» в психологической науке позволил ученым приступить к исследованию ключевых измерений человеческой природы, долгое время остававшихся за «бортом» научного рассмотрения. В частности, хорошим тоном в современных исследованиях стало обращение к ценностно-смысловому уровню человеческого бытия. Однако зачастую они представляют уже сложившуюся картину без освещения процессов, происходящих в этой сфере. Это связано с доминированием количественного подхода в исследованиях, не позволяющего выделить и описать моменты изменений в смысловой сфере людей, феноменологию приобретения и потери смысла. Вместе с тем понимание этих процессов

может стать решающим для реализации ценностного и – шире – антропологического подхода в практических сферах (педагогической, консультационной и т.п.).

Наша работа посвящена одному из наиболее ярких процессов такого рода, а именно появлению религиозного смысла в жизненном мире человека[*], и является частью более широкого качественного исследования смысловой сферы религиозных людей [3]. Методологическим основанием исследования явилась постнеклассическая парадигма [2], рассматривающая отношение между миром и человеком как результат направленного и избирательного взаимодействия и подразумевающая, что человек не *отражает* реальность, а *создает* жизненный мир, обеспечивающий ему чувство реальности и содержащий только то, что имеет для человека значение, смысл, ценность. Исходя из этого, смыслы являются кристаллизацией отношения человека к миру, рождаются в результате взаимодействия внешнего и внутреннего и «находятся» не внутри человека (или не только внутри), не на границе органов чувств, а в жизненном мире человека. Поэтому вопрос о появлении религиозного смысла можно сформулировать так: каким образом жизненный мир безрелигиозного человека преобразуется (вернее сказать, преображается), что привычные предметы, люди, события вдруг становятся наполнены новым, сверхъестественным смыслом? Ведь, выражаясь в терминах постнеклассики, объективная реальность при этом не меняется, но внешний мир и внутренний мир человека начинают «играть» уже иными красками: природа становится результатом божественного творения, события – результатом божественного промысла, а воля человека начинает входить в диалог с божественной.

Для ответа, среди прочего, и на этот исследовательский вопрос мы провели глубинное полуструктурированное интервью с семью людьми, принадлежащими к православию и имеющими евхаристическую практику в среднем 6–7 лет. Чтобы актуализировать интересующие нас темы, испытуемым предлагалось рассказать о переживаниях, связанных с приходом к вере. В использовании методов анализа мы совместили описательный и интерпретативный подходы [1]: на начальном этапе мы, выделив смысловые единицы, применяли техники конденсации смысла и вы-

[*] Появление религиозного смысла может рассматриваться как начальный этап формирования религиозной ценности, которая, чтобы стать таковой, должна быть осознанной и принятой человеком как наиболее общий смысл его жизни (в понимании соотношения понятий «смысл» и «ценность» мы придерживаемся подхода Б.С. Братуся).

деления тем, которые затем интерпретировались в свете вопросов исследования и теоретического контекста. Вопрос о достоверности решался нами на основании критерия, выделенного С.Е.Олишевским: выводы заслуживают доверия, потому что аргумент в их поддержку достаточно убедителен, или как переформулирует его А.В. Уткин: «Наша задача не выяснить, как оно было «на самом деле», а так описать, чтобы из факта «чужой» жизни описываемый нами случай, феномен или выявленный смысл был бы воспринят как целостный, психологически понятный и правдоподобный гештальт» [4, с. 297].

Для демонстрации результатов исследования представим фрагмент интерпретации одного из случаев, релевантных поставленному в работе вопросу. Респондентом выступал Сергей (имя изменено), мужчина 45 лет, получивший высшее образование в области культуры и искусства, разведенный, обратившийся к вере за 8 лет до момента проведения интервью. «Со мной, можно сказать, случилось небольшое чудо. Я заболел какой-то болезнью, которую не могли определить даже врачи. Но в течение полугода она привела меня к полной нетрудоспособности, и в течение полугода я был нетрудоспособен. Я находился в горизонтальном состоянии и подверг критике все то, что я до этого читал [на религиозные темы], интересовался, изучал. Я задал себе простой вопрос: «А что я из этого могу применить в жизни?» И тогда выяснилось, что ничего из этого я в жизни применить не могу, ни те практики, которыми я раньше в жизни занимался, изучая какие-то там религии. То есть когда дошло «до дела», они в реальной жизни помочь мне не смогли». Появляется болезнь, которая приводит Сергея к нетрудоспособности, в горизонтальное положение, к состоянию «живого трупа», ситуации, которую он воспринимает на уровне жизни и смерти. Ощущение потери жизни («когда в человеке нет жизни») вызывает обращение к религии («вроде вера – это связь с источником жизни»).

Отказавшись от своего прошлого «религиозного опыта» (кавычки респондента), Сергей начинает внутри себя разговаривать с Богом: «Я просто, когда лежал у друга на даче, рядом со мной были окна, я просто смотрел в небо и начинал разговаривать. Я разговаривал с невидимым Богом, рассказывал ему свою ситуацию, пытался понять, и это диалоги, они не совсем похожи на молитвы, но это было общение. И через это общение, серьезно к нему относясь, я понимал первые ощущения веры».

В начале этого общения происходит углубление самопознания в виде опыта открытия сердца, что дает возможность совершать диалог: «Узнал

сначала, где у меня сердце, а потом сердцем почувствовал христианство». Сергей противопоставляет спокойное умственное размышление («А вот давай-ка я поговорю с чем-то, неважно с чем. Поговорю, а потом через пятнадцать минут чаю пойду попью и прочее…») и обращение с верой. Когда он говорил то, что касалось его жизни, возникало переживание и «оно открывало сердце»: «Я был весь в этом общении, то есть моя вера в это была абсолютной. Я верил в Того, с Кем я разговариваю, в то, как я разговариваю – я был честен». «Я понимал, что… польза от них [бесед], зависит от моей искренности, от моей веры, поэтому, стараясь разговаривать и подбирая какие-то корявые слова, я отбирал каждое слово, взвешивая их на предмет искренности. Насколько я в это все верю». «Как ты только начинаешь верить, то эти слова становятся не просто фразами, а здесь начинает подключаться сердце. И вот это начинается уже молитва».

Восприятие общения с «невидимым Богом» именно как диалога, а не монолога, возникало в момент обращения из-за веры в то, что он говорил. «Я бы не сказал, что у меня было ощущение, что кто-то со мной разговаривает… Вот эта вера и уверенность в то, что ты говоришь, она сама дает ощущение, что это все не сумасшествие, что ты не со стеной разговариваешь. Сама искренность, вера в то, *что* ты говоришь, она сама является для человека показателем того, что разговор происходит… что это диалог, а не монолог». Богообщение становится не просто средством излечения, а новым смыслом: «Меня как бы от прошлой жизни отодрали посредством этой болезни, показали, как можно жить по-другому».

Подведем итоги. В ситуации физической беспомощности, при отсутствии других средств излечения респондент обращается с просьбой о помощи к Богу, который раньше не присутствовал на личностном уровне (были увлечения религиозными практиками из-за любопытства). Параллельно этому происходят внутренние интеграционные процессы («открыл, где сердце», подбирал слова для того, чтобы верить в то, что говоришь), которые способствуют более полному осознанию респондентом себя как личности. Вера в то, что он говорит, физическое облегчение после этих диалогов дают ощущение, что он был услышан. В жизненном мире человека происходит встреча с Богом как с Личностью, общение с которой возможно и имеет собственное значение.

Таким образом, смысл исцеления, являясь по факту нерелигиозным, актуализирует деятельность богообщения и самопознания, что до определенного момента имеет чисто «земные» мотивы. Переживание ответа

приводит к появлению божественной Личности в жизненном мире и порождает уже религиозный смысл богообщения.

Литература

1. Бусыгина Н.П. Феноменологический и герменевтический подходы в качественных психологических исследованиях // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 57–65.
2. Галажинский Э.В., Клочко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. Т. 68, № 4. С. 14–31.
3. Немцев А.В. Смысловая сфера религиозных людей (на примере православных верующих) // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 69–85.
4. Уткин А.В. Идентичность и смыслы образования // Поиск идентичности – экзистенциальный опыт в образовании / под ред. О.В. Лукьянова. Томск, 2001. 440 с.

Ценностные установки и ценностные оценки себя и других в формировании и диагностике идентичности

Николаева И.А.

Курганский государственный университет, Курган

The value attitides and valuative assessment themselves and diagnostics of identity

Nikolaeva I.A.

Kurgan State University, Kurgan

Аннотация. В качестве механизма, включенного в формирование личностной и социальной идентичности, рассматриваются ценностные оценки себя и других, регулируемые ценностными установками личности. Эмпирически выделены 11 универсальных ценностных установок, отражающих опыт социального взаимодействия личности. Индивидуальная структура данных установок определяет «стиль ценностного оценивания» и ценностную структуру идентичности личности.

Ключевые слова: идентичность, ценностные оценки, ценностные установки, структура.

Abstract. Valuations themselves and others, adjustable generalized value attitudes, is one of the mechanisms of formation of personal and social identity. We empirically identified 11 universal, reflecting the personal experience of social interaction. Individual structure value attitudes defines the “style of valuation” and the value structure of identity.

Keywords: identity, valuative assessment, value attitudes, structure.

В соответствии с разрабатываемым нами процессуальным подходом к личностным ценностям, ценностное оценивание является формой и способом существования личностных ценностей. Посредством ценностного оценивания реализуются важнейшие системогенетические функции психологической системы – развитие и становление личности, взаимодействие человека с миром и интеграция личности (В.Е. Клочко). Ценностная оценка другого как значимого является основанием для позитивной или негативной идентификации с ним, а глубина (интенсивность) ценностного переживания будет определять степень идентификации.

Ценностные оценки имеют эмоциональный компонент, но отличаются от эмоциональных своей обобщенностью, в том числе более широким и общим контекстом оценки – временным, пространственным, социальным, культурным. Чем шире контекст оценивания, тем глубже испытываемое человеком ценностное переживание и, одновременно, слабее эмоционально-экспрессивный компонент. Переживание ценности, говоря словами Т. де Шардена, – это «страстное бесстрастие». Чем шире контекст соотнесения, тем больше признаков сходства с конкретным другим и, тем самым, оснований для идентификации может найти человек. Так, в контексте «жизни и смерти» легко идентифицироваться с любым человеком, а в контексте «жизни во Вселенной» – с любым живым и даже неживым объектом. Масштабный контекст «усиливает» ценностные переживания: «Весь мир познания не стоит… слезок ребеночка…» (Ф.М. Достоевский). С другой стороны, широкий контекст оценки (например, взгляд «с высоты птичьего полета») способствует различению ситуативно-эмоциональной и ценностной оценки.

Ценностные оценки определяют выбор «других» и, говоря словами В.Е. Клочко, «протаскивают» в сознание образы других, что является условием идентификации с ними.

Идентификационная «работа» – сложный процесс. В частности, идентификация может пониматься как решение задач (проблем) на моделях поведения других людей.

Проблемы, связанные с широким контекстом (например, с целым этапом жизни или с жизнью в целом), имеют высокую значимость для человека, а их решение – высокую ценность. Те «другие», кто является «моделями» или «средствами» решения данной проблемы, будут иметь высокую ценность и высокую степень идентификации с человеком. Те, кто воплощает *неразрешимость* данной проблемы, будут «антиценными», «антиидеальными» моделями, но также высокозначимыми, воплощающими негативную идентичность и, возможно, вытесняемыми из созна-

ния. Средний уровень значимости проблем и их решений, вероятно, обусловит средний уровень идентификации с другими, их олицетворяющими.

Таким образом, «высота» ценностной оценки и частота мысленного обращения к образу другого являются показателями глубины и устойчивости идентификации с другим. А общая конфигурация ценностных оценок «других» в сознании человека представляет ценностную структуру его личностной и социальной идентичности.

Поскольку ценностные отношения существуют в обобщенных и широких контекстах, то основания ценностного оценивания также максимально обобщены либо изначально недифференцированны. Они переживаются как интуиция целостности, интуиция недостающего (Г.В.Ф. Гегель, С. Франк, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.), дорефлексивное переживание целостности мира (Н.Л. Худякова), «деятельная способность связывать все со всем» (В.И. Плотников). В наших исследованиях ценностных отношений мы использовали обобщенные основания (критерии) оценивания для оценки других людей: «наихудшее» (антиидеальное) – «наилучшее» (идеальное) – «Я».

В эмпирическом исследовании выбор объектов оценки (т.е. «других людей») для изучения личностной идентичности осуществлялся в соответствии с принципом отраженной субъектности (В.А. Петровский, 1985), а также методическими принципами доступности сознанию (E.T. Higgins, G. A. King, G. H. Mavin, 1982) и спонтанности воспроизведения (G. Markus, 1977), принципом пространственного отражения отношений (Л.М. Веккер, 2000). Подробно методика сбора данных и их анализа описана И.А. Николаевой [3].

Отметим, что список «других» для последующей оценки формируется испытуемым в процессе спонтанного воспроизведения. Несмотря на то что поток образов «других» является, на первый взгляд, хаотичным, массив ценностных оценок имеет организованную структуру. Распределение оценок имеет особенности, названные «параметрами ценностного оценивания», описывающими индивидуальный «стиль ценностного оценивания».

Выясняя психологическое содержание данных параметров, мы обнаружили связи с особенностями личности и межличностного взаимодействия (по Р. Кеттеллу, Г. Смишеку, СЖО, САМОАЛ, MMPI, CPI и др.) [2]. Было ясно, что данные параметры отражают важные регуляторы, связанные с широким спектром явлений. Логично предположить, что ценностные оценки ограничиваются и направляются ценностными установками. Поэтому выделенные параметры ценностного оценивания можно рас-

сматривать как проявления ценностных установок в восприятии социальной реальности и ценивании других людей.

В этой связи имеется прямая аналогия с открытыми школой В.Е. Клочко [1] эмоционально-установочными комплексами («эмусами»), в которых эмоциональная оценка прямо связывается с личностной установкой, что определяет выбор поведения в проблемной ситуации. Описание различий эмоциональной и ценностной оценки в данной статье обсуждаться не будет, но необходимо отметить сам принцип связи оценок и установок, который был вскрыт в изучении эмоциональных оценок. В нашем случае переживание ценности (значимости, важности) других людей также сопряжено с определенной индивидуальной системой ограничений (или предписаний), диктуемых ценностными установками.

Обобщая содержание эмпирических данных, можно дать ориентировочные определения этим установкам:

– склонность идеализировать других (частота максимальных оценок других как «идеальных», «наилучших»);

– склонность абсолютизировать «идеальных» других (степень абсолютности / относительности идеальных оценок);

– склонность противопоставлять «идеальных» других остальным и степень этого противопоставления (субъективная достижимость (доступность) идеального);

– склонность очернять других (частота оценок других как «антиидеальных», «наихудших»);

– склонность абсолютизировать «антиидеальные» оценки;

– склонность противопоставлять «антиидеальных» другим (и степень этого противопоставления, т.е. субъективное различие допустимого и недопустимого);

– склонность ценить других выше среднего, выше себя, равноценно себе;

– склонность идентифицировать себя с теми, кто лучше, «выше»;

– склонность идентифицировать себя с теми, кто хуже, «ниже»;

– самоценность.

Очевидно, что данный перечень отражает как целевую структуру активности (реальное–возможное (как желаемое, так и нежелательное)–идеальное), так и структуру социальной регуляции поведения (допустимое–недопустимое). Вскрытая система установок является универсальной в системе взаимодействия и жизнедеятельности человека безотносительно к конкретному содержанию индивидуальных ценностей.

Интересно соотнести выделенные ценностные установки с концепцией состоятельности В.А. Петровского [5], поскольку «могу» возможно трактовать как самооценочную установку относительно желаемого и идеального. В итоге ценностная структура идентичности [4] может быть соотнесена со структурой состоятельности и с уровнем благополучия человека.

Предметом обсуждения может быть также формирование идентичности на основе названных ценностных установок и самих установок. Авторская методика [3] также может использоваться в диагностике социальной и личностной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краснорядцева О.М. Деформация эмоционально-установочного реагирования личности как деструктивный фактор профессионального поведения // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 166–170.
2. Николаева И.А. Универсальные критерии ценностного и нравственного оценивания и сопутствующие психологические феномены // Психология нравственности / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М. : Изд-во ИП РАН, 2010. С. 67–94.
3. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 2: Структурные феномены ценностных отношений // Сибирский психологический журнал. 2011. № 39. С. 112–120.
4. Николаева И.А. Ценностное измерение идентичности: структурные особенности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Психология. 2012. Т. 6, вып. 2. С. 82–84.
5. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М. : Смысл, 2010. 559 с.

Отражение деформаций ценностных отношений личности в семиотике «ценностной вертикали»

Николаева И.А., Зайнулина Ю.И.

Курганский государственный университет, Курган

The reflection of the deformation of personal value attitudes in semiotics of the “vertical values”

Nikolaeva I.A., Zaynulina Y.I.

The Kurgan State University, Kurgan

Аннотация. В работе обсуждается возможность пространственной репрезентации деформаций ценностных отношений к себе и другим. Пространственная семиотика ценностных отношений создается конфигурацией оценок себя и других на «ценностной вертикали»: «антиидеальное–Я–идеальное». Рассмотрено соответствие пространственных параметров массива оценок и

ценностных отношений личности (ценностных установок). Предложены пространственные «маркеры» ценностных деформаций. Приводятся эмпирические данные, подтверждающие теоретические гипотезы.
Ключевые слова: ценностные отношения, деформации, пространственная семиотика, ценностная вертикаль.

Abstract. We have discussed the spatial representation of the deformation of value relations to himself and others. Spatial semiotics of value relations is a configuration assessments “self” and “other” on the “worth” vertical “the worst – the best”. We considered the correspondence between the spatial parameters of the evaluation array and personal attitudes. We proposed spatial “markers” of value deformations. We present empirical evidence confirming theoretical hypotheses.
Keywords: value relations, deformation, spatial semiotics, the vertical values.

«Пространственная форма есть форма обобщенного генерализованного представления любого вида отношений», – писал Л.М. Веккер [1]. Пространственные метафоры ценностных отношений к себе и другим («высокий», «возвышенный», «низменный», «близкий» и т.д.) могут быть отражены в невербальной пространственной форме с помощью авторской методики [2, 3]. Главным методическим приемом в данной методике является неградуированная «ценностная вертикаль», на которой испытуемый размещает себя, а затем других в координатах «антиидеальное»–Я–«идеальное». Расположение оценок на этой вертикали отражает особенности ценностных отношений личности, которые могут быть и деформированными. Конфигурация массива оценок на «ценностной вертикали» может быть описана пространственными параметрами.

Целью данной работы является демонстрация возможностей пространственного способа представлений ценностных отношений к себе и другим как «маркеров» деформаций ценностно-смысловой сферы.

Ранее нами был описан авторский метод диагностики ценностных отношений личности [2, 3], названный в ряде источников «Я и другие». Однако в соответствии с главным методическим приемом точнее его следует назвать «ценностная вертикаль». В наших работах с помощью данного метода был выделен ряд пространственных параметров, фиксирующих индивидуальные особенности ценностных отношений личности к себе и другим, или ценностные установки (табл. 1).

Эмпирически установлены связи данных пространственных параметров с важными личностными особенностями [2], что позволяет продолжить изучение этих параметров при искажениях личности, обусловленных деформацией ценностно-смысловой сферы.

Таблица 1

Пространственные параметры структуры оценок себя и других на «ценностной вертикали» и их психологическое содержание

№ п/п	Пространственные параметры структуры оценок	Ценностные отношения (установки)
1	Частота наиболее высоких оценок «других»	Склонность идеализировать других
2	Близость наиболее высоких оценок к верхнему полюсу вертикали	Склонность к абсолютности / относительности оценок или экстремальность позитивных ценностных оценок
3	Дистанция между группой наиболее высоких оценок и нижестоящей группой оценок	Склонность противопоставлять «идеальных» остальным
4	Частота максимально низких оценок	Склонность «антиидеализировать» других
5	Близость максимально низких оценок к нижнему полюсу вертикали	Склонность к экстремальности негативных ценностных оценок
6	Дистанция между группой максимально низких оценок и вышестоящей группой оценок	Склонность противопоставлять «антиидеальных» остальным
7	Частота оценок других «рядом с Я»	Склонность к чувству общности с другими
8	Частота оценок других «выше Я»	Склонность ценить других «выше себя»
9	Частота оценок других «выше середины»	Склонность ценить других «выше среднего»
10	Близость оценки Я к оценкам других «ниже Я»	Склонность идентифицировать себя с теми, кто «ниже» (хуже) себя
11	Близость оценки Я к оценкам других «выше Я»	Склонность идентифицировать себя с теми, кто «выше» (лучше) себя
12	«Высота» оценки Я на «ценностной вертикали»	Самоценность (самооценка)

К деформациям ценностно-смысловой сферы могут быть отнесены крайние проявления вышеназванных ценностных установок и их сочетания. В работе [5] предложен ряд гипотез о том, как деформации ценностных отношений могут проявляться в особенностях социального поведения подростка. Ниже представлено обобщение данных гипотез (табл. 2).

Данная таблица не является исчерпывающей. Она показывает общую логику связи ценностных деформаций, представленных в пространственной семиотике оценок, и возможных социальных девиаций. Ценностные деформации, безусловно, не сводятся к гипо- или гиперфункции перечисленных ценностных отношений. Кроме того, ценностные деформации, как правило, представлены не одним параметром, а сочетанием нескольких. Необходимо отметить, что гипер- и гипофункции, представленные в таблице, могут быть и возрастными особенностями, и профессиональными деформациями, и признаками яркой индивидуальности, не имеющей социально-негативныого характера.

Таблица 2

Деформации ценностных отношений, фиксируемые пространственными параметрами, и возможные социальные девиации*

№	Ценностные установки	гипер- / гипо-функция	Социальные девиации**
1	Склонность (частота) идеализировать других	гипер-	Компенсация нарушений социального взаимодействия
		гипо-	Сверхценность единственной ценности, одержимость
2	Склонность к экстремальности позитивных ценностных оценок	гипер-	Сверхценность, фетишизация символов и объектов субкультуры, одержимость
		гипо-	Скептицизм и цинизм. Посягательство на чужие ценности. Хулиганство, вандализм, потеря ценности собственной жизни
3	Склонность противопоставлять «идеальных» остальным	гипер-	Зависимость от «идеального» объекта, перфекционизм, нарциссизм
		гипо-	Субъективная доступность ценностей, ценностный «вакуум»
4	Склонность «антиидеализировать» других	гипер-	Очернительство, поиск врагов, враждебность, мизантропия
		гипо-	Инфантильность, защитное вытеснение
5	Склонность к экстремальности негативных ценностных оценок	гипер-	Враждебность, очернительство
		гипо-	Инфантильность, защитное вытеснение
6	Склонность противопоставлять «антиидеальных» остальным	гипер-	Чувство вины, тревожность, самобичевание, моральный деспотизм, остракизм, насилие
		гипо-	Отсутствие чувства «недопустимого», присущего большинству девиаций, а также виктимное поведение
7	Склонность к чувству общности с другими	гипер-	
		гипо-	Нарциссизм, одиночество
8	Склонность ценить других «выше себя»	гипер-	Виктимное поведение, конформизм
		гипо-	Маккиавелизм
9	Склонность ценить других «выше среднего»	гипер-	
		гипо-	Депрессия
10	Склонность идентифицировать себя с теми, кто «ниже» (хуже) себя	гипер-	Одиночество, отверженность
		гипо-	Социальная черствость, равнодушие
11	Склонность идентифицировать себя с теми, кто «выше» (лучше) себя	гипер-	Выученная беспомощность
		гипо-	
12	Самоценность (самооценка)	гипер-	Нарциссизм
		гипо-	Депрессия

* В обозначение «социальные девиации» попали и клинические термины. Здесь имеются в виду, прежде всего, неблагоприятные социальные последствия деформаций. Природа деформаций в данном случае не учитывается.

** Пустые клетки означают, что мы пока не видим здесь девиацию.

В эмпирических исследованиях под нашим руководством были получены данные, подтверждающие возможность соотнесения пространственных параметров ценностных отношений личности и её социально-значимых качеств.

Например, в исследовании волевых качеств личности предпринимателей, менеджеров и студентов (в печати) были обнаружены обратные связи *ответственности* с частотой оценок других «ниже себя» и «антиидеальных» оценок на «ценностной вертикали», а также обратная связь частоты «антиидеальных» оценок с *самостоятельностью*, *целеустремленностью*, *выдержкой*. В исследовании педагогов (259 чел., в печати) с использованием CPI были выявлены обратные связи частоты «антиидеальных» оценок с *чувством благополучия (Wb)*, *ответственностью (Re)*, *хорошим впечатлением (Gi)*. Частота оценок других «выше себя» обратно связана с *самопринятием (Sa)*. Дистанция между «идеальными» и остальными обратно связана с *социальным присутствием (Sp)*, *способностью к статусу (Cs)*, *психологическим складом ума (Py)*, *интеллектуальной эффективностью (Ie) и толерантностью (To)*. Частота оценок «выше среднего» имеет связи высокого уровня значимости с *толерантностью (To)*, *социализацией (So)* и *чувством благополучия (Wb)*. Ранее [2, 4] нами были получены и другие данные, также подтверждающие возможность интерпретации пространственных параметров оценивания «других» как нормы, индивидуального своеобразия или деформаций ценностных отношений личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М. : Смысл, Per Se, 2000. 685 с.
2. Николаева И.А. Пространственное измерение ценностной сферы личности. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. 193 с.
3. Николаева И.А. Новый метод исследования личностных ценностей. Ч. 2: Структурные феномены ценностных отношений // Сибирский психологический журнал. 2011. № 39. С. 112–120.
4. Николаева И.А. Идеализация: ресурсы и риски личностного развития // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Физиология, психология и медицина. 2013. Вып. 5. С. 85–91.
5. Николаева И.А. Ценностная регуляция социального и асоциального поведения // Психология трудного детства / науч. ред. Р.В. Овчарова. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 140–148.

Конфликтность личности студентов колледжа

Парфенова Г.Л.
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Conflicts of personality of College students

Parfenova G.L.
Altai State Pedagogic University in Barnaul, Barnaul

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования конфликтности личности на выборке студентов железнодорожного колледжа. В основной части статьи анализируются особенности конфликтности студентов по методикам В.И. Андреева и Кноблох–Фальконетти, проблемы готовности студентов колледжа к конфликтному развитию ситуаций социального взаимодействия. В заключение определен ряд направлений для новых психологических исследований проблем конфликтности личности.
Ключевые слова: общение, конструктивная коммуникация, бесконфликтное общение, конфликт, конфликтность личности, уровни конфликтности**.**

Abstract. Work provides the results of study of personal proneness to conflicts based on series of studies with students of Railroad College. The main part provides analysis of peculiarities of conflict proneness among students based on methodology developed by V.I. Andreev and Knobloch-Falconetti, students' problems related to readiness for conflict scenarios of social interactions. In the article is provided a number of aspects for new psychological researches dealing with personal conflict proneness.
Keywords: communication, constructive communication, conflict-free communication, confrontation, personal proneness to conflicts, levels of proneness to conflicts.

Современный мир развивается стремительно, противоречиво. Экономика, геополитика, коммуникационные и информационные процессы невозможно конструктивно развивать без понимания и совершенствования важной составляющей социума – современной сферы общения. Личность обладает множеством качеств, которые задействованы в общении. Одни из них помогают договариваться и сотрудничать, другие качества разрушают гармоничные отношения личности с социумом, снижают эффективность ее деятельности, вредят психическому здоровью человека, его семьи, учебного или рабочего коллектива, приводят к социальным трагедиям.

Одна из характеристик, препятствующих общению, – конфликтность. Она отражает частоту вступления личности в конфликты и определяется как психологическими (темперамент, уровень агрессивности, компетентность в общении, эмоциональное состояние и др.), так и социальными факторами (условия жизни и деятельности, среда и социальное окружение, общий уровень культуры и др.) [1].

В психологии сложились разнообразные и противоречивые представления о конфликтности личности и конфликте. Сущность этих понятий исследуется в трудах зарубежных (А. Адлер, А. Бандура, Э. Берн, Л. Дуб, Л. Козер, Д. Майерс, З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон и др.) и отечественных ученых (А.Я. Анцупов, Н.Ф. Вишнякова, Н.В. Гришина, А.С. Кармин, В.А. Лабунская, А.И. Шипилов, Б.И. Хасан и др.).

Недостаточно изученной в современной психологической науке является проблема связи между конфликтностью как личностным свойством и способностью личности к контролю над конфликтом как трудной ситуацией общения, значимым событием взаимодействия. Исследование проблемы *актуально* относительно студенческой молодежи, в среде которой конфликты – явление частое, порой разрушающее как личные, так и профессиональные отношения молодых людей. Для выявления особенностей конфликтности студентов, их внутренних ресурсов для преодоления конфликтных ситуаций проведено исследование на выборке студентов железнодорожного колледжа.

Проблема исследования состояла в том, чтобы определить особенности проявления конфликтности личности у студентов, которые в ближайшее время вступают во взрослую профессиональную жизнь, где придется решать многие трудные ситуации взаимоотношения и взаимодействия. Для достижения цели и решения задач был осуществлен теоретико-методологический анализ проблемы конфликта и конфликтности личности, определены виды конфликтов, черты конфликтной личности, поведенческие проявления конфликтности.

На этапе теоретического анализа установлено, что понятие «конфликт» широко и детально исследуется в разнообразных научных сферах и практической деятельности. Мы понимаем конфликт как острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия, заключающийся в противодействии субъектов и сопровождающийся негативными эмоциями [2]. Конфликтность в данной работе рассматривается как степень готовности человека к развитию и завершению проблемных ситуаций социального взаимодействия путем конфлик-

тов и относительная частота участия человека в реальных конфликтах. Содержание конфликтности определяется социальными и психологическими факторами, ситуативными и личностными предпосылками. Конфликтность проявляется в излишней критичности и упрямстве, эгоцентризме и высокомерии, категоричности и прямолинейности, лицемерии и пренебрежении, неадекватности самооценки и авторитарности, несдержанности и агрессивности и др. Чтобы управлять названными чертами, не доводя трудную ситуацию общения до глубокого или хронического конфликта, нужно активизировать психологические ресурсы человека [3].

Эмпирическое исследование было проведено на 50 студентах (12 юношей и 38 девушек) первого курса железнодорожного колледжа (филиал СГУПС, г. Новосибирск). Возраст студентов – 18–19 лет. Для исследования применены две методики: Тест на оценку уровня конфликтности личности (В.И. Андреев) и Тест определения конфликтности (Knobloch–Falconetti).

Остановимся кратко на результатах исследования по методике В.И. Андреева.

Обобщенные данные показали, что в выборке студентов выявлено пять уровней конфликтности: «ниже среднего», «немного ниже среднего», «средний», «немного выше среднего», «выше среднего». Не выявлены личности с высокой и очень высокой конфликтностью.

Так, лишь 9 (18%) студентов имеют уровни конфликтности «ниже среднего» и «немного ниже среднего». Следовательно, менее 1/5 студентов успешно общаются, умеют конструктивно строить коммуникацию и отношения, слышать партнера по общению, способны договариваться и сотрудничать, избегают конфликтных решений в трудных ситуациях общения, предпочитая тактику компромисса, отличаются высокой гибкостью, субординацией, уступчивостью, в то же время независимостью. Испытуемых, у которых конфликтность в норме, – 14 (28%); эти студенты редко вступают в конфликтное общение. Причиной для проявления конфликтности становятся очень значимые для них ситуации, которые не смогли разрешиться конструктивно. Следовательно, около 1/3 респондентов имеют средний уровень конфликтности и проявляют ее только в ситуации защиты или отстаивания важных для них ценностей, целей, установок. Больше половины студентов – 27 (54%) имеют конфликтность выше нормы, стремятся доминировать, оставлять последнее слово за собой. Они «принципиальны» до враждебности, излишне прямолинейны и критичны. У них преобладают негативное настроение, консерватизм

взглядов, чрезмерная инициатива, стремление к независимости, настойчивость.

Рассмотрим теперь результаты исследования по методике «Тест определения конфликтности» (Knobloch–Falconetti). Интерпретация полученных данных происходила по двум показателям поведения в конфликте: «эгохватание» как внутренняя конфликтность личности, потребность в постоянной опеке, нерешительность и неуверенность в себе, склонность к самообвинениям; «гармоничность» как спокойствие и уверенность в себе, последовательность поведения, сбалансированность желаний, стремлений, притязаний.

У 1/5 выборки (10 студентов; 20%) диагностирован средний уровень конфликтности: их показатели равны по шкалам «Гармоничность» и «Эгохватание». Студентов с преобладающим показателем «гармоничность» – большинство (29; 58%). Их уровень конфликтности низкий; они общаются конструктивно и уравновешенно, уверены в себе, последовательны в поведении, сбалансированы в желаниях, стремлениях, притязаниях. Также у 1/5 выборки (11; 22%) преобладает показатель поведения в конфликте «эгохватание», что интерпретируется как высокий уровень внутриличностной конфликтности. Это проявляется в нерешительности, неуверенности студентов в себе, склонности к самообвинению, потребности в постоянной внешней опеке. Внутриличностные конфликты у 22% студентов ярко выражены, что часто становится причиной и фактором внешних социальных конфликтов, в которых участвуют данные респонденты. Такие конфликты наиболее тяжелы для личности, препятствуют гармоничному развитию, отношениям, разрушают психологическое здоровье, поэтому требуют коррекции. Максимально выражен уровень внутриличностного конфликта у пяти студентов: у 4 девушек (80%) и одного юноши (20%), что, вероятно, объясняется их гендерными особенностями и может стать темой последующих исследований.

Выводы. Положительно, что среди студентов колледжа не выявлено личностей с высокой и очень высокой конфликтностью в ситуации внешнего конфликта. Уровень конфликтности в пределах нормы обнаружен у 28% респондентов. Лишь 18% характеризуются как личности с низким уровнем конфликтности, готовые и способные решать трудные ситуации общения конструктивно. У большинства студентов (78%) уровень внутренней конфликтности находится в норме и ниже нормы. Этих респондентов можно характеризовать как психологически гармоничных личностей.

Также *выявлены проблемы*. Большей доле студентов (54%) присуща готовность к развитию и завершению проблемных ситуаций социального взаимодействия преимущественно путем конфликтов. У 22% студентов высокий уровень внутриличностной конфликтности, что препятствует гармоничному развитию их личности, отношений и требует психокоррекции. Данные факты учтены при составлении и реализации со студентами тренинга «Самоконтроль – путь к бесконфликтному общению».

Итак, на современном этапе развития общества и в контексте процессов, происходящих в образовании, исследование проблем конфликтов, поиск новых внутренних ресурсов их разрешения остается актуальным. Подготовка профессиональных кадров в образовательных учреждениях требует решения проблемы психологической образованности студентов в сфере повышения способностей к эффективному, бесконфликтному взаимодействию и общению. Необходимо исследовать связь конфликтности личности с другими ее качествами, которые могут стать основой для развития внутренних ресурсов человека в процессе разрешения им своих внешних и внутриличностных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2008. 538 с.
2. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. СПб. : Питер, 2003. 256 с.
3. Балыкина Т.В., Тимошина И.Н. Изучение межличностных конфликтов в педагогическом процессе: эмоционально-ценностный аспект // Педагогическое образование и наука. 2013. № 3. С. 126–129.

Психологические характеристики восприятия иллюзорных изображений

Перикова Е.И., Бызова В.М.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Psychological characteristics of perception of visual illusions

Perikova E.I., Bysova V.M.
St. Petersburg State University, St. Petersburg

Аннотация. В исследовании рассмотрены психологические основания в процессе восприятия иллюзорных изображений в произведениях искус-

ства: сравнение, деструкция, действие и движение, скрытый смысл, оценочность суждений. Выявлена специфика воспринимаемых образов: ригидным свойственно обращать внимание на скрытый смысл, использовать сравнения и конкретизировать увиденное; для флексибильных характерны оценочность суждений и наличие деструктивных элементов в интерпретации картин-иллюзий.
Ключевые слова: иллюзии, изобразительное искусство, психическая ригидность, флексибильность.

Abstract. The research are marked the psychological bases the perception in the visual illusions: the comparison, destruction, action and movement, hidden meaning, value judgments. The specificity of the perceived image: Respondents who had a rigid outlook paid attention to the hidden meaning, using comparisons and specify what they saw; Flexible respondents were value judgments and destructive elements to interpret the illusion paintings.
Keywords: vision illusion, art, mental rigidity, flexibility.

Одной из фундаментальных проблем когнитивной психологии является восприятие иллюзорных изображений. Исследования иллюзий подробно разрабатываются в современных работах по психологии восприятия, в частности в классических работах зарубежных авторов (Р. Грегори), а также в современных работах В.Ю. Карпинской [3, 4].

Существуют два подхода к пониманию иллюзий восприятия. Яркими представителями первого подхода являются Г. Гельмгольц и Р. Грегори. Г. Гельмгольц рассматривал зрительные иллюзии как ошибки процессов интерпретации, протекающих неосознанно и в силу этого не поддающихся произвольной коррекции. Аналогично рассматривал иллюзии Р. Грегори, определяя их как систематические отклонения от объективных параметров стимуляции, измеренных линейкой, фотометром, часами и прочими измерительными приборами. Согласно второму подходу, предложенному Э. Махом, иллюзии рассматриваются как изменения обычных свойств восприятия, возникающих под воздействием необычных условий наблюдения, что ведет к появлению конфликта перцептивных образов. Аналогично определяли иллюзии О. да Пос и Р. Рейнольдс [4].

Известно огромное количество зрительных иллюзий, однако ни одна из них не нашла полного объяснения, с которым можно было бы согласиться. Одним из способов представления образов в произведениях изобразительного искусства является создание иллюзорных изображений, отражающих неопределенность и неоднозначность психологического

содержания. P. Mamassian в своей работе описал единую природу неопределенности в зрительном восприятии окружающего мира и произведений искусства, объясняя это тем, что художники применяют техники, основанные на процессах восприятия реальной жизни. В частности, в целях воссоздания эффекта неопределенности художниками используются приемы работы с композицией, пространственными частотами, освещением и цветом, трехмерностью и формой [5].

В современной психофизике подробно разрабатывается системно-деятельностный подход, учитывающий влияние интер- и интраиндивидуальных факторов на решение человеком сенсорных задач восприятия [2]. Однако не уделяется внимания роли психической ригидности в процессе восприятия. Мы предполагаем, что выраженность психической ригидности респондентов может определять специфику воспринятого содержания картин-иллюзий.

Основные задачи нашего исследования: определение психологических характеристик воспринимаемых иллюзорных изображений; выделение групп респондентов с выраженными показателями ригидности и флексибильности; качественный анализ содержания психологических характеристик в выделенных группах.

Методика исследования. В качестве стимулов восприятия были подобраны семь картин, содержащих иллюзорные изображения [1]. В работе использованы художественные произведения Дональда Раста (Donald Rust), содержанием которых были образы природы и людей на природе. Все изображения выполнены в технике картин-иллюзий, включающих скрытые образы. Уровень психической ригидности определен Томским опросником ригидности Г.В. Залевского. Осуществлен качественный анализ полученных данных.

Процедура исследования. Респондентам предлагались в условиях ограниченного времени семь картин-иллюзий с инструкцией: «Что Вы видите на этой картине?». Эта инструкция направлена на выявление первичных образов восприятия. На втором этапе в индивидуальном порядке проводилось исследование уровня выраженности психической ригидности. Затем с каждым респондентом проводилась уточняющая беседа об особенностях восприятия иллюзорных изображений. Проведена работа по экспликации индивидуального смысла в процессе восприятия картин-иллюзий.

Как известно, в процессе восприятия изображений респонденты идентифицируют, представляют и объясняют иллюзии в изображениях, причем непроизвольно и произвольно удерживают внимание на «необыч-

ном», осуществляют зрительный поиск. В процессе интерпретации воспринятого учитываются личностные смыслы.

Выборка. В исследовании приняли участие 62 студента биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, в том числе 17 юношей и 45 девушек в возрасте от 18 до 21 года (средний возраст 19,5 лет).

Результаты исследования. По данным опросника Г.В. Залевского, в выборке выявлены 62% респондентов с высокой ригидностью и 38% – с высокой флексибильностью. Эти показатели соответствуют медианному критерию общей выборки нашего исследования по методике Г.В. Залевского.

В качестве характеристик воспринимаемых картин-иллюзий нами выделены сквозные и специфические. К сквозным характеристикам отнесены следующие: обобщение, перечисление предметов, наличие деструктивных ответов, сравнения, движения и действия. К специфическим характеристикам восприятия относятся поиск скрытого смысла, оценочность суждений, негативные оценки, конкретизация деталей. Следует отметить взаимосвязь и взаимообусловленность сквозных и специфических характеристик в восприятии иллюзорных изображений, в частности связь деструктивных элементов и скрытых смыслов, действий и оценочных суждений, сравнений и негативных оценок.

Для ригидных респондентов, в отличие от флексибильных, свойственно обнаруживать скрытые смыслы (50 и 39% соответственно), а также отмечать конкретные детали образов (39 и 26% соответственно). Для флексибильных респондентов, в отличие от ригидных, была свойственна оценочность суждений (39 и 20% соответственно). В качестве общей характеристики следует подчеркнуть наличие негативных оценок воспринятых образов (13% в обеих группах). Например, «мрачность», «злость», «напряжение», «женские лица страдают», «море беспокойное», «рычащий леопард», «разъяренная крупная кошка». Этот факт может свидетельствовать о негативном психическом состоянии, свойственном ряду респондентов.

Анализ ответов, содержащих скрытый смысл, у группы ригидных указывает на механизм проекции актуальных переживаний респондентов в процессе интерпретации воспринятых картин-иллюзий. Содержание этих описаний включает ряд тем, например любовь («любовный треугольник», «изображение любви»), семейные отношения («деревья – силуэты матери и отца смотрят на деревья – силуэты детей», «в центре де-

рева… что-то вроде родословной»), библейская тема («змей-сатана», «жертва», «зарождение жизни»), тема достижения («заросли – препятствие для достижения цели»).

Содержание ответов студентов с высокой флексибильностью отражало прежде всего космологическую тематику: «мир», «небо», «солнце», «море», «сверхновое яйцо».

Несмотря на то что ригидные респонденты в два раза чаще обращались к описанию «конкретных деталей», содержание этих ответов в группах ригидных и флексибильных качественно не отличалось. Респонденты обращали внимание на движения объектов, цветовую структуру, мелкие детали крупных предметов, например «деревянный мост», «березовые ветки», «коротко стриженная девушка», «зеленый остров», «тропическая Антарктика», «Северное море», «кукурузное поле», «густые мужские волосы», «на шее цепочка», «ледяные скалы», «проселочная дорога», «дорога, сырая от дождя», «затылок с косичкой». Стремление к описанию конкретных деталей объектов, воспринятых в картинах, отражает прежде всего наблюдательность и концентрацию внимания, что относится к профессионально важным качествам будущих биологов.

Модальность переживаний, описываемая обеими группами респондентов, включает как позитивные, так и негативные оценки животных и людей. Например, «испуганный заяц», «разъяренная кошка», «потрепанная лиса»; «отчаявшаяся девушка», «лица со страданиями», «усталый человек», «улыбающийся отец», «рыбак счастлив». В целом флексибильные респонденты оказались более склонными к оценочным суждениям по сравнению с ригидными, что, по нашему мнению, может отражать обобщенный уровень понимания ситуации. Выяснение причины этих различий требует дальнейших исследований.

В восприятии иллюзий проявились количественные и качественные различия сквозных характеристик увиденного (сравнения, действия, ответы с деструктивным содержанием). У ригидных был более выражен показатель сравнения, чем у флексибильных (51% и 17% соответственно), например «мужик похож на Индиану Джонса», «ветви с очертаниями кошачьей головы», «представление сил природы в человеческом облике», «гора в форме белого медведя», «айсберги похожи на татар с конями и волками».

В количественном и содержательном выражении показатель «действия» проявился одинаково в группах ригидных и флексибильных респондентов. Чаще всего встречались описания охоты, рыбалки и строительст-

ва, например «лиса охотится», «мужчина-ковбой ловит рыбу», «люди конструируют поломанное яйцо».

Элементы деструкции были выявлены у 53% флексибильных и 33% ригидных респондентов. В содержательном плане деструкция ригидных отражала страх нарушения целостности, потери структуры и разрыва отношений, например «конструкция разорвана», «яйцо взрывается», «люди в панике разбегаются», «разорванная скорлупа», «поломанное дерево», «ядерный взрыв», «дерево мутировало». У флексибильных респондентов отражена констатация умирания и угасания, например «безжизненная пустыня», «поваленный лес», «сухое, мертвое дерево», «сгоревшее дерево». В ряде случаев отражался страх возможных негативных последствий, например, «человека может снести ударной волной». По нашему мнению, деструктивные элементы в описаниях отражают внутреннюю напряженность, конфликтность и агрессивность респондентов.

Выводы. В данной работе были выделены и описаны специфические и сквозные характеристики в процессе восприятия картин-иллюзий. Выявлена специфика воспринимаемых образов в выборках ригидных и флексибильных респондентов. Ригидным было свойственно обращать внимание на скрытый смысл, использовать сравнения и конкретизировать увиденное; для флексибильных характерна оценочность суждений и наличие деструктивных элементов в интерпретации картин-иллюзий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бызова В.М., Перикова Е.И. К вопросу о критериях принятия решения в процессе преодоления визуальной неопределенности // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 1. С. 47–51.
2. Гусев А.Н. От психофизики «чистых» ощущений к психофизике сенсорных задач: системно-деятельностный подход в психофизике // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 143–155.
3. Карпинская В.Ю. Принятие сенсорных решений при предъявлении иллюзорных стимулов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 2. С. 109–116.
4. Шиффман Х.Ф. Ощущение и восприятие. СПб. : Питер, 2003. 928 с.
5. Mamassian P. Uncertainty and confidence in visual perception // Vision Research. 2008. № 48. P. 2143–2153.

Модель компетенций сотрудника отдела продаж недвижимости

Петрова В.Н., Захарова С.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Sales Staff's Competency Model

Petrova V.N., Zaharova S.V.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье описывается опыт разработки модели компетенций сотрудника отдела продаж строительной компании, дается характеристика специфических особенностей «длинных продаж», вводятся основные понятия компетентностного подхода, приводится перечень базовых и дифференцирующих компетенций для данного типа сотрудников.
Ключевые слова: «длинные продажи», модель компетенций сотрудника отдела продаж, компетентностный подход.

Abstract. The article describes the experience of developing competency models the sales staff of the construction company. It describes the specific features of "long sales"; the basic concepts of competence-based approach. There is a list of basic and differentiating competencies for this type of staff.
Keywords: "long sales", the sales staff's competency models, competence-based approach.

Эффективное управление продажами любой компании невозможно без постоянного и комплексного внимания к работе менеджеров по продажам. Успешность работы продавцов – одна из основных составляющих хороших продаж компании. Работа менеджера по продажам отличается точной определенностью задач: расширение клиентской базы, заключение договоров купли-продажи, привлечение прибыли и т.п. Если отбросить все причины отсутствия продаж, связанные с качеством товара, его востребованностью, плохим маркетингом и прочие, то остается только одна – менеджер не обладает нужными навыками и личностными характеристиками для результативных продаж. Для того чтобы найти профессионала, который гарантированно будет выполнять план продаж и, как желают все работодатели, делать из месяца в месяц все больше, нужно точно определить, какими качествами должен обладать такой сотрудник. Эти выявленные качества и становятся критериями отбора кандидатов на должность.

В данной статье мы рассматриваем деятельность менеджера по продажам в строительной компании. Продажа жилого фонда и больших коммерческих объектов имеет свои особенности. Это, как правило, «длинные продажи», время от знакомства с клиентом до собственно продажи может занимать несколько лет. Все это время надо поддерживать живой диалог с потенциальным покупателем, быть рядом с ним, демонстрировать оптимизм и искреннюю заинтересованность. Не каждый успешный продавец готов к тому, чтобы несколько лет топтаться на месте без видимого продвижения и ощутимых результатов. При этом, как любой менеджер по продажам, он не должен забывать о своей главной цели – заключить контракт и продать объект.

Решения о покупке больших коммерческих зданий всегда принимаются первыми лицами. Это большие инвестиции. Обычно клиенты внимательно исследуют все возможные альтернативы. Здесь практически не бывает спонтанных и импульсивных покупок. Необходимо общаться с собственниками бизнесов, первыми людьми в своих регионах. Они должны воспринимать менеджера по продажам как равного и как собеседника, к чьему мнению стоит прислушаться, чье время дорого стоит. Необходимо все время сохранять ровный партнерский тон, не поддаваться неизбежному давлению власти, силы, денег. Если покупатель видит, что продавец поддается, будьте уверены, что он использует все средства продавливания.

Эта область продаж, кроме всего прочего, необычайно чувствительна к профессионализму в обслуживании. Достаточно простого недоразумения или неосторожной оценки либо вовремя не объясненных отдельных аспектов возведения здания, формирования цены или особенности поставки – и отношения испорчены надолго, если не навсегда. Менеджер по продажам должен чувствовать тревогу и невысказанные сомнения клиента, уметь простым языком объяснить сложные моменты строительного процесса. Без всего этого трудно рассчитывать на долговременный успех в такой специфической отрасли. Здесь все операторы хорошо знакомы друг с другом, и эмоциональное неудовольствие вашего актуального клиента будет со временем ретранслировано всем потенциальным клиентам.

Конечно, не стоит забывать, что жилые дома и коммерческие здания – это технологически сложные продукты, поэтому менеджер по продажам должен обладать солидным багажом профессиональных знаний.

Для решения задач эффективного отбора кандидатов на должность, оценки эффективности деятельности уже работающих сотрудников наи-

более эффективным, на наш взгляд, является применение компетентностного подхода. Компетентностный подход как инструмент управления персоналом дает четкое определение профессиональных и поведенческих требований, предъявляемых к работнику в зависимости от его руководящего уровня, профессии, занимаемой должности и выполняемых задач. Универсальность модели компетенций заключается в том, что:

1) модель позволяет напрямую связать систему управления персоналом со стратегическими целями организации; эта связь выстраивается через определение профессиональных и личностных качеств менеджеров и специалистов, ключевых компетенций будущего компании;

2) компетенции способствуют формированию корпоративной культуры компании и достижению общего видения миссии и целей организации как руководством компании, так и ее сотрудниками;

3) модель описывает реально наблюдаемое поведение людей на работе простым и доступным для менеджеров и специалистов языком, что повышает отдачу при использовании компетенций.

Таким образом, компетентностный подход выступает сегодня основной управления персоналом в организации. Существуют три принципа, которым необходимо следовать, создавая модель профессиональных компетенций:

1) привлечение к разработке модели людей, которые будут использовать эту модель;

2) предоставление сотрудникам полной информации о том, что и почему происходит в компании;

3) стремление к тому, чтобы стандарты поведения, включенные в компетенции, подходили всем пользователям, а предполагаемые формы применения соответствовали корпоративным интересам.

Этапы разработки модели компетенций:

1. Определение стратегических приоритетов организации.

2. Выделение и описание стандартов рабочего поведения персонала организации, которые необходимы для реализации избранной стратегии.

3. Составление «профилей успеха» для каждой должностной позиции – определение знаний, навыков и личностных характеристик, необходимых для успешного выполнения функциональных обязанностей.

В нашем случае в результате эмпирического исследования, проведенного в одной из торгово-строительных компаний г. Томска модель компетенций менеджера по продажам выглядит следующим образом:

Компетенция **Воздействие, Оказание или Противостояние влиянию:**

1. Умение устанавливать доверительный контакт.
2. Обращение к проблемам клиента, его заботам.
3. Обладание навыками непрямого влияния.
4. Умение противостоять агрессивному воздействию.
5. Обладание навыками противостояния манипуляции.

Компетенция **Инициатива, Лояльность и Ориентация на достижение:**

1. Способность настаивать и проявлять упорство долгое время.
2. Взятие ответственности на себя.
3. Способность принимать и разделять цели и ценности компании как свои собственные.
4. Умение эффективно использовать нестандартные и внештатные ситуации.
5. Эффективное использование времени (фокусировка на возможностях потенциальной прибыли).

Компетенция **Межличностное понимание:**

1. Понимание невербального поведения.
2. Понимание позиции других, их намерений.
3. Прогнозирование реакции других.

Компетенция **Ориентация на обслуживание клиента (Клиентоориентированность):**

1. Осуществление дополнительных усилий с целью удовлетворения потребностей клиента.
2. Выявление и удовлетворение скрытых потребностей клиента.
3. Эффективная работа с претензиями и жалобами клиента (становиться доверенным советчиком для клиента).

Компетенция **Уверенность в себе:**

1. Уверенность в собственных способностях (силах).
2. Стремление браться за трудные дела.
3. Оптимистичный стиль.
4. Демонстрация уверенного поведения.
5. Умение признавать свои ограничения (недостатки).

Компетенция **Управление эмоциями (Стресс-устойчивость):**

1. Умение предвидеть и быть готовым преодолевать препятствия.
2. Обладание навыками психической саморегуляции.
3. Наличие позитивных установок, способствующих развитию психологической устойчивости (умению держать удар).

Базовые компетенции (обязательные требования к сотрудникам) устанавливались руководителями высшего уровня. Перечень базовых компетенций описывает своего рода идеальный портрет работника компании. Основные из них: преданность бизнесу, нацеленность на изменения, делегирование полномочий, работа в команде, безупречное выполнение своих обязанностей, порядочность.

Каждое из этих понятий наполнено конкретным содержанием. Руководители высшего и среднего звена собирались и обсуждали, как они понимают суть каждой из базовых компетенций, какое поведение ожидается от сотрудников и поощряется компанией.

Разработка и внедрение в практику работы отдела продаж торгово-строительной компании модели компетенций позволило:

1) разработать стандарты качества выполняемых работ;

2) определить сильные и слабые стороны каждого сотрудника и использовать эту информацию для планирования карьеры и развития;

3) сделать более согласованной и понятной процедуру оценки эффективности деятельности менеджеров по продажам в конкретные временные интервалы.

Проведенная оценка показала: большинство работников компании в полной мере обладают требуемыми базовыми компетенциями. Для тех, кто не всегда демонстрирует ожидаемое поведение, с помощью модели компетенций легко можно показать, чем их поведение отличается от ожидаемого, на что следует обратить внимание. Думаем, что сотрудников, чье поведение не соответствует базовым компетенциям, вообще не должно быть в компании, их нужно отсеивать еще на этапе подбора персонала. Вместе с тем наличие таких четких ориентиров, как базовые компетенции, помогает новичкам избрать правильную линию поведения, а тем, кто уже давно работает в компании, – оставаться в «нужном русле».

Литература

1. Альтшуллер Г. Найти идею: введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007.
2. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции в работе: модели максимальной эффективности работы. М. : HIPPO, 2005. 372 с.
3. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. М. : HIPPO, 2003. 228 с.
4. Чуркина М., Жадько Н. Управленческая эффективность руководителя. М. : Альпина Бизнес Букс, 2009.

Взаимосвязь имплицитных теорий школьников, их успеваемости и личностных свойств[*]

Полевая С.С.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The relationship of implicit theories of students, their academic performance and personal properties

Polevaia S.S.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье описывается исследование взаимосвязи имплицитных теорий интеллекта и личности с успеваемостью и личностными свойствами. Показаны отличия школьников с убеждениями в возможности наращивания интеллекта и убеждениями, что личность обогащается в течение жизни. Полученные результаты показывают необходимость дальнейшего исследования.
Ключевые слова: имплицитные теории, личность, интеллект, личностные свойства, успеваемость.

Abstract. This article describes the study of the relationship of implicit theories of intelligence and personality with academic performance and personal qualities. The differences of students with beliefs in the possibility of increasing intelligence and beliefs that enriched a person throughout life. The results show the need for further research.
Keywords: implicit theories, personality, intelligence, personal characteristics, academic performance.

Одной из важных проблем психолого-педагогических исследований является изучение различных факторов повышения успешности учебной деятельности учащихся, которая обусловлена множеством причин – социальных, педагогических, психологических и др. Наибольший интерес представляют индивидуально-психологические особенности учащихся, определяющие их способности к обучению и успешность учебной деятельности [4].

Для повышения познавательной активности школьников необходимо понять, как сами подростки воспринимают свою учебную деятельность.

[*] Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

Возможность проникнуть в субъективное восприятие человеком тех или иных явлений предоставляют исследования в области имплицитных теорий. Имплицитные теории – это стихийно сложившиеся представления, которые относятся субъектом к самому себе и окружающим людям. К. Двек [3] рассматривает имплицитные теории в качестве факторов внутренней детерминации обучения и отмечает, что люди различаются по своим представлениям об интеллекте и личности. Одни люди рассматривают интеллект и личность как неизменные величины («fixed»), другие – как изменяемые, приращиваемые в процессе обучения («grow»). При этом в теории К. Двек делается акцент на том, что представления человека о себе, в частности о своем интеллекте и личности, имеют большое значение для мотивации достижений и в целом определяют успех человека в жизни [2, 3].

Целью нашей работы было установление взаимосвязей между имплицитными теориями, сложившимися у школьников, их успеваемостью и личностными свойствами, которые отражают особенности самоорганизации деятельности.

В психодиагностическом исследовании были использованы методики: опросник К. Двек «Имплицитные теории и цели обучения», модифицированный Т.В. Корниловой и С.Д. Смирновым [3]; «Опросник самоорганизации деятельности» (ОСД, Мандрикова Е.Ю.) для изучения личностных свойств; шкала удовлетворенности жизнью (Э. Динер, в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина) [1]; шкала «открытость» из опросника «Большая пятерка» [5]. Учитывалась также успеваемость, которая измерялась в усредненной балльной оценке за год по русскому языку и математике за 10 класс.

Исследовательскую выборку составили 50 юношей и девушек, обучающихся в 10 классе общеобразовательной школы г. Томска.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием описательной статистики и корреляционного анализа из пакета программ Statistica 6.0.

По результатам исследования были выявлены корреляционные связи между показателем убеждения в возможности наращивания интеллекта и индексом «целеустремленность» ОСД (r = 0,372; p = 0,008), шкалой «степень удачи или везения» ШБУ (r = 0,371; p = 0,010), показателем «открытость знаниям» теста В5 (r = 0,443; p = 0,003), успеваемостью по русскому языку (r = 0,308; p = 0,037). Это означает, что школьники, разделяющие идею о возможности наращивания интеллекта, отличаются оптими-

стичностью, им присуща вера в собственное везение, они открыты новым знаниям, способны смело ставить цели и настойчиво устремляться на их достижение, у них более высокая успеваемость по русскому языку.

Были выявлены корреляционные связи между показателем убеждения в том, что личность обогащается в течение жизни, и такими показателями как «планомерность» (r = 0,304; p = 0,032) и «рациональность» ОСД (r = 0,278; p = 0,050), «степень удачи или везения» ШБУ (r = 0,474; p = 0,001), «открытость знаниям» В5 (r = 0,384; p = 0,010), успеваемость по русскому языку (r = 0,352; p = 0,016). Как и в предыдущем случае, школьники, разделяющие убеждение в возможности развития личности, характеризуются открытостью знаниям, оптимизмом и верой в свою удачливость, более высокими оценками по русскому языку. Однако им, в отличие от школьников с убеждениями в возможности наращивания интеллекта, свойственны склонность к планированию деятельности и рациональное отношение к деятельности.

Отмечается корреляционная взаимосвязь между шкалой «принятие целей обучения» и шкалой «фиксация» ОСД (r = 0,332; p = 0,018), и оценками по математике (r = –0,296; p = 0,045). Это свидетельствует о том, что чем больше ученики 10 класса принимают цели обучения, тем в большей степени они склонны фиксироваться на процессе обучения, т.е. фиксация школьника на процессе обучения может способствовать его концентрации на этом процессе. В свою очередь, отсутствие отвлечений от учебы и переключений на другие виды активности может обеспечить более высокие академические достижения.

Оказалось, чем больше обучающиеся принимают цели обучения, тем ниже их удовлетворенность жизнью. На это указывает обратная корреляционная связь между показателем «принятие целей обучения» и шкалой «удовлетворенность жизнью» (r = –0,326; p = 0,030). Можно высказать предположение, что принятие школьниками целей обучения и их сосредоточенность на учебе не способствуют достижению удовлетворенности потому, что учащиеся понимают, что жизнь гораздо разнообразнее и не сводится лишь к учебе. Другое объяснение данному феномену может быть связано с тем, что, принимая цели обучения и сосредоточиваясь на процессе, школьники не могут получить какой-либо личностно-значимый результат, обусловливающий их удовлетворенность жизнью.

Значимая корреляционная связь была выявлена между показателем «самооценка обучения» и показателями ОСД «планомерность» (r = 0,513; p = 0,000), «целеполагание» (r = 0,465; p = 0,001), «целеустремленность»

(r = 0,527; p = 0,000). Это позволяет сделать вывод о том, что склонность планировать собственную деятельность, склонность к постановке целей и целеустремленность могут способствовать достижению более высоких академических результатов и, как следствие, более высокой самооценке обучения. На неё также влияют такие базисные убеждения, как «убеждение в благосклонности мира» (r = 0,404; p = 0,005), «степень удачи или везения» (r = 0,297; p = 0,042), «ценность Я» (r = 0,298; p = 0,041), а также «открытость опыту» (r = 0,320; p = 0,034) и «удовлетворены жизнью» (r = 0,320; p = 0,034). Высокой самооценке школьниками своего обучения, вероятно, способствуют высокие баллы по русскому языку (r = 0,441; p = 0,002) и математике (r = 0,322; p = 0,029).

Таким образом, результаты исследования показывают, что у школьников 10-х классов имплицитные теории (как убеждения в возможности развития интеллекта и личности) связаны с такими личностными свойствами, как открытость знаниям, убеждение в собственной удачливости, целеустремленность и склонность к планированию деятельности. Наблюдается значимая связь имплицитных теорий с успеваемостью по русскому языку. Самооценка школьниками своего обучения позитивно коррелирует с рядом анализируемых личностных свойств. Противоречивые данные получены относительно показателя «принятие целей обучения», что может быть обусловлено спецификой школьной выборки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомаз С.А. Инновационный потенциал личности и его оценка // Социальный мир человека : материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и мир: психология конфликта, неопределенности и риска инноваций», 17–19 апреля 2014 г., г. Ижевск / под ред. Н.И. Леонова. Ижевск : ERGO, 2014. Вып. 5. С. 275–279.
2. Виндекер О.С., Бердникова Д.В. Мотивационные особенности студентов-психологов с разными имплицитными теориями интеллекта и личности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2 (126). С. 140–148.
3. Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов, М.А. Чумакова [и др.] // Психологический журнал. 2008. № 3. С. 106–120.
4. Муталимова А.М. Каузальные атрибуции достижений и успешность учебной деятельности старшеклассников // Российский психологический журнал. 2009. № 4. С. 61–66.
5. Barbaranelli C., Caprara G.V. Measuring the Big Five in self report and other ratings: a multitrait-multimethod study // European Journal of Psychological Assessment. 2000. № 16. P. 29–41.

Соотношение личностной беспомощности и семейных взаимоотношений*

Пономарева И.В., Эвнина К.Ю.
Челябинский государственный университет, Челябинск

The ratio of personal helplessness and family relationships

Ponomareva I.V., Evnina K.Y.
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Аннотация. Семья, рассматриваемая авторами статьи с позиций системного подхода, выступает средовым фактором становления личностной беспомощности. В рамках системного подхода приводятся теоретические предпосылки интерпретации соотношения личностной беспомощности и семейных взаимоотношений, а также выводы по результатам эмпирических исследований, указывающие на взаимосвязь личностной беспомощности и нарушений семейных взаимоотношений.
Ключевые слова: системный подход, семья, личностная беспомощность, семейные взаимоотношения.

Abstract. Family, considered by the authors to the system approach, in favor of environmental factors of formation of personal helplessness. As part of a systematic approach provides theoretical background of personal interpretation of the relation helplessness and family relationships, as well as the findings of the empirical studies indicating the relationship of personal helplessness and violations of family relationships.
Keywords: systemic approach, family, personal helplessness, family relationships.

Системное изучение психики человека делает современные исследования более глубокими и многогранными, позволяет получить более точное представление о внутреннем мире человека и механизмах его функционирования. Одним из способов реализации таких исследований является изучение системных характеристик личности. Системный подход в отечественной психологии является в настоящее время методологической основой изучения такой характеристики личности, как беспомощность.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда на 2014–2015 гг., ГК № 14-06-00577а.

Детальное обращение Д.А. Циринг (2001, 2010) к явлению выученной беспомощности, описываемому М. Селигманом в одноименной теории, привело к исследованию нового феномена в психологии и созданию целостной концепции, посвященной личностной беспомощности. Концепция личностной беспомощности, являясь другим уровнем осмысления феномена беспомощности в целом, не противоречит традиционным представлениям о выученной беспомощности, а рассматривает ее как возможное проявление личностной беспомощности. Личностная беспомощность – это качество субъекта, представляющее собой единство определенных личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, т.е. низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать цели, преодолевая различного рода трудности [3]. Такими внутренними условиями являются эмоциональные, мотивационные, когнитивные и волевые особенности личности. Внешними условиями выступают неподконтрольные события, нарушения в системе семейных взаимоотношений, причем последние являются решающими для возникновения личностной беспомощности.

Семья, как известно, является системой. Этот подход к семье разрабатывался Мюрреем Боуэном ещё с 50-х гг. XX в. и вылился в теорию семейных систем, являющуюся одной из базовых в современной системной семейной психотерапии, которая в настоящий момент признана одним из наиболее эффективных направлений. Помимо М. Боуэна, представителями системного направления в изучении семьи являются М. Сельвини-Палаццоли, Л. Босколо, Дж.-Ф. Чеккин, Дж. Прата, Д. Хейли, К. Маданес, С. Минухин, Х. Вайнер, А. Куклин, Дж.-Г. Барнс, Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, А.Я. Варга. Системный подход к изучению семьи восходит к исследованиям паттернов коммуникации Грегори Бейтсона, Джея Хейли, Пола Вацлавика, Харли Шендса. Для выявления роли семьи в формировании личностной беспомощности важно рассмотреть эту проблему в рамках системного подхода.

Согласно системному подходу, личность и межличностные отношения в семье являются взаимно детерминированными, т.е. стиль общения, характер взаимодействия, тип воспитания, с одной стороны, и личностные особенности членов семьи – с другой, образуют замкнутый, постоянно воспроизводящийся гомеостатический цикл (M. Andolfi, 1980, по

Э.Г. Эйдемиллеру). В соответствии с представлениями Л.С. Выготского и его последователей, интрапсихологические процессы, то есть внутренние процессы человеческой психики, складываются на основе интерпсихологических, то есть межличностных, социальных процессов, в качестве которых выступают взаимоотношения в семье. Индивидуальные особенности человека, каким бы непохожим, самобытным он ни казался, в своей основе имеют системное происхождение, они являются порождением системы. «Индивидуальность личности, какой бы самобытной, неповторимой и непредсказуемой она ни была, порождается присущим системе образом жизни» (А.Г. Асмолов). Как отмечает А.В. Черников, пациента легче понять, «рассматривая его не только через призму интрапсихических проблем (тревожность, внутренние дилеммы, психосоматика и т.д.), но и с точки зрения целого, то есть в контексте социальных связей, составной частью которых он является. Для ребёнка системой, порождающей совокупность личностных особенностей, представляющих собой личностную беспомощность либо самостоятельность (равно как и все промежуточные варианты), является в первую очередь семья. Семья, являясь системой, первична по отношению к ребёнку как входящему в неё элементу. Семейные отношения, а точнее, детско-родительские отношения для ребёнка выступают в роли наиболее важных, значимых, чем объясняется их ведущая роль в формировании патогенных ситуаций и психических нарушений.

При изучении роли семьи в формировании личностной беспомощности особое значение приобретает понятие дифференциации Я, являющееся одним из ключевых в теории семейных систем Мюррея Боуэна. Семейное благополучие или неблагополучие непосредственно зависит от уровня дифференциации личности и межличностных отношений в семье. Недифференцированность на индивидуальном уровне характеризуется эмоциональной незрелостью, низкой стрессоустойчивостью, зависимостью от массового сознания и мнения окружающих, догматизмом, неадекватной самооценкой. Низкая дифференцированность как семейная характеристика проявляется в сверхблизости или отчуждённости между членами семьи, зависимости эмоционального состояния каждого члена семьи от одного и того же фактора семейной атмосферы. Недифференцированность связана с ригидностью семьи как системы, недостаточной способностью адекватно реагировать на перемены, в том числе переходить с одного этапа жизненного цикла семьи к другому. Беспомощность

связана с недостаточной адаптивностью в социуме и свидетельствует о том, что семья, демонстрирующая её, является в большей или меньшей степени дисфункциональной, а в дисфункциональных семьях действие закона гомеостаза сильнее, чем действие закона развития. И если семья характеризуется недифференцированностью, она стремится к сохранению этой особенности [4].

Личностная беспомощность является ярким проявлением низкой степени дифференцированности, она связана с недостаточностью у ребёнка собственных внутренних ресурсов для разрешения проблем различного уровня, зависимостью от окружающих, а для родителей она даёт возможность проявлять чрезмерную заботу, подкрепляет убеждение родителей в том, что их помощь необходима ребёнку даже там, где другие дети проявляют самостоятельность, укрепляя таким образом симбиоз ребёнка с родителем [4]. Тревога родителей, связанная с низким уровнем дифференциации, выражается в родительской опеке, внимании, заботе, приобретающих чрезмерный характер и не соответствующих потребностям ребёнка. В такой ситуации ребёнок лишён возможности проявлять самостоятельность, ответственность, обрести автономию. В другом варианте беспомощность ребёнка, его «неспособность» справиться с какой-либо ситуацией служат для родителей оправданием собственной жестокости, агрессивного поведения. Логично предположить, что именно семьи, отличающиеся низкой дифференцированностью, где высока степень зависимости членов семьи друг от друга, поощряют недифференцированность у детей, не позволяют им обрести независимость, формируя определённым стилем отношений, стилем воспитания беспомощность как устойчивую характеристику личности. Стиль воспитания, по определению А.Л. Венгера, – это стиль взаимоотношений с ребёнком в семье, характеризуемый степенью контроля, заботы и опеки, теснотой эмоциональных контактов между родителями и ребёнком, характером руководства поведением ребёнка со стороны взрослых, количеством запретов. Дети с личностной беспомощностью, таким образом, в определённом смысле обеспечивают сохранность семьи, укрепляя взаимозависимость её членов. Очевидно, детерминирующими личностную беспомощность стилями воспитания (по классификации Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса) являются гиперпротекция, потворствование, чрезмерность требований, запретов и санкций, а также неустойчивость стилей воспитания [1, 2].

Данные, полученные в исследованиях личностной беспомощности, расширяют представления о факторах развития субъектности человека, задают новые перспективы поисков в психологии её развития. Исследовательские усилия в этом направлении продвинут отечественную психологию к построению целостной психологии субъекта, отвечающей современным методологическим тенденциям постнеклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарева И.В. Личностная беспомощность подростков из семей с нарушениями взаимоотношений. Челябинск : Печатный двор, 2014. 152 с.
2. Циринг Д.А. Семья как фактор формирования личностной беспомощности у детей // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 22–31.
3. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. М. : Академия, 2010. 410 с.
4. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 2-е изд., расшир. и доп. СПб. : Питер, 2000. 656 с.

Проблемы выбора жизненных установок в ситуации тяжелого заболевания

Попенко Н.В.

Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск

The Problems of Choice of Life Attitudes in the Situation of Serious Disease

Popenko N.V.

Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V. F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk

Аннотация. В статье рассмотрена проблема жизненных ценностей больных в ситуации болезни. При комплексном изучении жизнеизменяющих процессов у пациентов с хроническими облитерирующими заболеваниями артерий нижних конечностей обоснована необходимость оказания им психологической помощи в условиях стационара. Программа медико-психологического сопровождения направлена на активизацию внутренних ресурсов и адаптацию к изменяющимся условиям жизни. Результаты про-

веденного исследования свидетельствуют о значимости осознания сохранения здоровья.
Ключевые слова: болезнь, жизненные ценности, психологическое сопровождение, внутренние ресурсы, здоровье.

Abstract. This article considers the problem of life values of patients in the situation of illness. The comprehensive study of lifechanging processes in patients with chronic obliterating diseases of the artiries of lower extremities shows the necessity of psychological assistance to patients in hospital. The programme of medical-psychological support is aimed at the activation of internal resources and the adaptation to the changing conditions of life. The results of the study show the importance of awarenes of the preservation of health.
Keywords: disease (illness), life values, psychological support, internal resources, health.

В.М. Бехтерев признавал, «что вопрос о жизни поставлен таким образом, что обыкновенными механическими условиями объяснить ее проявления нельзя». Человек обеспечивает устойчивость своего бытия, расширяя собственное жизненное пространство за счет динамики ценностно-смысловых измерений [1]. В ситуации тяжелого заболевания здоровье приобретает значимую ценность, которая в настоящий момент недоступна [3]. Желание изменить ситуацию – это не что иное, как вовлеченность. Быть вовлеченным – значит в ситуации обладать значимостью для себя, защищать себя от боли и изменений. Жизнеизменяющие процессы – такая жизненная динамика, которая позволяет отвечать на вопросы жизни так, чтобы сделать её аутентичной и более реализованной, исходя из возможностей человека [5].

В течение нескольких десятилетий сердечно-сосудистые заболевания остаются основной причиной в структуре смертности, обуславливая 49% всех смертей и 30% смертей лиц в возрасте моложе 65 лет [2].

Изучение жизненных установок у пациентов с хроническими облитерирующими заболеваниями артерий нижних конечностей и возможности психологического сопровождения таких пациентов является на сегодняшний день актуальной проблемой.

Материалы и методы исследования. Психологическое сопровождение проводилось индивидуально во время прохождения пациентами лечения в стационаре. Больные, перенесшие реконструктивную операцию, находились на лечении в среднем 14–18 дней, количество проведенных встреч – 7. Перед выпиской, по окончании программы медико-

психологического сопровождения, пациенты повторно проходили психодиагностику. В программе психологического сопровождения участвовали 15 человек.

Медико-психологическое сопровождение в стационаре складывается из комплекса проводимых мер: непосредственно хирургическое или консервативное лечение, медикаментозное, физиотерапевтическое лечение и психологическое сопровождение.

Психологическое сопровождение лечебного процесса пациентов хирургического профиля, в частности больных с хроническими облитерирующими заболеваниями артерий нижних конечностей, – это система мер, направленных на поддержание и оптимизацию внутренних личностных ресурсов пациента в ситуации тяжелой болезни.

Нами была использована методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (УСЦД Е.Б. Фанталовой [4]). Данная методика используется для диагностики рассогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, внутренней конфликтности, блокады основных потребностей, а также уровня самореализации, интегрированности, гармонии.

Результаты исследования. Анализируя показатели ценностных предпочтений до (рис. 1), и после (рис. 2) проведения программы медико-психологического сопровождения, мы видим, что до психологического сопровождения присутствует внутренний конфликт (ВК) в такой ценности, как «здоровье», представленный у пациентов в виде «ценности» и «недоступности» данного показателя. После оказания психологической помощи наблюдается тенденция к сокращению разрыва между «ценностью» здоровья по «доступности», что может быть связано с осознанием значимости сохранения здоровья.

Также произошли изменения параметра «Красота природы и искусства», где был выявлен внутренний вакуум (ВВ), что свидетельствует о его доступности, но низкой значимости как ценности.

Таким образом, изменения, произошедшие с пациентами с хроническими облитерирующими заболеваниями артерий нижних конечностей (после реконструктивных операций) в ходе применения программы медико-психологического сопровождения, свидетельствуют о том, что психологическая помощь является «пусковым механизмом» изменения определенных психических состояний, формирования позитивного отношения, спо-

собствует преодолению недоверия к себе и определяет возможности оптимизации внутренних психологических ресурсов пациентов.

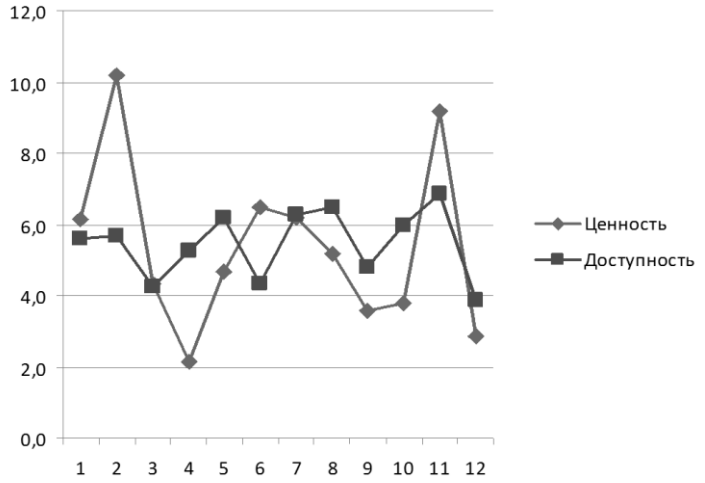


Рис. 1. Соотношение уровня «ценности» по «доступности» у пациентов до психологического сопровождения

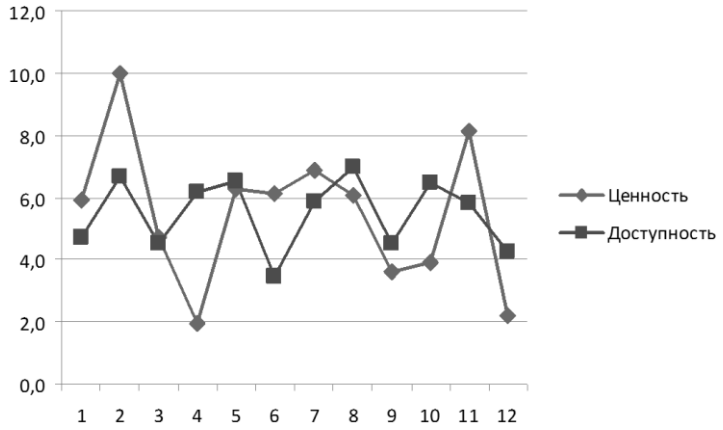


Рис. 2. Соотношение уровня «ценности» по «доступности» у пациентов после оказания психологической помощи

ЛИТЕРАТУРА

1. Бехтерев В.М. Психика и жизнь // Избранные труды по психологии личности : в 2 т. СПб. : Алетейя, 1999. Т. 1. 256 с.
2. Гавриленко А.В., Скрылев С.И. Хирургическое лечение больных с критической ишемией нижних конечностей. М., 2005. 176 с.
3. Доманов О.А. О некоторых особенностях тревоги в философии Хайдеггера // Вестник НГУ. Сер. Философия. 2011. Т. 9, вып. 2. С. 142–147.
4. Фанталова Е.Б. Психометрическое исследование показателей методики «Уровень соотношения “ценности” и “доступности”» // Журнал практикующего психолога. 2010. № 17. С. 175–201.
5. Хайдеггер М. Что такое метафизика. Введение // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 22–28.

Изучение самосознания больных пожилого возраста с ишемической болезнью сердца

Пугачева Н.Ю.
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск

The study of consciousness of elderly patients with coronary heart disease

Pugacheva N.Y.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk

Аннотация. Ишемическая болезнь сердца – важная проблема здравоохранения. Число заболевших с каждым годом увеличивается в 3 раза. Человек, приобретя эту болезнь, должен до конца жизни соблюдать строгий терапевтический режим. С помощью эмпирических методов диагностики проведено исследование пожилых людей в возрасте 56–75 лет.
Ключевые слова: ишемическая болезнь сердца, тяжелая болезнь, высокая инвалидизация, самосознание человека, эмпирические методы.

Abstract. Coronary artery disease is an important public health problem. The number of cases is increasing 3 times every year. If a person has acquired the disease, it must follow a strict therapeutic regimen for life. We conducted a study of elderly people aged 56-75 years, with diagnosis using empirical methods.
Keywords: Coronary heart disease, serious illness, high disability, self-consciousness, empirical methods.

Актуальность темы исследования обусловлена значительным увеличением числа людей, перенесших ИБС за последние 15 лет: их число возросло более чем в 3 раза. Это связано, по мнению специалистов, в том числе и с социально-экономическими изменениями в обществе, вызывающими большое число соматических заболеваний. Общеизвестно, что сложные жизненные ситуации и соответствующие им переживания – страх, депрессии, эмоциональные переживания, конфликты – приводят к возникновению ИБС.

Ишемическая болезнь сердца – важнейшая проблема современного здравоохранения, одна из главных причин смертности населения промышленно развитых стран. Она поражает работоспособных мужчин (в большей степени, чем женщин) неожиданно, в разгар самой активной деятельности. Те, кто не умирает, часто становятся инвалидами.

Под ишемической болезнью сердца понимают патологическое состояние, развивающееся при нарушении соответствия между потребностью в кровоснабжении сердца и его реальным осуществлением. Это несоответствие может возникать при сохраняющемся на определенном уровне кровоснабжении миокарда, но резко возросшей потребности в нем, при сохраняющейся потребности, но упавшем кровоснабжении. Особенно выражено несоответствие в случаях снижения уровня кровоснабжения и возрастающей потребности миокарда в притоке крови.

Человек, заболевший тяжелой болезнью, вынужденный на протяжении всей жизни соблюдать строгий терапевтический режим и возвращающийся к нормальной жизни, работе, общению, принужден учитывать много новых условий, изменений, внесенных болезнью в его жизнь. Наиболее важным здесь является самосознание человека. Ведь высокий уровень развития самосознания отражается главным образом в позитивном самоотношении личности, а самоотношение оказывает регулирующее влияние практически на все аспекты поведения человека, играя особую роль в установлении межличностных отношений, постановке и достижении целей, способах формирования и разрешения кризисных ситуаций. От того, как меняется самоотношение, зависит самочувствие, работоспособность, настроение человека, его отношение к окружающему миру, а также прогноз на будущее.

Для изучения самосознания больных пожилого возраста с ИБС была сделана выборка из 40 человек:

1) экспериментальная группа – больные ИБС в возрасте 56–75 лет (20 человек);

2) контрольная группа – люди без данного заболевания в возрасте 56–75 лет (20 человек).

Были применены эмпирические методы исследования:

1) методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелеева;

2) методика личностного дифференциала, адаптированная в НИИ им. В.М. Бехтерева;

3) тест на самоуважение, шкала М. Розенберга.

Полученные в ходе нашего исследования результаты позволяют сделать следующие выводы:

1) людям с ИБС свойственно защитное поведение личности, желание соответствовать общепринятым нормам поведения и взаимоотношений с окружающими людьми; они более критичны к своему «Я» (низкая самооценка, неуверенность в себе и самоунижение), в отличие от людей без данной патологии;

2) люди с диагнозом ИБС являются интровертами, они закрыты, необщительны, пассивны и эмоционально спокойны, также отмечаются недостаточный самоконтроль, зависимость от внешних обстоятельств и оценок;

3) больным ИБС свойственно воспринимать себя на общем негативном фоне, видеть только свои недостатки и акцентировать внимание только на своих слабых сторонах, т.е. у них низкий уровень самоуважения по сравнению со здоровыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян Т.А. Основные принципы психокоррекции при гипертонической болезни // Атмосфера. 2002. Т. 1, № 2. С. 5–7.
2. Анастази А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб., 2001. С. 383–389.
3. Взаимосвязь поведенческих особенностей личности и состояния коронарных артерий у больных ишемической болезнью сердца : учеб.-метод. рекомендации / В.Н. Федорец, В.Г. Радченко, А.А. Скоромец, К.Л. Козлов. СПб., 2004. 24 с.
4. Качество жизни больного пожилого и старческого возраста с ИБС после частичной реваскуляризации миокарда / Н.В. Петрова, К.Л. Козлов, В.Н. Федорец [и др.] // Актуальные вопросы внутренних болезней : сб., посвящ. памяти профессора А.А. Кедрова. СПб., 2005. С. 25–30.
5. Козлов К.Л., Федорец В.Н., Кузнецов А.В. Психосоматические и поведенческие проблемы у больных ишемической болезнью сердца пожилого и старческого возраста // Проблемы геронтологии и гериатрии. 2004 : материалы 2 республиканской научно-практической конференции с международным участием. Сыктывкар, 2004. С. 44–45.

К вопросу о роли когнитивного инсайта в норме и патологии: апробация шкалы когнитивного инсайта А. Бека в группе ультравысокого риска развития шизофрении*

Рассказова Е.И.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва; Научный центр психического здоровья, Москва; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

To the question of the role of cognitive insight in health and mental illness: Validation of the Beck Cognitive Insight Scale in youth with ultra high risk for psychosis

Rasskazova E.I.
Lomonosov's Moscow State University, Moscow; Mental Health Research Center, Moscow; Higher School of Economics, Moscow

Аннотация. Статья посвящена апробации шкалы когнитивного инсайта А. Бека в группе больных непсихотическими заболеваниями юношеского возраста с ультравысоким риском развития шизофрении. На материале 76 больных с расстройствами настроения, личности и шизотипическим расстройством и 55 здоровых испытуемых была показана неоднородность когнитивного инсайта, отражающего в группах с расстройствами настроения и шизотипическим расстройством тревожное и неуверенное отношение к своему опыту, нежели истинную критичность.
Ключевые слова: шкала когнитивного инсайта А. Бека, ультравысокий риск развития шизофрении, юношеский возраст, непсихотические расстройства, психопатологические симптомы.

Abstract. The paper is devoted to the validation of the Beck's Cognitive Insight Scale in the group of youth with non-psychotic disorders and ultra high risk of psychosis. In 76 patients with mood disorders, personality disorders and schizotypal disorder and 55 healthy subjects we have shown the heterogeneity of cognitive insight, reflecting in groups of mood disorders and schizotypal disorder merely anxiety and uncertainty related to subjective experience, rather than the true critisism.
Keywords: Beck's Cognitive Insight Scale, ultra high risk for psychosis, youth, non-psychotic mental disorders, psychopathological symptoms.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых в рамках проекта «Отношение к болезни и качество жизни при психических заболеваниях», МК4230.2015.6.

Когнитивный инсайт – понятие, предложенное А. Беком в русле когнитивного подхода, описывающее способность относиться к своему опыту критично, возможность оценки и коррекции ошибочных или не соответствующих ситуации убеждений и ложных интерпретаций, в том числе на основе обратной связи [3]. С точки зрения когнитивной модели, когнитивный инсайт играет ключевую роль в лечении психотических расстройств, являясь благоприятным прогностическим признаком, особенно при психотерапии, поскольку позволяет больному критично относиться к бредовым расстройствам и галлюцинациям, обеспечивая как лучший комплайенс, так и возможности активного совладания с позитивными симптомами.

Русскоязычная версия шкалы когнитивного инсайта А. Бека была апробирована лишь в норме [2]: были показаны ее надежность-согласованность и высокая ретестовая надежность. Показатель когнитивного инсайта положительно коррелирует с ретроспективной рефлексивностью и поиском социальной поддержки; однако также положительно коррелирует с выраженностью отдельных жалоб на психопатологические симптомы, связанные с тревогой и депрессией (обсессивность-компульсивность, тревожность, межличностная тревожность, депрессивность) и отрицательно – с субъективным благополучием, что позволяет предполагать неоднородность когнитивного инсайта [4]. Тем не менее уровень когнитивного инсайта в норме позволяет независимо от выраженности психопатологической симптоматики предсказать готовность обращения за психотерапевтической помощью.

Целью данной работы является апробация шкалы когнитивного инсайта в группе непсихотических больных с ультравысоким риском развития шизофрении. Группа с ультравысоким риском развития шизофрении была выделена в рамках различных непсихотических расстройств (настроения, личности, шизотипического расстройства) на основе эмпирических исследований прогностических факторов развития психозов [5]. К настоящему моменту критерии группы ультравысокого риска включают как минимум один из четырех признаков [1]: 1) наличие повторяющихся ослабленных подпороговых психотических симптомов; 2) транзиторные психотические симптомы; 3) наличие наследственной отягощенности или шизотипического расстройства со значительным ухудшением преморбидного функционирования; 4) наличие «базисных» симптомов (субъективно выявляемых нарушений в сферах перцепции, мышления, речи и внимания, по своей структуре не относящихся к классическим психотическим расстройствам).

Пациенты с ультравысоким риском развития шизофрении являются интересной моделью исследования когнитивного инсайта, поскольку занимают, метафорически говоря, «промежуточное» положение между больными с психозами и контрольной группой. С одной стороны, в соответствии с когнитивным подходом закономерно предполагать, что в этой группе когнитивный инсайт является важным прогностическим фактором превенции развития шизофрении, а его улучшение будет связано с редукцией симптомов. С другой стороны, тесная связь когнитивного инсайта с тревожностью и депрессивностью в норме может свидетельствовать о его неоднородности: так, высокие показатели по шкале могут объясняться не только критичным отношением к своему опыту, но и тревожным вниманием к нему, неуверенностью и склонностью к перепроверкам (Рассказова, Плужников, 2013). С этой точки зрения когнитивный инсайт в группе ультравысокого риска развития шизофрении может быть не ниже, а выше, чем в норме, и будет тесно связан с выраженностью симптомов тревоги и депрессии.

В клиническую группу вошли 76 больных непсихотическими психическими расстройствами юношеского возраста, соответствующих критериям ультравысокого риска по развитию шизофрении, в возрасте от 16 до 25 лет (средний возраст 20,0 ± 2,4 года). Критериями включения были юношеский возраст (16–25 лет), психопатологическая симптоматика непсихотического уровня, наличие отдельных симптомов психотического спектра. Критерии исключения: отсутствие сопутствующей психической (ранее перенесенные психотические приступы, органическое психическое расстройство, алкоголизм, наркомания, умственная отсталость), клинически значимой соматической или неврологической патологии. В соответствии с нозологической принадлежностью по критериям МКБ-10 больные были подразделены на три группы: расстройства настроения (39,5%); расстройства личности (32,9%), шизотипическое расстройство (27,6%).

В контрольную группу были включены 55 юношей в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 20,4 ± 2,5 года), не имевших (по данным самоотчета) опыта психических расстройств и не обращавшихся ранее за психиатрической помощью, не страдающих хроническими неврологическими заболеваниями и зависимостью от психоактивных веществ.

Использовались следующие методики:

1. Шкала когнитивного инсайта А. Бека [2].

2. Для оценки уровня субъективного благополучия использовались две методики:

a. Шкала счастья С. Любомирски в апробации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева.

b. Краткий опросник качества жизни и удовлетворенности в модификации для психических заболеваний в апробации Е.И. Рассказовой.

3. Для оценки выраженности жалоб на психопатологические симптомы использовался опросник психопатологической симптоматики в апробации Н.В. Тарабриной.

Надежность-согласованность (альфа Кронбаха) шкалы когнитивного инсайта А. Бека составила 0,71, 0,60 и 0,70 в трех клинических группах соответственно; хотя эти значения невысоки, в двух группах из трех они приемлемы. Низкий показатель альфа Кронбаха в группе с личностными расстройствами может объясняться неоднородностью самой группы (в отличие от группы расстройств настроения, где у большинства больных отмечался депрессивный синдром, и группы шизотипического расстройства)

Юноши клинической группы характеризуются более высоким уровнем когнитивного инсайта, по сравнению с контрольной группой ($p < 0,01$), причем максимальные значения характерны для группы с шизотипическими расстройствами.

В полном соответствии с данными апробации шкалы когнитивного инсайта А. Бека (Рассказова, Плужников, 2013), у больных уровень когнитивного инсайта отрицательно связан с качеством жизни в социальной сфере ($r = –0,23$, $p < 0,05$) и положительно – с выраженностью жалоб на обсессивно-компульсивные симптомы, межличностную тревожность и психотизм ($r = 0,26–0,29$, $p<0,05$).

По результатам анализа иерархического регрессионного анализа (независимые переменные на первом шаге – группа, на втором – уровень когнитивного инсайта, на третьем – взаимодействие между ними) как в контрольной, так и в клинических группах более высокий уровень когнитивного инсайта связан с более частыми жалобами на обсессивно-компульсивные симптомы, симптомы межличностной тревожности, депрессии, тревоги, психотизма, а также с более высокими значениями общего симптоматического индекса и индекса тяжести дистресса ($\Delta R^2 = 3,4–6,8\%$, $p < 0,05$).

Вклад когнитивного инсайта в удовлетворенность активностью в свободное время различается в зависимости от клинической группы ($\Delta R^2 = 8,3\%$, $p < 0,05$): если в контрольной группе и при расстройствах настроения эти показатели не связаны, то при личностных расстройствах когни-

тивный инсайт связан с несколько более низким качеством жизни в сфере активности в свободное время, тогда как при шизотипическом расстройстве – с более высоким. Другое различие касается группы больных с личностными расстройствами: в ней когнитивный инсайт связан с более выраженными жалобами на фобические симптомы, тогда как в других клинических и контрольной группах они не связаны ($\Delta R^2 = 4{,}8\%$, $p < 0{,}05$). Наконец, хотя в целом когнитивный инсайт связан с большей тяжестью субъективных психопатологических симптомов (индексом тяжести дистресса), в группе с шизотипическим расстройством эта связь сильнее ($\Delta R^2 = 5{,}9\%$, $p < 0{,}05$).

В целом шкала когнитивного инсайта может быть признана достаточно надежной для исследования пациентов с ультравысоким риском развития шизофрении. Полученные результаты согласуются с данными, полученными в норме (Рассказова, Плужников, 2013) и при шизофрении (Orfei et al., 2010), свидетельствуя о неоднородности понятия когнитивного инсайта, отражающего, с одной стороны, рефлексивное и критичное отношение к опыту, а с другой – тревожное «прислушивание» к себе и сомнения (при этом когнитивный инсайт является не истинной критичностью, а следствием психопатологической симптоматики). Можно предполагать, что первый компонент более выражен у больных с расстройствами личности, где в целом уровень тревожности низок (по сравнению с другими клиническими группами), тогда как второй компонент более характерен для больных с расстройствами настроения и шизотипическим расстройством (у последних он связан с общим нарастанием психопатологических жалоб). Дальнейшие проспективные исследования когнитивного инсайта у больных с ультравысоким риском развития шизофрении могут способствовать уточнению вопроса о его роли и функциях в этой группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Омельченко М.А., Голубев С.А., Никифорова И.Ю., Каледа В.Г. Риск манифестации эндогенных психозов у больных с непсихотическими психическими расстройствами юношеского возраста // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2014. № 6. С. 14–20.
2. Рассказова Е.И., Плужников И.В. Психодиагностика уровня когнитивного инсайта: результаты апробации русскоязычной версии шкалы когнитивного инсайта А. Бека // Психологические исследования. 2013. № 6 (28). С. 6. URL: http://psystudy.ru.
3. Beck A.T., Baruch E., Balter J., Steer, M.A., Warman, D.M. A new instrument for measuring insight: The Beck Cognitive Insight Scale // Schizophrenia Research. 2004. № 68 (2). P. 319–329.

4. Orfei M.D., Spoletini I., Banfi G., Caltagerone C., Spalletta G. Neuropsychological correlates of cognitive insight in schizophrenia // Psychiatry Research. 2010. № 178 (1). P. 51–56.
5. Yung A.R., Phillips L.J., Yuen H.P., McGorry P.D. Risk factors for psychosis in an ultra high-risk group: psychopathology and clinical features // Schizophrenia Research. 2004. № 67. P. 131–142.

Социальная тревога как основа формирования антивитального и суицидального поведения у современных подростков*

Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.
Алтайский государственный университет, Барнаул

Social anxiety as a basis of anti-vital and suicidal behavior in modern teenagers

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V.
Altai State University, Barnaul

Аннотация. Цель работы – определить роль социальной тревоги (СТ) и ее составляющих в формировании антивитального поведения (АП) и риска суицидального поведения (СП). Использованы авторские опросники «Антивитальность и Жизнестойкость», «Социальная тревога и социофобия». Обследован 981 подросток. СТ лежит в основе развития АП в подростковом возрасте. Механизм СТ – нарушение произвольной регуляции психической деятельности при решении социальных задач. Неудовлетворенность мотивов, несформированность стратегий преодоления неуспеха, неумение удерживать целевой приоритет при оценивании приводит к формированию АП, повышая риск СП.
Ключевые слова: социальная тревога, антивитальное и суицидальное поведение, произвольная регуляция психической деятельности, социальная ситуация развития, подростковый возраст, психологические орудия (средства).

Abstract. The goal – to define the role of social anxiety (SA) and its components in the formation of anti-vital behavior (AB) and risk of suicidal behavior (SB). Copyrights used questionnaires Anti-vitality and vitality, Social anxiety and social phobia. Studied 981 adolescent. SA is the basis of development of AB in adolescence. The mechanism of SA – violation of any regulation of mental activity in the solution of social task. Dissatisfaction motives unformed fail-

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 14-18-01174.

ure of coping strategies, inability to hold the target priority when evaluating results in the formation of the AB, increasing the risk of the SB.
Keywords: social anxiety, anti-vital and suicidal behavior, voluntary regulation of mental activity, social situation of development, adolescence, psychological tools (means).

Невозможность реализовать социальные мотивы деятельности сопряжена с социальной тревогой в ситуациях коммуникации, потенциального оценивания обществом «Я» человека и результатов его деятельности. В подростковом возрасте социальные потребности и мотивы ставятся выше биологических. **Цель исследования** состоит в том, чтобы определить роль социальной тревоги и ее составляющих в формировании антивитального вектора поведения подростка с последующим риском суицидального поведения. Данная задача связана с проблематикой роли социальной ситуации развития подростка в принятии решения о реализации первичных биологических мотивов или отказа от этого (антивитальное и суицидальное поведение). **Методологической основой** анализа проблемы исследования взаимосвязи социальной тревоги и формирования АП (направленного против биологических потребностей), СП в подростковом возрасте выступает культурно-деятельностный подход (Выготский, 1960 и др.) [2], основанный на теории сложных систем в психологии и соответствующий постнеклассическому уровню рациональности (Зинченко, Первичко, 2014) [3]. Это идеи о системных динамических перестройках психики, эффекте кумуляции негативного аффекта в системе, регулятивных фазах деятельности, перестройках психологического поля личности и др. (теория поля К. Левина, 2001) [4]. Антивитальные переживания связаны с потерей смысла жизни, беспомощностью и безнадежностью (Амбрумова, Тихоненко, 1980) [1], что у подростков сопровождается выраженной СТ (Сагалакова и др., 2014) [5].

Выборка: несовершеннолетние подростки разного пола (N = 981: юноши – 447, девушки – 534). Возраст подростков – от 13 до 16 лет, территория проживания – Алтайский край (из сельской местности – 26%, малых городов края – 37% и столицы края – 37%). Учтен параметр «структура семьи» (наличие обоих родных родителей или одного, наличие / отсутствие отчима, при этом не контролируется статус усыновления, «отчим» – это муж или сожитель матери. **Методы:** тестирование, квазиэкспериментальное исследование вариабельности выраженности антивитальности и жизнестойкости (зависимые переменные) по ряду параметров (независимые переменные), методы математико-статистической

обработки данных (однофакторный и одномерный дисперсионный анализ, таблицы сопряженности, корреляционный анализ Пирсона, кластерный анализ). Обработка данных проводилась в SPSS 22.0, STATISTICA 8.0. Использованы опросники «Антивитальность и Жизнестойкость» (АВ/ЖС) (Сагалакова, Труевцев, 2014; 2015), «Социальная тревога и социофобия» (ОСТиСФ) (Сагалакова, Труевцев, 2012; 2013).

Определена доля выборки подростков с разным уровнем социальной тревоги (СТ) (N = 981, 100%). По результатам кластерного анализа (Ward's method) и однофакторного ANOVA (кластеры достоверно дифференцируют выборку на четыре доли по выраженности СТ: F = 2529,8 при p << 0,000(0)1), около 78% подростков испытывают дискомфорт, связанный с тревогой оценивания в типичных социальных ситуациях. Лишь 21,9% подростков имеют невыраженную СТ, легко преодолимую в ситуациях оценивания с помощью сформированных в опыте регуляторов психической деятельности. Чем выше уровень выраженности СТ, тем выше склонность подростка к АП, риск СП. СТ в молодом возрасте выражена опасением негативной оценки как индикатором фрустрации социальных мотивов и потребностей (в успехе, достижении, признании, принятии в группе, одобрительном отношении и пр.). Система психической деятельности подростка находится в нестабильном состоянии реорганизации «психологического поля» личности. Подросток решает накопленные противоречия предыдущего возраста, ищет средства реализации мотивов. При аккумуляции негативного аффекта в системе психики без возможности ее «разгрузки» (снятия напряжения в фазе завершения регуляции деятельности) каждое последующее, даже незначительное, событие будет все большим «дезорганизующим» стрессором. Склонность к АП значительно выше при выраженной СТ, сопровождаемой нарушением целевой регуляции деятельности при решении социальных задач, снижением опосредования эмоций тревоги и повышенной вероятностью дезорганизации поведении при потенциальной критике, отвержении и других формах негативного оценивания (результаты однофакторного ANOVA: F = 215; p << 0,000(0)1).

Исследование каждого случая суицида и парасуицида несовершеннолетних края (2013–2015 гг.), результаты данного эмпирического опыта показали закономерную роль не только параметра СТ, но и условия «наличие отчима» в семье. Параметры «психологическая беспомощность» и «антивитальные мысли и действия» у подростков из разных семей значимо различаются по условию «структура семьи». В семье с отчимом

подросткам значимо более характерны АП и риск СП. Там, где реализация субъектности и успешной самоидентичности невозможна, подросток переживает беспомощность (нарушение субъектности, безнадежность, пассивность) и антивитальные переживания, мысли. Он прибегает к антивитальным действиям, повышается риск СП. В таких условиях СТ усиливается (подростки менее компетентны и инициативны в общении). Результаты (ANOVA) по показателю «беспомощность» у подростков из разных семей показывают значимые различия ($F = 13$; $p < 0{,}0001$). В семьях с фрустрированной потребностью в субъектности (с отчимом) более выражены конфликтные отношения, семья характеризуется большей дисфункциональностью ($F = 10{,}5$; $p = 0{,}01$). Подростки более, чем в семьях с родными родителями, склонны к АП ($F = 8{,}5$; $p = 0{,}004$), включая антивитальные переживания (F=7,3; p=0,007), антивитальные мысли и действия ($F = 6{,}2$; $p = 0{,}01$). Они находятся в конфронтации с окружением, переживают микросоциальный конфликт ($F = 13{,}1$; p =0,0003). Нарушение целевой регуляции деятельности при решении социально опосредованных задач и общий суммарный балл СТ ($r = 0{,}67$; $p << 0{,}0001$) наиболее значимо коррелируют с АП у подростков. Составляющая СТ (сосредоточение на второстепенных аспектах ситуации, нарушение целевой регуляции деятельности) также значимо взаимосвязана с вероятностью возникновения АП ($r = 0{,}62$; $p << 0{,}0001$), при этом регуляция тревоги нарушается в дисфункциональных семьях с фрустрацией субъектности.

Страх формального общения, нехватка социальных навыков СТ значимо взаимосвязаны с АП и риском СП. В основе нарушения реализации социальных мотивов и потребностей лежит несформированность персональных психологических средств (орудий) действования в социальном мире коммуникации. Пространство психической деятельности претерпевает системную перестройку в подростковом возрасте. Эта реорганизация – дестабилизирующий психическую деятельность рисковый фактор. Преломляясь в специфических социокультурных условиях реальности, он становится не просто «точкой бифуркации», но состоянием, высоко уязвимым к разрушению системы. СТ как субъективное представление о существенно ограниченных средствах воздействия на окружение с целью реализации социальных потребностей может играть одну из ключевых ролей в накоплении (аккумуляции) негативного аффекта в системе психической деятельности и приводить в конечном итоге к ее срыву, особенно в неблагоприятной социальной ситуации развития (дисфункции семьи).

ЛИТЕРАТУРА

1. Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. М., 1980. 48 с.
2. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960. 23 с.
3. Зинченко Ю.П., Первичко Е.И. Эвристическая ценность постнеклассических моделей в психосоматике (на примере синдромного подхода Л.С. Выготского – А.Р. Лурии) // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 14–27.
4. Левин К. Динамическая психология : избранные труды. М. : Смысл, 2001. 572 с.
5. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Нарушение когнитивной регуляции аффекта в ситуации социального оценивания при антивитальной направленности поведения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 158 с.

Развитие эмпатических способностей в рамках практикующих групп психологов

Скавинская Е.Н.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Development of empathic abilities within groups of practicing psychologists

Skavinskaia E.N.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье описываются результаты исследования уровня эмпатических способностей студентов-психологов и психологов, выбравших профессию терапевта и прошедших группы практического консультирования. Предполагается, что практический опыт «нахождения» в профессии значительно увеличивает уровень эмпатии участников и повышает их шансы стать высокопрофессиональными специалистами.
Ключевые слова: психологи, профессия, эмпатические способности, новое поколение консультантов, профессиональный опыт, группы практического консультирования.

Abstract. The article describes the results of an investigation in levels of empathic ability amongst psychology students and psychologists who chose the profession of therapist and who attended courses in the practice of counselling. It presumes that the practical experience of “being” in profession essentially increases the participants' level of empathy and raises their chances to become high-quality specialists.
Keywords: psychologists, profession, empathic abilities, new generation of counsellors, professional experience, courses of counselling in practice.

Увеличение скорости обмена информацией между людьми заставляет с большим вниманием, во избежание ошибок, неправильного понимания и неверных интерпретаций, вслушиваться в слова собеседника. Виды коммуникаций изменились – потребность быть услышанным остается. Особенно важным желание быть понятым становится для тех, кто нуждается в психологической помощи. Студент-психолог, желающий посвятить себя профессии психотерапевта, наряду с академическими знаниями должен получить и опыт помещения себя в роли клиента, консультанта и супервизора. Возможность ощутить себя в профессии, проверить свои способности и сделать вывод о предназначении дают группы профессионального консультирования и психотерапии.

На подобных тренингах студенты снимают барьеры, стоящие на пути к достижению умения слушать, – те барьеры, что мешают установлению положительных отношений между психотерапевтом и клиентом. Практический психолог выступает как исследователь жизни клиента. Воздействуя на нее, получая необходимую информацию, он становится, хоть и на время, частью жизни другого человека.

Навыки слушания и говорения как основные виды воздействия возможно отрабатывать на практике. Эмпатия как процесс безоценочного сопереживания одного человека реальным и актуальным переживаниям другого является непременным условием консультирования и психотерапии. Проявление эмпатии означает, что консультант чутко и точно реагирует на переживания клиента.

Опыт ежегодно проводимых групп профессионального консультирования показывает, что у психологов, на практике осваивающих психотерапию, превалирует диалогическая направленность общения, которой, в свою очередь, способствует развитие эмпатических способностей. Для проверки данной гипотезы были исследованы уровни эмпатии в двух выборках: у 30 студентов-психологов (очно-заочного отделения факультета психологии) и 30 консультантов, прошедших группы профессиональной подготовки (150 часов).

Актуальность мини-исследования обусловливается острой необходимостью развития эмпатических способностей у консультантов нового поколения, которое воспитывается в условиях минимизации глубоких отношений и недостаточности практических площадок для профессионального самоопределения.

Для диагностики уровня эмпатических способностей использован опросник В.В. Бойко. Для сравнения средних значений показателей по разным шкалам в группе практикующих и студентов применялся критерий

Стьюдента. Особое качество эмпатии, которое делает ее столь творческим способом бытия в терапии, состоит в том, по мнению В.В. Бойко, что она позволяет войти в личный эмоциональный мир другого человека, как если бы мы были этим другим человеком. Вслед за способностью эмпатию можно назвать и компетенцией, столь необходимой для «выращивания» консультативных отношений. А компетенцию можно осваивать.

Проведенное исследование выявило увеличение показателя по шкале «эмоциональный канал» в группе практикующих на 3,89% по сравнению с психологами-студентами. Это говорит об усилении способности входить в резонанс с клиентом – сопереживать, соучаствовать, сочувствовать. Соучастие и сопереживание выполняют роль связующего звена, проводника от консультанта к клиенту и обратно. Группы дают возможность начинающему терапевту взглянуть на ситуацию помощи не только со стороны профессионала, но и «изнутри», с клиентской позиции. Помня о данном опыте, будущий терапевт корректирует образ отношений «клиент–консультант» и выстраивает коммуникацию, учитывая потребности и состояние обратившихся за помощью.

В исследовании также выявлены достоверные различия по шкале «рациональный канал эмпатии»: в группе консультантов он выше на 3,77%. Увеличение данного показателя характеризует направленность их внимания, восприятия и мышления на сущность клиента – его психическое состояние, проблемы, поведение. Это возникновение спонтанного интереса к собеседнику. Клиент привлекает внимание своей бытийностью, что позволяет психологу непредвзято выявлять его сущность. В практике подготовки специалистов большое внимание уделяется активизации интереса к другому человеку, его ситуации, эмоциям, так называемому присутствию «здесь и сейчас».

По шкалам «установки, способствующие эмпатии», «проникающая способность в эмпатии» и «идентификация в эмпатии» достоверные различия не выявлены, значения в обеих группах находятся на уровне средних. Поскольку установки облегчают действие всех эмпатических каналов, и каналы эмпатии становятся активнее и надежнее, можно сделать вывод, что в исследуемых группах нет препятствий для эмпатии со стороны установок личности респондентов. Во многом данный факт объясняется тем, что обе группы представлены психологами, которым априори свойственна «направленность на людей».

Проникающая способность в эмпатии расценивается как важное коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу от-

крытости, доверительности, задушевности. В исследуемых группах осуществляется информационно-энергетический обмен, и поэтому расслабление партнеров содействует эмпатии. Еще одно непременное условие эмпатии – идентификация. Это умение понять другого на основе сопереживания, постановки себя на место партнера. В основе идентификации – легкость, подвижность и гибкость эмоций, способность к подражанию. Возможно, эти качества изначально присущи тем, кто посвятил себя помогающим профессиям. К тому же на группах психологи учатся балансировать между симпатией и идентификацией. Это и есть профессиональная позиция.

Интуиция менее зависит от оценочных стереотипов, чем осмысленное восприятие. Поэтому увеличение на 3,71% показателя по шкале «интуитивный канал эмпатии» в группе практикующих свидетельствует об их способности видеть поведение клиентов, действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, находящийся в подсознании. Можно предположить, что практика работы в парах, тройках, опыт наблюдения за консультациями других, выступления в роли супервизора на протяжении интенсивной работы группы способствуют развитию профессиональной интуиции специалиста.

Все приведенные выше шкальные оценки выполняют вспомогательную роль в интерпретации основного показателя – уровня эмпатии. За счет увеличения показателей по данным шкалам в группе практикующих также увеличился и общий уровень эмпатии – на 2,39%. При эмпатическом слушании терапевт сосредоточивается на чувствах клиента, порой едва осознаваемых, и старается испытать то, что тревожит и волнует клиента, чтобы понять подлинную ситуацию.

Итак, проведенное практическое изучение уровня эмпатии двух групп – студентов-психологов и психологов, прошедших группу профессиональной подготовки по психологическому консультированию – выявило увеличение показателей эмпатических способностей представителей второй группы. Это означает, что погружение будущих терапевтов в пространство практического консультирования существенно способствует развитию у них эмпатии – качества, необходимого для эффективного диалогического взаимодействия «клиент–консультант».

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С.Л., Леонтьев Д.А. Диалог // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2007. № 2. С. 23–28.
2. Гулина М.А. Терапевтическая и консультативная психология. СПб. : Речь, 2001. 352 с.

Устойчивость жизненного мира студентов, относящихся к разным профессиональным средам

Стоянова Е.И., Живаева Ю.В.
Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, Красноярск

Stability of the life-world of students belonging to different professional environments

Stoyanova E.I., Zhivaeva Y.V.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk

Аннотация. В статье представлены результаты исследования устойчивости жизненного мира студентов, относящихся к разным профессиональным средам. Характер устойчивости представлен типологией: стагнационный, неконструктивный, конструктивный типы устойчивости. В исследовании определено, что устойчивость жизненного мира частично опосредована выбором определенной профессиональной среды.
Ключевые слова: устойчивость жизненного мира, стагнационный, неконструктивный, конструктивный типы устойчивости, профессиональная среда.

Abstract. This paper presents the results of studying the stability of the life-world of students belonging to different professional environments. The nature of the stability of the typology: stagnation, non-constructive and constructive type of stability. The study determined that the stability of the life of the world is partially mediated by a specific choice of the professional environment.
Keywords: stability of the life of the world, stagnation, non-constructive and constructive type of stability, professional environment.

Сложность и интенсивность социально-психологических процессов предъявляют особые требования к личностной автономии, суверенности и свободе человека. Общество стремительно входит в информационную эпоху, когда персональные контакты все более обезличиваются, и человеку становится сложнее самоопределиться в мире людей, вещей и технологий и обрести устойчивость в стремительно меняющемся мире.

Проблема устойчивости человека в меняющемся мире сложна и в конкретно-практических аспектах, и теоретически, в качестве решения задачи присутствия, сохранения человека как сущности, организма, индивидуальности, личности. Без сохранения устойчивости реализация фи-

зических и духовных потенций невозможна. Следовательно, невозможно и удовлетворение от процесса самореализации, ощущение благополучия человека. Бытие личности разнопланово, что находит отражение в разных аспектах ее устойчивости. На передний план выходят три аспекта устойчивости: стойкость, стабильность; уравновешенность, соразмерность; сопротивляемость (резистентность).

С точки зрения И.О. Логиновой, существуют три типа устойчивости жизненного мира: конструктивный, неконструктивный, стагнационный. Стагнационный характер устойчивости характеризуется отсутствием ценностного отношения к жизни, перспектив дальнейшего движения, снижением рефлексивной способности. Неконструктивный характер проявления устойчивости жизненного мира снижает продуктивность и оптимальность жизнедеятельности человека. Конструктивный характер определяет особенности таких характеристик, как доминирование продуктов нового качества, способность к решению творческих задач, соответствие возможностей человека степени его ответственности за реализацию этих возможностей, ценностное отношение к жизни, наличие перспектив дальнейшего движения, отсутствие недостатка ресурса (собственного потенциала, условий среды) для разрешения противоречий между образом мира и образом жизни, самотождественность [3].

В статье представлены результаты эмпирического исследования устойчивости жизненного мира студентов, относящихся к разным профессиональным средам. Предположение основано на том, что профессиональная среда опосредованно определяет характер устойчивости жизненного мира. В эмпирическом исследовании приняли участие студенты 2 курса, обучающиеся по специальностям «психология», «лечебное дело», «международные отношения» (выборку составили 50 студентов в возрасте 18–20 лет).

Эмпирическое исследование направлено на определение устойчивости жизненного мира студентов, относящихся к разным профессиональным средам.

Методом исследования выступила методика «Изучение устойчивости жизненного мира человека» (автор И.О. Логинова), позволяющая выявить особенности организации человеком процесса жизнедеятельности, определяющей характер проявления устойчивости жизненного мира (конструктивный, неконструктивный, стагнационный) [3].

Испытуемым было предложено в методике по изучению устойчивости жизненного мира человека написать эссе на тему «Три дня из моей жиз-

ни, которые…» и ответить на вопросы методики «Определение типа жизненного сценария». Первоначально испытуемые были распределены по группам в зависимости от принадлежности к доминирующему содержательному аспекту жизненного самоосуществления, специфическим образом демонстрирующему особенности представлений о свободе человека.

Высокие процентные показатели по характеристике «стагнационный тип устойчивости жизненного мира» наблюдаются у студентов специальности «лечебное дело» (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность показателей по опроснику «Устойчивость жизненного мира» у студентов, %

Группа шкалы	Психология	Лечебное дело	Международные отношения
Стагнационный	27	41	35
Неконструктивный	36	34	45
Конструктивный	37	25	20

Результаты свидетельствуют об использовании испытуемыми сформированных форм взаимодействия с окружающим миром, зачастую неадекватных условиям настоящей жизненной ситуации. Высокие процентные показатели наблюдаются у студентов по параметру «неконструктивный тип устойчивости жизненного мира», что свидетельствует о проявлении таких характеристик, как потеря самотождественности, недостаток ресурса (собственного потенциала, условий среды) для разрешения противоречия между образом мира и образом жизни, нарушение непрерывности личностной истории, утрата целей и смыслов жизнедеятельности.

Согласно результатам проведенного исследования по определению типа устойчивости жизненного мира, в большей степени у студентов наблюдается проявление стагнационного и неконструктивного типов устойчивости жизненного мира. Это свидетельствует о том, что отсутствие динамики жизненного мира, статичность не позволяют студентам реализовывать выборы, способствующие проявлению потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клочко А.В., Краснорядцева О.М. Суверенность как результат становления человека в совмещенной психологической системе // Вестник БГПУ. Психолого-педагогические науки. 2001. № 1. С. 4–9.
2. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности : (введение в трансспективный анализ). Томск : Изд-во ТГУ, 2005. 174 с.

3. Логинова И.О. Особенности устойчивости жизненного мира человека в кризисных условиях жизнедеятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Психологические науки. 2011. № 2. С. 21–26.

Образовательная ситуация в контексте витальной направленности и психологической безопасности у студентов*

Стоянова И.Я.[1], Шухлова Ю.А.[1], Терехина О.В.[1],
Сагалакова О.А.[2], Чеканова М.О.[1]
[1]Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск; [2]Алтайский государственный университет, Барнаул

The educational situation in the context of vital orientation and psychological safety among students

Stoyanova I.Y.[1], Shukhlova Y.A.[1], Terekhina O.V.[1], Sagalakova O.A.[2], Chekanova M.O.[1]
[1]National Research Tomsk State University, Tomsk; [2]Altay State University, Barnaul

Аннотация. В статье представлено исследование показателей витальной и антивитальной направленности личности студентов ВУЗов возрасте 17–19 лет. Используемые методы – стандартизованное интервью «Психологическая безопасность образовательной среды», опросник социальной тревоги и социофобии, опросник «Ранние неадаптивные схемы». Установлены взаимосвязи, свидетельствующие о рисках формирования антивитальности, ресурсные составляющие психологической безопасности и витальности у студентов в образовательной среде.
Ключевые слова: образовательная среда, студенты, риски, ресурсы, витальность, психологическая безопасность, антивитальность.

Abstract. The article presents a study of indicators of vital and non-vital orientation of the personality of students aged 17–19 years. The methods are a standardized interview “Psychological safety of educational environment”, “the questionnaire of social anxiety and social phobia”, questionnaire “Early maladaptive schemas”. There were identified relationships that indicate risks of formation of non-vitality; resource components of psychological safety and vitality of students in the educational environment.
Keywords: educational environment, students, risks, resources, vitality, psychological safety, non-vitality.

* Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ № 15-16-22017а(р).

Проблема изучения психологической безопасности студентов в образовательной среде в ракурсе предупреждения факторов риска, способствующих формированию антивитальной направленности и нарушению здоровья, в настоящее время сохраняет свою актуальность [3]. Образовательная ситуация – это сложный многомерный феномен, основными компонентами которого являются учебный процесс, а также взаимодействия с преподавателями и студенческой группой. Образовательная ситуация содержит как объективную, так и субъективную составляющую, определяющуюся переживаниями успешности студентов во всех компонентах образовательной среды [1].

Как отмечают исследователи, переживание неблагополучия молодыми людьми тесно связано с проявлениями антивитальности. Антивитальные переживания рассматриваются как нулевой цикл формирования суицидального поведения, когда четкое намерение еще не сформировано и антивитальные действия не предприняты. Это лишь мыслительный процесс, который необходимо вовремя выявить, и предотвратить возможную суицидальную активность [3].

Содержательные характеристики антивитальности включают смысловые процессы, идеи на тему ухода из жизни, фантазии по реализации задуманного, что снижает психологическую безопасность человека [3]. В свою очередь, антиподом антивитальности являются проявления витальной направленности личности. В контексте витальности жизнедеятельность рассматривается как активность человека, направленная на ресурсное обеспечение оптимального уровня здоровья и избегание несовместимых с жизнью ситуаций [4, с. 50]. Данное определение мы дополняем представлениями о психологической безопасности личности как базовой характеристике витальной направленности, которая проявляется в способности личности сохранять устойчивость в среде с определенными параметрами, в том числе и с психотравмирующими воздействиями, в сопротивляемости деструктивным внутренним и внешним воздействиям. Психологическая безопасность личности отражается в переживаниях личности защищенности / незащищенности в конкретной жизненной ситуации [1].

Исследуя возрастные характеристики как факторы риска парасуицидальной направленности, авторы отмечают, что студенческий возраст крайне нестабилен в плане становления зрелой личностной идентификации [2]. В юношеском возрасте возможны затруднения в вербальном выражении и когнитивном осмыслении проблемной ситуации, прямолиней-

ность в тактике целеполагания, нестабильность самооценки, невозможность субъективно повлиять на события своей жизни (выученная беспомощность), отсутствие необходимого психологического опыта саморегуляции в стрессовых ситуациях [3].

В исследованиях обращается внимание на значимость ситуации оценивания в образовательной среде, которая снижает психологическую безопасности личности [3]. Из-за различных проблем, возникающих в образовательной среде, у молодых людей может сформироваться уязвимость перед оцениванием как потенциальной угрозой социальному престижу. Опасаясь обнаружить свою несостоятельность, не будучи уверенным в своих коммуникативных способностях и умении совладать с любыми оценочными аспектами, вызванными образовательной ситуацией, студенты могут предпочесть социальную изоляцию и избегание ситуаций, вызывающих тревогу [3]. Своевременный прогноз этих проявлений и оказание психологической помощи будут способствовать снижению риска парасуицидальных и суицидальных проявлений в студенческой среде.

Целью настоящего исследования стало выявление рисков, обусловленных социальной тревогой (СТ), а также ресурсных составляющих образовательной среды. Выборка исследования включала 50 студентов 1–2 курсов различных факультетов вузов г. Томска в возрасте от 17 до 19 лет. Методами являлись стандартизованное интервью «Психологическая безопасность образовательной среды» (И.А. Баева), опросник социальной тревоги и социофобии (О.А. Сагалакова, Д.В. Труевцев), опросник «Ранние неадаптивные схемы» (Дж. Янг). Опросник социальной тревоги и социофобии ориентирован на оценку доминирующего типа СТ. Методика «Ранние неадаптивные схемы» направлена на выявление когнитивных структур, возникших в детстве как следствие дисфункционального отношения со значимыми другими. Обработка данных осуществлена в программах SPSS 22.0.

Результаты и обсуждение. Полученные в рамках эксперимента данные были обработаны с помощью корреляционного анализа (r – коэффициент Спирмена). В итоге получен ряд значимых корреляций (при $p \leq 0{,}05$). Выявлены взаимосвязи между «пребыванием в вузе» и «настроением» ($r = 0{,}481$), «избеганием контактов» ($r = 0{,}371$), «несостоятельностью» ($r = -0{,}361$). Эти данные свидетельствуют о психологической безопасности студентов в образовательной среде, при этом выражено стремление к социальной изоляции. Характерны избегание контактов, связанных с учебной деятельностью, а также нежелание выполнять образовательные

задачи. Эти данные свидетельствуют о наличии факторов риска, снижающих успешность деятельности и закладывающих основу антивитальной направленности.

В некоторых случаях отмечается взаимосвязь между шкалами «избегание контактов» и «преодоление тревоги» (r = 0,614), «сдержанность в выражении эмоций» (r = 0,698), «тревога при инициативе» (r = 0,743). Такая закрытость свидетельствует о трудностях включения в обучение, что может способствовать антивитальным проявлениям. В контексте психологического сопровождения важно выявить таких студентов и оказать им необходимую психологическую поддержку для позитивного вхождения в образовательный процесс.

Помимо факторов риска выявлены ресурсные составляющие образовательной среды. В качестве таковых рассматриваются соотношения показателей шкал «уважение ровесников» и «точка зрения» (r = 0,364), «уважение преподавателей» (r = 0,605), «личные проблемы» (r = 0,395). При наличии этих соотношений студенты чувствуют свою значимость и безопасность. Для них вуз становится местом, где их принимают и уважают, что благоприятно проявляется в аспекте развития образовательного потенциала.

Следующие взаимосвязи подчеркивают ресурсную составляющую личностных факторов студентов. При наличии проявлений «защищенности» отмечаются следующие как положительные, так и отрицательные корреляции: «уважение преподавателей» (r = 0,333), «уважение сокурсников» (r = 0,427), «сдержанность в выражении эмоций» (r = –0,371), «тревога при инициативе» (r = –0,394), «избегание контактов» (r = –0,385), «социальная тревога быть в центре внимания» (r = 0,544).

Таким образом, если студенты переживают принятие себя в образовательной среде, это способствует формированию витальной направленности и психологической безопасности. При этом закрытость, социальная изоляция усиливают тревожность и склонность к антивитальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И.А. Психология безопасности как основа анализа экстремальной ситуации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 145. С. 6–18.
2. Бохан Т.Г. Возрастные и социально-психологические характеристики копинг-стратегий в период юношества и ранней взрослости // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16–17. С. 66–72.

3. Стоянова И.Я., Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Социальная тревога – маркер антивитального поведения в подростковом и юношеском возрасте // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 4 (6). URL: http://medpsy.ru/climp (дата обращения: 06.11.15).
4. Яковлева Н.В. Гендерные особенности индивидуальных моделей здоровья // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 49–61.

Профили мотивации как предикторы настойчивости в учебной деятельности

Сычев О.А., Гордеева Т.О., Гижицкий В.В.
Алтайская государственная академия образования, Бийск;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

Profiles of motivation as predictors of grit in learning activity

Sychev O.A, Gordeeva T.O., Gizhitsky V.V.
Altai State Academy of Education, Biysk;
Lomonosov's Moscow State University, Moscow

Аннотация. В исследовании проверялась гипотеза о существовании типичных профилей академической мотивации, позволяющих предсказывать уровень настойчивости в учебе. С помощью кластерного анализа было получено решение из четырех кластеров, два из которых характеризуются преобладанием автономной мотивации и два – контролируемой. Все кластеры отличаются друг от друга по настойчивости, причем максимальную настойчивость показывают учащиеся с высокой автономной мотивацией и умеренной контролируемой.
Ключевые слова: академическая мотивация, профиль мотивации, автономная мотивация, контролируемая мотивация, настойчивость, кластерный анализ.

Abstract. We tested the hypothesis that there were typical profiles of academic motivation which allowed predict the level of grit in studying. By means of cluster analysis we obtained the four cluster solution with two high autonomous motivation clusters and two high controlled motivation clusters. All the clusters were different from each other by the level of grit. Maximum grit showed high school students with high autonomous and moderate controlled motivation.
Keywords: academic motivation, motivational profile, autonomous motivation, controlled motivation, perseverance, cluster analysis.

Мотивация учебной деятельности относится к числу важнейших психологических факторов её успешности, однако психологические последствия мотивов разного типа могут быть весьма различными. В соответствии с теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [2], для автономной мотивации, основанной на удовольствии от процесса деятельности и понимании её личностной значимости, следует ожидать позитивных последствий: высокой продуктивности, настойчивости, удовлетворенности процессом и результатами деятельности. Контролируемая мотивация, связанная с ощущением принуждения к деятельности другими людьми, обстоятельствами или присвоенными из общества нормами, должна приводить к преимущественно негативным эффектам в деятельности, а также подрывать автономную мотивацию. Эти ожидания подтверждаются результатами множества исследований, направленных на анализ и сравнение эффектов разного типа мотивов [2]. Вместе с тем, поскольку учебная деятельность, как и любая другая, является полимотивированной, существенный интерес представляет вопрос о том, каковы типичные сочетания (профили) автономных и контролируемых мотивов в структуре учебной мотивации и соответствующие им последствия [3, 4]. В основу данного исследования было положено предположение о том, что существуют типичные профили академической мотивации, форма которых дополняет информацию о выраженности отдельных мотивов. В частности, учет формы профиля может помочь в предсказании настойчивости в учебе у учащихся с аналогичным уровнем автономной мотивации, учебных достижений и благополучия.

В исследовании приняли участие старшеклассники (10–11-й классы) и учащиеся колледжей г. Москвы, общий объем выборки составил 583 человек. Выборка старшеклассников (N = 394) была сформирована на базе 14 школ. Выборка учащихся колледжей включала 189 испытуемых, обучающихся в трех колледжах на 1–3 курсе. Среди испытуемых было 307 юношей, 222 девушки, 54 учащихся пол не указали. Средний возраст респондентов – 16,65 лет (от 15 до 20 лет, SD = 0,87). Для диагностики учебной мотивации использовалась методика «Шкалы академической мотивации школьников» (ШАМ-Ш) [1]. Данная методика включает 8 шкал по 4 пункта в каждой: мотивация познания, достижения и саморазвития, мотивация самоуважения, интроецированная регуляция, мотивация уважения родителей, экстернальная регуляция и шкала амотивации. Для анализа позитивных и негативных последствий различных мотивационных профилей учащихся использовались показатели достижений,

настойчивости и школьного благополучия. Академические достижения оценивались с помощью оценок, полученных в конце года (оценки, пошедшие в аттестат, кумулятивная успеваемость). Для самооценки учебной настойчивости и упорства использовалась шкала, разработанная нами на основе шкалы настойчивости А. Даквортс. Для оценки школьного благополучия учащихся использовалась шкала отношения к школе из многомерной шкалы удовлетворенности жизнью С. Хюбнера (перевод Е.Н. Осина). Статистический анализ проводился в программе IBM SPSS 21.

Для выявления типичных профилей мотивации использовался метод кластерного анализа. Кластеризация проводилась по нестандартизированным значениям всех шкал методики ШАМ-Ш методом *k*-средних с начальными центрами кластеров, полученными в ходе предварительного иерархического кластерного анализа методом Уорда. Наиболее предпочтительным решением с четырьмя кластерами объясняется в среднем 50% дисперсии каждой из мотивационных шкал и 64% дисперсии относительного индекса автономии (RAI). Трехкластерное решение объясняет в среднем лишь 41% процент дисперсии мотивационных шкал, а решение из пяти кластеров дает незначительный прирост среднего значения объясняемой дисперсии шкал (до 53%), при этом является менее экономным и хуже поддается интерпретации. Для проверки стабильности полученного кластерного решения использовалась процедура кросс-валидизации с расщеплением выборки на две части [4], в каждой из которых подобный двухступенчатый анализ был выполнен отдельно. Затем испытуемые каждой из подгрупп были классифицированы на основе евклидова расстояния до центров кластеров, полученных на другой подгруппе. Оценка согласованности этих классификаций с помощью коэффициента «каппа Коэна» (значения которого составили 0,89 и 0,90) позволила сделать вывод о высокой стабильности полученного решения.

Приведенные на рис. 1. профили академической мотивации для каждого из кластеров позволяют кратко интерпретировать их в терминах соотношения автономной и контролируемой мотивации. Кластер 1 (автономный), включающий 28% выборки, характеризуется высокой автономной и низкой контролируемой мотивацией, кластер 2 (высокомотивированный, 27%) – высокой автономной и умеренной контролируемой, кластер 3 (контролируемый, 27%) – низкой автономной и высокой контролируемой, кластер 4 (амотивированный, 18%) – низкой автономной мо-

тивацией, умеренной контролируемой и относительно высокой амотивацией. В целом первые два кластера отличаются доминированием автономной мотивации (RAI составил 6,49 и 5,50 соответственно), в то время как в последних двух преобладает контролируемая мотивация (RAI составил –0,42 и –1,63). Анализ различий между кластерами в уровне успеваемости с помощью критерия Краскела–Уоллиса с медианным тестом показал, что автономный и высокомотивированный кластеры не показывают значимых отличий, однако автономный кластер превосходит по успеваемости и контролируемый, и амотивированный. Сравнение школьного благополучия в разных кластерах также свидетельствует об отсутствии различий между автономным и высокомотивированным кластерами, однако, оба этих кластера значимо отличаются от двух других.

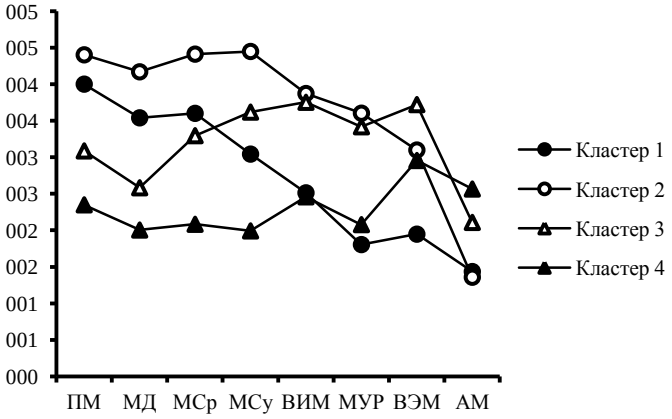


Рис. 1. Средние значения каждого кластера по шкалам академической мотивации

Два автономных кластера с разными мотивационными профилями не показывают отличий в показателях успеваемости и благополучия, однако средства достижения их высоких результатов могут быть различными. Об этом свидетельствует, в частности, наличие значимых попарных различий во всех сочетаниях кластеров по учебной настойчивости (все при $p < 0{,}01$). Наибольший уровень настойчивости оказался характерен для высокомотивированного кластера, в то время как уровень настойчивости у учащихся из автономного кластера значимо ниже. Данный факт может означать, что за высокой результативностью учебы у представителей вы-

сокомотивированного кластера скрывается больше настойчивых усилий, подкрепляемых широким спектром автономных и контролируемых мотивов, в то время как представители автономного кластера в меньшей мере опираются на настойчивость. О сложной зависимости настойчивости от академической мотивации, требующей учета целостного профиля вместо использования отдельных показателей, свидетельствуют результаты регрессионного анализа, показывающие наличие статистически значимых эффектов для четырех шкал: мотивации достижения, саморазвития, интроецированной и экстернальной (с обратным знаком) мотиваций.

Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что анализ профиля мотивации позволяет дополнить информацию, полученную на основе показателей отдельных шкал. В частности, учащиеся с высоким уровнем автономной мотивации и одинаково высокими достижениями могут демонстрировать различный уровень настойчивости в учебной деятельности в зависимости от формы профиля академической мотивации. В отличие от результатов К. Рателле [3], в нашем исследовании наибольшую настойчивость продемонстрировали учащиеся, в профиле которых высокая автономная мотивация сочетается с умеренной контролируемой. Наличие существенных различий в уровне настойчивости, успеваемости и благополучия между выделенными кластерами убеждает в полезности анализа профиля мотивации и свидетельствует в пользу внешней валидности полученного кластерного решения, отражающего наиболее характерные профили академической мотивации школьников и учащихся колледжей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Гижицкий В.В., Гавриченкова Т.К. Разработка методики «Шкалы академической мотивации школьников и учащихся колледжей» // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса : сборник материалов III Всероссийской конференции : в 2 т. / редкол.: Н.А. Батурин (отв. ред.) и др. Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2015. Т. 1. С. 95–104.
2. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: a macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49. P. 182–185.
3. Ratelle C.F., Guay F., Vallerand R.J., Larose S., Senécal C. Autonomous, controlled, and amotivated types of academic motivation: a person-oriented analysis // Journal of Educational Psychology. 2007. Vol. 99, № 4. P. 734–746.
4. Vansteenkiste M., Sierens E., Soenens B., Luyckx K., Lens W. Motivational profiles from a self-determination perspective: The quality of motivation matters // Journal of Educational Psychology. 2009. Vol. 101, № 3. P. 671–688.

Особенности стратегий поведения коллективизма и индивидуализма (на примере алтайской этнической группы)*

Танабасова У.В.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Features of behavior strategies of collectivism and individualism (on the example of the Altai ethnic group)

Tanabasova U.V.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье рассмотрены особенности стратегий поведения коллективизма и индивидуализма у представителей алтайской этнической группы. Выявлены различия стратегий в зависимости от проживания в городе либо в деревнях и изолированных малонаселенных местностях.
Ключевые слова: стратегии поведения, коллективизм, индивидуализм, местожительство, поликультурное пространство.

Abstract. The article describes the features of the behavior strategies of collectivism and individualism among representatives of Altai ethnic group. The differences in strategies, depending on the accommodation in the city or in isolated villages.
Keywords: behavior strategies, collectivism, individualism, place of living, multicultural space.

В современном мире наблюдается тенденция к росту уровня миграции, урбанизации, переходу к нуклеарной модели семьи, а также к росту межкультурных взаимодействий. Эти процессы способствуют развитию индивидуализма, одним из проявлений которого является стремление индивида к автономности, уединению и независимости от окружающих. Таким образом, в свете проблем, возникающих у человека традиционной культуры в условиях глобализации, изучение культурных различий и особенностей групповых отношений, поведения, взаимодействия в груп-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Влияние культуры на субъективное переживание депрессии и экспрессию ее признаков», № 14-06-00113.

пе своих и чужих, возникающих при выходе за пределы своей среды в поликультурное пространство, становится особенно актуальным.

Культура, являясь многофакторным феноменом, включает в себя такие категории, как язык, география, история, религия, социальный класс, раса, отношение к городскому или деревенскому месту пребывания, национальность и т.п. [4]. При этом переход в поликультурное пространство, рост мобильности оказывают значительное влияние на элементы субъективной культуры, в качестве которых выступают убеждения, культурные нормы, ценности и т.д. Интегрируясь и усложняясь, они регулируют и наиболее сложное социальное поведение, включая коллективизм или индивидуализм [1].

Объясняя различия между коллективизмом и индивидуализмом, Г. Хофстеде поясняет, что «в индивидуалистической культуре люди предпочитают действовать как отдельные личности, а не как члены группы. Высокая степень индивидуализма предполагает, что человек, находясь в условиях свободных социальных связей в обществе, сам заботится о себе и несет полную ответственность за свои действия». В то время как коллективистическое общество «требует большой эмоциональной зависимости человека от организации и ответственности организации за своих работников» [2].

Современные исследования разделяют коллективизм на два типа: горизонтальный, характеризующий взаимозависимость людей друг от друга, единство, и вертикальный, в котором приоритетными оказываются цели и интересы группы, а члены группы придерживаются строгой иерархии. Люди в индивидуалистических культурах, принимая решение, чаще руководствуются своими личными целями, нежели групповыми [4]. В этом случае группы оказывают меньшее влияние на поведение индивида. В контексте выхода в поликультурное пространство с большей плотностью населения и большим количеством социальных взаимодействий разного типа людям следует прибегать к стратегии коллективизма, которая считается наиболее оптимальной, так как людям, живущим в таких условиях, необходимы правила, помогающие избегать конфликтов и т.д. [4]. Таким образом, в современном мире, характеризующемся своей динамичностью, феномены индивидуализма и коллективизма в контексте стратегий поведения представителей этнических культур остаются недостаточно изученными, актуальными, требующими внимания.

Выборку составили 42 человека в возрасте от 23 до 77 лет (15 мужчин и 27 женщин) – жители республики Алтай, проживающие в городе (17 человек), деревнях и изолированных малонаселенных местностях (25 человек).

Была применена методика «Показатели индивидуализма–коллективизма» (Г. Триандис, разработка Л.Г. Почебут) [3]. Также был проведен опрос, выявляющий, насколько жители города и деревень склонны обращаться за помощью к членам семьи, друзьям, медицинским работникам и т.д. Методы статистической обработки: частотный и сравнительный анализ (критерий Манна–Уитни).

Были получены следующие результаты. Между группами людей, проживающих в городе, и жителями деревень, изолированных поселков методом сравнительного анализа были обнаружены статистически значимые различия (p = 0,018) по шкале «вертикальный индивидуализм» (43,000), что может свидетельствовать о том, что у городских жителей более выражены приоритет иерархии в отношениях с окружающими, личная автономность, но все же акцентируется внимание на неравенстве членов группы. Можно предположить, что городскому населению в большей степени присуще чувство индивидуализма, когда свои интересы и цели предпочтительнее общих идей группы, притом каждый из членов общества имеет свое место в иерархии. Кроме того, результаты опроса, демонстрирующего склонность к обращению за помощью при возникновении жизненных трудностей, показали, что лишь половина жителей города обращаются к другим людям за помощью. Было выявлено, что половина опрошенных горожан в таких ситуациях советуются с членами семьи, в меньшей степени обращаются к медицинским работникам, таким как медсестра, психиатр, врач общей практики. Также для них не характерна необходимость во внешней поддержке друзей, людей, пользующихся у них авторитетом и уважением, представителей нетрадиционной медицины, священников.

В деревнях, где население гораздо меньше, более развито чувство коллективизма, общности и единства без выраженной иерархии. Люди зачастую идентифицируют себя с группой, чувствуя себя ее частью, для них общественные ценности превалируют над личными. Следует отметить, что большинство жителей деревень (86%) при возникновении каких-либо трудностей обращаются за помощью к окружающим людям. Чаще всего сельские жители советуются с членами семьи, а также, в от-

личие от городских жителей, для них характерно обращаться к друзьям. Кроме того, треть группы, проживающей в малонаселенных местностях, отметили, что при сложных обстоятельствах обращаются к народным целителям, в меньшей степени – к представителям традиционной медицины. К врачам общей практики и медицинским специалистам прибегает четверть опрошенных сельских жителей. Необходимо указать, что частота обращений за помощью у жителей деревень гораздо выше, чем у горожан, что может являться одним из проявлений стратегий поведения индивидуализма и коллективизма.

Таким образом, выявлены этнопсихологические особенности идентификации себя в контексте групповых отношений в современном поликультурном пространстве у представителей алтайской этнической группы в зависимости от места их проживания. Можно предположить, что большая часть жителей города, в отличие от представителей малочисленных населенных пунктов, предпочитает взаимоотношения в группе и стиль поведения, соответствующий шкале «вертикальный индивидуализм», который предполагает автономность личности, независимость от других членов группы, склонность к уединению и отчуждению, а также иерархичность в социальных группах. В то время как для жителей деревень больше характерна стратегия поведения коллективизма, приоритетны групповые интересы и взаимоотношения, включая взаимопомощь при возникновении трудностей. Практическое применение полученных результатов обусловлено тем, что определенной среде (городской либо сельской) присущи особенности и наиболее актуальные стратегии поведения; современному человеку в динамичном мире с высокой степенью мобильности следует уметь перестраивать стратегии на более эффективные и оптимальные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюкова Т.Л. Социокультурные синдромы коллективизм / индивидуализм как контекст совладания со стрессом у россиян // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 4. С. 130–135.
2. Мацумото Д. Психология и культура. СПб. : Прайм-Еврознак, 2003.
3. Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. СПб., 2007. 281 с.
4. Триандис Г.К. Культура и социальное поведение. М. : Форум, 2011.

Психодиагностика счастья и качества жизни: возможности и ограничения качественного и количественного подходов

Темирева К.А.
Московский государственный университет дизайна и технологии, Москва

Psychodiagnostics of happiness and quality of life: the opportunities and the restrictions of qualitative and quantitative approaches

Temireva K.A.
Moscow State University of Design and Technology, Moscow

Аннотация. В современном мире все более актуальным становится рассмотрение индивидуально-психологических характеристик человека, обусловленных постоянными социальными изменениями, качеством и уровнем жизни, социальной стрессогенностью и пр. Одними из интересующих областей исследования являются сегодня восприятие качества собственной жизни самими индивидами и определение их реального уровня счастья и удовлетворенности.
Ключевые слова: психодиагностика, качество жизни, счастье, качественные подходы в исследовании, количественные подходы в исследовании.

Abstract. In the modern world it is becoming increasingly urgent a consideration of the individual and psychological characteristics of the person caused by continuous social changes, quality and standard of living, social stressors and others. One of the interesting areas of research today are the individual's perception of quality of their own lives and the determination of their actual level of happiness and satisfaction.
Keywords: psychodiagnostics, quality of life, happiness, qualitative approaches in research, quantitative approaches in research.

Современное качество жизни воспринимается индивидуумом через его существующее положение в жизни в контексте культуры и системы нравственно-моральных ценностей. В качестве критериев оценки удовлетворенности качеством жизни рассматриваются физические, психологические, духовные составляющие, а также уровень независимости и «свободы», окружающая среда и сама жизнь в обществе. Иными словами, восприятие современного качества жизни определяется тем, в какой мере осуществлены человеческие потребности, насколько люди удовлетворены всем происходящим и каким образом результаты деятельностной реализации соотносятся с общепринятыми социальными стандартами и ресурсами. Улучшение качества жизни в данном контексте означает увели-

чение индивидуальных возможностей человека с целью реализации собственных потребностей в жизненные планы и достижения вследствие личного успеха.

В психолингвистическом подходе рассматриваются функциональные способности индивида, его личностное восприятие всего происходящего и различные симптомы, влияющие на данное восприятие. Таким образом, для исследователей в данной области особый интерес представляет субъективный подход к изучению качества жизни, рассматривающий потребности и интересы конкретных людей, всегда являющиеся индивидуальными и отражающиеся в субъективных представлениях самих индивидов, их личных мнениях и оценках. Большое внимание уделяется изучению общей удовлетворенности жизнью в рамках социально-психологических процессов современности и индивидуальных ощущений счастья через ценностные ориентации самого индивида, его нормы поведения, внутриличностные конфликты, индивидуальные представления о благополучии и т.д.

Счастье человека – одна из актуальных тем исследований в различных областях научного знания. Каждый человек стремится стать счастливым путем реализации своих внутренних представлений о данном явлении, пытается достичь состояния, которое соответствовало бы его наибольшей внутренней удовлетворенности условиями индивидуального бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого предназначения.

Исходя из данных позитивной психологии, понятие «счастье» составляют такие детерминанты, как глубокое удовлетворение жизнью, максимальное количество положительных и минимум отрицательных эмоций. Интересен тот факт, что все люди не такие уж и разные: абсолютно всем для дыхания, к примеру, нужно одно и то же, а именно воздух. Данная идея также применима и к счастью: чтобы стать поистине счастливым человеком и сделать счастливым другого всем необходимы сходные элементы психологического комфорта – безопасность, самоуважение, самореализация и пр.

В психодиагностике для измерения уровня счастья индивида применяются различные методики, одной из которых является «Шкала субъективного счастья Любомирски[*]». С помощью данной шкалы возможно

[*] Шкала субъективного счастья (ШСС, англ. Subjective Happiness Scale – SHS) – экспресс-тест, измеряющий уровень субъективного благополучия испытуемого. Была разработана в 1999 г., переведена и адаптирована на русский язык Д.А. Леонтьевым в 2003 г.

измерение эмоциональных переживаний индивидом собственной жизни как целого, отражающее общий уровень психологического благополучия. Эта шкала достаточно хорошо коррелирует и со «Шкалой удовлетворенности жизнью Динера*», что свидетельствует о тесной взаимосвязи факторов удовлетворенности жизнью с индивидуальным эмоциональным отражением – субъективным счастьем.

Говоря о применении различных подходов в психодиагностике с целью исследования счастья и качества жизни, необходимо заметить, что данными методиками могут являться как количественные (формализованные) подходы, так и качественные (неформализованные). Каждая методика корректна и хороша по-своему. И те, и другие методы имеют свое место в социально-психологическом исследовании, дополняют и компенсируют ограничения друг друга.

Методологический принцип следует выбирать, исходя из конкретного частного случая, то есть выбор тех или иных методов исследования должен определяться спецификой изучаемой проблемы.

Количественные данные чаще всего ассоциируются с позитивистскими методами исследования и считаются более «достоверными» и доказательными. Качественные данные обычно ассоциируются с интерпретационными методами исследования и считаются более «обоснованными». Другими словами, качественные методы не опровергают, а гармонично дополняют статистические количественные методы.

Значим тот факт, что количественные данные в меньшей степени учитывают индивидуальный или субъективный опыт, что наиболее важно для качественной методики исследования. Возможность высказаться совершенно свободно предоставляется респонденту лишь в качественных (неформализованных) методах исследования. В результате количественные методы часто «беспомощны» в определении таких понятий, как «уникальные» и «изменчивые свойства личности».

У количественных методов также отсутствует необходимая и эффективная «обратная связь», что достаточно явно затормаживает развитие концептуальных представлений, необходимых для формирования адекватного понятийного аппарата.

---

* Шкала удовлетворенности жизнью (ШУДЖ, англ. Satisfaction With Life Scale – SWLS) – краткий скрининговый самоопросник, предназначенный для массовых опросов респондентов о степени субъективной удовлетворенности их жизнью. Была предложена и разработана в 1985 г., переведена на русский язык, адаптирована и валидизирована Д.А. Леонтьевым и Е.Н. Осиным в 2003 г.

Подводя итоги, следует отметить, что для более полноценного исследования необходимо использование и применение совокупности имеющихся методик. Здесь значим «принцип функциональной дополнительности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 2. С. 40–48.
2. Захарова А.Н. Междисциплинарная проблема качества жизни в контексте современных научных исследований // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2014. № 10. 20 с.
3. Калинина Г.В. Качество жизни как феномен социального развития // Вестник Чувашского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 67–79.
4. Лысенко О.Ю., Марковская И.М. Качественные методы социально-психологических исследований : учеб. пособие. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2001. 106 с.
5. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов : Научная книга, 2008. 296 с.

Избыточный контроль и планирование пищевого поведения как нарушение саморегуляции при формировании антивитального мотива деятельности в динамике развития анорексии*

Терре К.В., Шутилина (Корнева) А.А., Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.
Алтайский государственный университет, Барнаул

Excessive Planning and Control of Feeding Behavior as a Violation of Self-Regulation in the Formation of Antivitiligo Motive of the Activity in the Development of Anorexia

Terre K.V., Shutilina (Korneva) A.A., Sagalakova O.A., Truevtsev D.V.
Altay State University, Barnaul

Аннотация. Проведено исследование молодых девушек в возрасте, который наиболее подвержен патологическим изменениям личности. В работе представлены результаты исследования нарушения саморегуляции в динамике развития анорексии. Выявлена связь специфических искажений мотивации (антивитальный мотив деятельности) и нарушений саморегу-

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01174.

ляции деятельности по ограничению приема пищи как ведущих нарушений психики при анорексии.
Ключевые слова: анорексия, пищевое поведение, саморегуляция, антивитальный мотив, антивитальное поведение.

Abstract. The research results of anti-vital motive formation of restrictive eating behaviors activityat different anorexia stages are presenting. It shows the relationship of motivation and self-regulation disorders in restrictioneating behavior as a major mental distortion in anorexia.
Keywords: anorexia, restrictive eating behavioractivity, self-regulation, anti-vital motive and behavior.

В современном обществе молодые девушки, подверженные влиянию общества, очень часто недовольны своей внешностью. Сложно найти такую, которая была бы довольна собой, и ее все в себе устраивало. В данной статье мы поговорим о наиболее распространенном недостатке – лишнем весе. Девушки, стремясь быть признанными в обществе сверстников, начинают худеть, даже если данный недостаток незначительный. Эти действия могут привести к развитию такого заболевания, как анорексия. Анорексия – расстройство приёма пищи, характеризующееся преднамеренным снижением веса, вызываемым и поддерживаемым в целях похудения или для профилактики набора лишнего веса.

Обычно анорексия начинается в подростковом возрасте, когда часто отмечается повышенное внимание к своему внешнему виду, а также к мнению окружающих о нем. Именно в подростковом возрасте начинает формироваться деятельность общения, возникают предпосылки для возникновения новых мотивов деятельности, выделяется самосознание, формируются самооценка и мотив самоутверждения. Главную значимость в системе ценностей занимает похудение, определяя ведущие мотивы, оно полностью лишает побудительной силы другие мотивы, мешающие похуданию [1, с. 201].

Важную роль в развитии анорексии играет саморегуляция деятельности. Саморегуляция есть свойство системы, обеспечивающее ее устойчивое состояние. Основным свойством системы является ее активность, то есть способность взаимодействовать с окружающей средой. Планирование характеризует индивидуальные особенности выдвижения и удержания целей, сформированность у человека осознанного проектирования деятельности.

Для изучения саморегуляции в динамике развития анорексии как формы антивитального поведения было проведено исследование, в котором принимали участие девушки-студентки в возрасте от 19 лет до 21 года. В данном возрасте характерна высокая вероятность склонности к расстройствам пищевого поведения в связи с высокой субъективной значимостью внешности при формировании стабильной самооценки, достижении оптимального социального статуса, реализации мотивации достижения. Для реализации исследования были использованы методики: опросник О.А. Сагалаковой, М.Л. Киселевой «Когнитивно-поведенческие паттерны при нарушениях пищевого поведения» и опросная методика В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» [2]. Методы математико-статистической обработки данных – кластерный и корреляционный анализ. Данные обработаны в программе Statistica 8.0.

После интерпретации полученных данных мы выяснили, что у большинства исследуемых девушек наибольшую выраженность имеют такие паттерны, как эмоциогенное нарушение пищевого поведения, самофокусировка внимания на недостатках своего тела, контроль над употреблением пищи и склонность к анорексии (см. рис. 1).

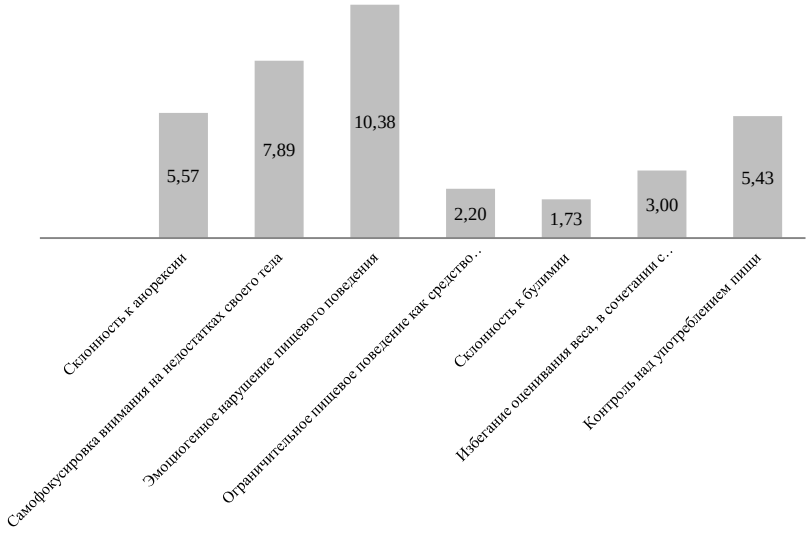


Рис. 1. Средняя выраженность паттернов нарушения пищевого поведения в выборке молодых девушек

Начиная контролировать свое пищевое поведение, а именно ограничивать употребление пищи, девочки не преследуют цель похудеть. На данном этапе первоначальная задача – достижение мотива аффилиации, т.е. налаживание социальных взаимодействий, имеющих повседневный и в то же время фундаментальный характер. Далее девушки продолжают фиксироваться на мнимых недостатках своего тела, продолжая их «корректировать» ограничением в питании. Со временем этих «недостатков» становится все больше, а их устранение приобретает антивитальный характер. Девушки всячески избегают оценки со стороны окружающих по поводу их веса и внешнего вида в целом. Все это приводит к стрессу как в отношении эмоциональной системы, так и организма в целом. В результате, постепенно нарастая и взаимодействуя друг с другом, все эти нарушения приводят к развитию анорексии [3, с. 51].

Нами проведен корреляционный анализ результатов по опросникам «Когнитивно-поведенческие паттерны при нарушениях пищевого поведения» и «Стиль саморегуляции поведения». В результате удалось выявить наличие достоверной положительной корреляции шкал опросника, относящихся к ограничению пищи и анорексии со шкалой саморегуляции «планирование» (см. табл. 1). Происходит постепенная фиксированность ригидного плана деятельности по сбрасыванию веса в динамике ограничительного поведения. Планирование и специфический контроль над деятельностью – наиболее характерные особенности на всех стадиях формирования анорексии (от контроля и ограничения в приеме пищи до собственно отказа от пищи как антивитального самостоятельного мотива).

Таблица 1

Корреляционные взаимосвязи параметров саморегуляции и склонности к расстройствам пищевого поведения

Корреляционный анализ (Kendall Tau) при $p < 0,05$ (**), на уровне статистической тенденции $p < 0,1$ (*)	Контроль над употреблением пищи	Ограничительное ПП (мотив аффилиации)	Самофокусировка внимания на недостатках своего тела	Склонность к анорексии
Планирование	**0,24***	**0,26***	**0,27***	**0,25***
Моделирование	0,20	–0,05	–0,01	0,13
Программирование	0,10	0,00	0,20	0,06
Оценка результатов	0,13	–0,06	0,11	0,01
Гибкость (умение перестраиваться)	0,10	0,23	0,08	**0,34****
Самостоятельность	–0,20	–0,13	–0,05	**–0,27***
Общая саморегуляция	0,07	–0,01	0,08	0,10

Планирование представляет собой способность придерживаться четкого плана деятельности, обладающей высоким личностным смыслом, двигаться к цели, несмотря ни на что. В данном случае вектор смысловой активности выстроен в направлении значимой деятельности в соответствии с первоначальным мотивом позитивного оценивания, целью в виде похудения и средством в виде ограничения в пище.

Планирование, действуя в условиях искаженного смысла деятельности и нарастающих мотивационных изменений личности, перестает регулировать социально направленную деятельность, начиная упорядочивать деятельность патологическую. Так, постепенно целевой приоритет ограничения в пище становится доминирующим, а социальный смысл пищевого поведения исчезает. При нарастании патологии ограничительного ПП изначальные средства (пищевая самодепривация) становятся доминирующими смыслами и самоцелью (антивитальный патологический неопосредованный мотив).

Человек перестает контролировать ход выполнения собственной деятельности, он перестает быть «субъектом» деятельности, но категорически отрицает этот факт, продолжая придерживаться «плана», несмотря на очевидные факты его нарастающей «дисфункциональности» (например, заметные признаки истощения и ухудшения здоровья). Более того, эти признаки могут восприниматься позитивно вследствие того, что деятельность по похудению «освещена» новым патологическим личностным смыслом (антивитальный ограничительный мотив пищевого поведения).

Фиксированность цели при планировании деятельности похудения, усилия по удержанию поведения в отношении этого вектора сочетаются с достаточной гибкостью в компенсаторно-заместительной деятельности, ловкости утаивания масштабов ограничения пищи, готовности «рискнуть» здоровьем и будущим ради цели по ограничению приема пищи, перестройках в отношениях с окружением в соответствии с жестким и становящимся неуправляемым субъектом «планом» по похудению. Стратегия «гибкости» здесь направлена преимущественно на перестройку отношений с окружением, сама же ограничительная потребность остается ригидной (сверхконтроль над поведением, страх срыва контроля над весом).

При рассмотрении взаимосвязи между шкалами «Склонность к анорексии» и «Самостоятельность» была выявлена отрицательная корреляция. При склонности к анорексии девушки зависимы от мнений и оценок окружающих. Планы и программы действий разрабатываются некритично, без учета отдаленных последствий. Девушки часто некритичны к вы-

бору стратегий и цели деятельности по ограничению пищи. Целеустремленность в отношении похудения (наряду с изменениями в системе мотив–цель–средство) способствует редукции возможности произвольного управления деятельностью. Мотивы деятельности становятся неопосредованными, снижается критичность к себе и своему поведению, к последствиям собственных действий.

Подводя итог, мы можем увидеть на каждом этапе течения анорексии характерные ему нарушения саморегуляции деятельности. По мере трансформации смысла данной деятельности происходит снижение критичности над последствиями и формирование неопосредованного антивитального мотива (см. табл. 2).

Таблица 2

Особенности нарушения саморегуляции на разных этапах анорексии

Шкалы-паттерны РПП на разных стадиях ограничения приема пищи (по степени выраженности расстройства ПП)	Особенности нарушения саморегуляции, опосредованности мотивов
1. Ограничение приема пищи	Снижение произвольности регуляции психической деятельности. Значимость социального оценивания, стремление к одобрению
2. Контроль над употреблением пищи	Изменения в произвольной саморегуляции деятельности, снижение опосредствования побуждения к контролю веса. Снижена способность произвольно овладевать своим эмоциями в деятельности. Смыслообразующая сила первоначального социального мотива ослабевает. Контроль становится наиболее значимой деятельностью, утрачивая связь с другими видами социальной деятельности
3. Самофокусировка на «недостатках» тела	Мотивы деятельности становятся неопосредованными, снижается критичность к себе и своему поведению, к последствиям собственных действий. Деятельность похудения сверхзначима («сдвиг мотива на цель»), редукция системы деятельностей и иерархии мотивов. Похудение как деятельность приобретает смыслообразующую самостоятельную побудительную силу, отрываясь от социальной направленности. Формирование антивитального фиксированного мотива
4. Симптомы анорексии	Антивитальный мотив доминирует, отношение к негативным последствиям деятельности для здоровья некритичное и некорректируемое. Перерождение социального мотива в антивитальный неопосредованный мотив, тотально определяющий всю активность субъекта. Деятельность не опосредована, субъект не способен изменить ограничительный «план»

ЛИТЕРАТУРА

1. Зейгарник Б.В. Психология личности: норма и патология. М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1998. 352 с.
2. Сагалакова О.А., Киселева М.Л. Опросник «Когнитивно-поведенческие паттерны при нарушениях пищевого поведения» // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 1 (3). URL: http://medpsy.ru/climp.
3. Сагалакова О.А., Терре К.В., Корнева А.А. Произвольная саморегуляция при склонности к РПП как форма антивитальнго поведения // Актуальные проблемы современной науки : сб. статей Международной научно-практ. конф., 19 мая 2015 г. Стерлитамак, 2015. С. 50–52.

Академическая мобильность: психологические основания

Трофимова Ю.В.
Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

Academic Mobility: Psychological Basics

Trofimova J.V.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul

Аннотация. В статье представлено исследование обусловленности академической мобильности студентов их личностными особенностями. В качестве одной из характеристик потенциальной мобильности рассматривается установка на смену места жительства. Показано, что студентам с разными установками стабильности / смены места жительства присущи и различия в выраженности ригидности и толерантности к неопределенности, а также в терминальных ценностях.
Ключевые слова: академическая мобильность, ригидность, ценности, толерантность к неопределенности.

Abstract. The article presents a study of student academic mobility conditioned by their personal characteristics. As one of the characteristics of potential mobility, the setting to change their place of residence is viewed. It is shown that students with different settings of stability/change of residence inhere differences in the intensity of rigidity, ambiguity tolerance, and there are also differences in the terminal values.
Keywords: academic mobility, rigidity, values, ambiguity tolerance.

Одним из критериев оценки качества современного образовательного пространства является академическая мобильность. С одной стороны,

академическая мобильность указывает на высокий уровень подготовки студентов, обеспечивающий возможность обучаться в новой социальной, социально-культурной среде. С другой стороны, процесс академической мобильности рассматривается как условие повышения качества образовательных услуг, уровня конкурентоспособности конкретного вуза на рынке образовательных услуг и т.д. С точки зрения субъектов академической мобильности (студентов, преподавателей), в ней заложен потенциал расширения горизонтов собственной научной и образовательной деятельности, обеспечивая тем самым построение индивидуальной образовательной и профессиональной траектории самоосуществления.

Говоря об академической мобильности, следует отметить, что само понятие мобильности обозначает скорее потенциальную способность или готовность индивида к действию, чем само действие. В этой связи принципиально различают понятия миграции и мобильности, которые имеют разный смысловой контекст [1]. В широком смысле мобильность понимается как готовность к миграции как территориальному перемещению, т.е. потенциальная миграционная активность. В этой связи часто предлагается различать потенциальную мобильность (готовность к переселению) и реализованную мобильность населения (его перемещение) [3].

Под академической мобильностью понимается возможность для студентов (прежде всего), преподавателей, административно-управленческого персонала вузов «перемещаться» из одного вуза в другой с целью обмена опытом, получения тех возможностей, которые почему-либо недоступны в «своем» вузе, преодоления национальной замкнутости и приобретения общеевропейской перспективы [2].

Академическая мобильность студентов – исключительно важный для личного и профессионального развития процесс, так как каждый его участник сталкивается с необходимостью решения жизненных ситуаций и одновременного анализа их с позиции собственной и «чужой» культуры. Это выступает основанием для формирования и актуализации качеств личности и компетенций, таких как умение выбирать пути взаимодействия с окружающим миром, способность мыслить в сравнительном аспекте, признавать недостаточность знания, то есть знание о недостатке знания, которое определяет мотивацию к учебе, способность к межкультурной коммуникации, способность изменять самовосприятие, рассматривать свою страну в кросскультурном аспекте, знание о других культурах, изученных «изнутри» и др. [4].

Рассматривая опыт зарубежных и отечественных вузов, авторы сходятся в оценке потенциала академической мобильности, указывая на то, что благодаря программам академической мобильности: 1) студенты получают возможность самостоятельно выбирать индивидуальную образовательную траекторию, получать более качественные образовательные услуги, повышать свою конкурентоспособность на рынке труда; 2) вузы получают возможности эффективных конкуренции и взаимодействия, использования международного опыта для повышения качества подготовки специалистов; 3) преподаватели и ученые открывают перспективы плодотворного учебного и научного сотрудничества.

Несмотря на все открывающиеся возможности, академическая мобильность зависит не только от факторов организации образовательного пространства, но и от психологических факторов участников этого психологического пространства.

В этой связи встаёт вопрос об обусловленности академической мобильности личностными особенностями студентов как основных потенциальных участников программ академической мобильности. Для изучения этого вопроса нами был проведено исследование, в котором приняли участие 96 студентов вузов Алтайского края Российской Федерации.

Для оценки потенциальных возможностей мобильности нами была выбрана шкала «стабильность места жительства» опросника «Якоря карьеры» (Э. Шейн, адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокуровой), отражающая при высоких значениях установку респондентов на предпочтение неизменности, стабильности места жительства, и даже если это препятствует новым возможностям. («Главное – жить в своем городе, минимум переездов, командировок».) Переезд для них неприемлем, и даже частые командировки являются негативным фактором при рассмотрении предложений о работе. На основе полученных данных выделились три группы: с высокими (40,63%), со средними (33,33%) и низкими (26,04%) значениями по шкале «стабильность места жительства» опросника «Якоря карьеры». Далее сравнительному анализу подверглись результаты только респондентов с высокими и низкими значениями по описанной выше шкале. Для оценки и сравнения личностных особенностей студентов с разными установки на стабильность / смену места жительства нами были использованы такие методики, как Опросник терминальных ценностей «ОТеЦ» (И.С. Сенин), Томский опросник ригидности «ТОР» (Г.В. Залевский), тест «Толерантность к неопределенности» (адаптация

А.Г. Солдатовой). Сравнительный анализ осуществлялся при помощи критерия математической статистики Манна–Уитни.

При сравнении выделенных нами групп по методике «ОТеЦ» достоверные различия были обнаружены по двум шкалам: «духовная удовлетворенность» (p = 0,0093) и «семейная жизнь» (p = 0,0287). Важно отметить, что более высокие значения по указанным шкалам характерны для студентов с установками на стабильность места жительства. Преобладание значений такой терминальной ценности, как «духовная удовлетворенность», может быть интерпретировано как более выраженное стремление у данной группы студентов к получению морального удовлетворения во всех сферах жизни, ориентации на выполнение тех видов деятельности, которые приносят внутреннее удовлетворение. Преобладание же значений по шкале жизненной сферы «семейная жизнь» указывает на значимость в его жизни семьи, готовность отдавать много времени и сил решению семейных проблем. Полученные данные указывают на то, что для группы студентов с установками на стабильность места жительства характерно расхождение их ценностных установок с содержанием образа жизни, связанного с мобильностью.

По результатам теста «Толерантность к неопределенности» (адаптация А.Г. Солдатовой) достоверное различие было выделено только по шкале «новизна проблемы» (p = 0,0196). Это указывает на то, что студенты с установками на смену места жительства проявляют бóльшую толерантность к новым, незнакомым ситуациям и информации. По этой же методике были выделены различия на уровне тенденции по шкале «толерантность к неопределенности» (p = 0,0682), что говорит о незначительном, но преобладании толерантности к неопределенности у студентов с установками на смену места жительства.

Практически по всем шкалам «Томского опросника ригидности» были получены достоверные различия в значениях между выделенными нами группами студентов. Так, по шкалам «симптомокомплекс ригидности» (p = 0,00054), «сензитивная ригидность» (p = 0,0200), «установочная ригидность» (p = 0,0012), «ригидность как состояние» (p = 0,0167), «преморбидная ригидность» (p = 0,0021) значения студентов с установками на стабильность места жительства достоверно выше, что говорит о том, что у данной группы студентов в большей мере выражены проявления ригидности. Студентам данной группы в большей мере присущи разнообразные формы ригидного поведения (стереотипы, упрямство, педантизм), что отражает неспособность при необходимости изменить свое мнение,

отношение, установку, мотивы или модус переживания. Для них также характерны эмоциональная реакция страха на новое, перед новым, установка на непринятие нового, необходимость изменения себя (самооценки, уровня притязания, системы ценностей и т.д.), склонность в состоянии стресса, страха, плохо настроения проявлять формы ригидного поведения.

Таким образом, можно говорить о том, что студенты с разными установками на стабильность места жительства имеют ряд существенных психологических различий. Полученные данные объясняют бóльшую готовность к новому опыту, возможностям перемещения, более быстрое освоение новых функций, информации и социокультурного пространства в целом респондентов с выраженной установкой на смену места жительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова Н.П., Трофимова Ю.В. Академическая мобильность как условие миграции // Социальная интеграция и демографическая безопасность приграничных регионов России: проблемы старения, репродуктивного здоровья и миграции : сб. материалов международных научных мероприятий / отв. ред. С.Г. Максимова. Барнаул : ИП Колмогоров И.А., 2013. С. 68–74.
2. Девятова И.Е. Академическая мобильность студентов: уровень вуза // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 112–116.
3. Кирпичев В.В. Высокая территориальная мобильность трудовых ресурсов как основа создания современной экономики России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 2. С. 125–127.
4. Шибаев В.П. Академическая мобильность как средство повышения конкурентоспособности вуза // Мир образования – образование в мире. 2012. № 2. С. 172–176.

Этапы актуализации дисфункциональных убеждений при депрессивных симптомах у студентов первого курса

Трубачева Д.Е.

Алтайский государственный университет, Барнаул

The Stages of actualization of Dysfunctional convictions in the presence of depressive symptoms of first-year students

Trubacheva D.E.

Altay State University, Barnaul

Аннотация. Исследование посвящено особенностям актуализации дисфункциональных убеждений при депрессивных симптомах у студентов

первого курса. Отмечается роль значимых социальных контактов как предпосылок возникновения и развития депрессивных симптомов. Рассматриваются этапы актуализации депрессивных симптомов через когнитивную модель депрессии А. Бека.
Ключевые слова: дисфункциональные убеждения, депрессия, когнитивная терапия, автоматические мысли, адаптация, паттерны.

Abstract. The article discusses special aspects of the Dysfunctional convictions' in the presence of depressive symptoms of first-year students. The author mentions the role of the relevant social intercourses as a factor of depression's symptoms initiation and progression. The depressive symptoms stages of actualization are examined through the A. Beck's cognitive model of depression.
Keywords: dysfunctional convictions, depression, cognitive therapy, automatic thoughts, adaptation, patterns.

Актуальность исследования напрямую связана с распространенностью депрессивных расстройств в юношеском возрасте – от 15 до 40%. Большей распространённости аффективных расстройств соответствует большая частота суицидов, связанных с проблемами адаптации в социальной среде. У студентов первого курса присутствуют актуальные паттерны поведения в учебной ситуации, которые сформировались и были закреплены в школе, и они не всегда соответствуют новым требованиям. Создаются благоприятные условия для актуализации дисфункциональных убеждений, которые могут поспособствовать проявлению и развитию депрессивных симптомов.

Таким образом, целью исследования было выявление этапов актуализации дисфункциональных убеждений при депрессивных симптомах у студентов первого курса в возрасте 17–18 лет. Для реализации исследования были использованы шкала депрессии А. Бека [1], шкала безнадежности А. Бека [2], опросник ранних неадаптивных схем Дж. Янга [3], опросник социальной тревоги и социофобии (ОСТиСФ) О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева [4], опросник оптимизма М. Селигмана (русская адаптация Т.О. Гордеевой, В.Ю. Шевяховой) [5] и статистические методы обработки данных. Исследование было проведено на базе Алтайского государственного университета, на факультете психологии и педагогии.

В процессе обработки и интерпретации данных была выявлена значимая корреляционная взаимосвязь депрессивных симптомов и ранних неадаптивных схем, которые можно разделить по областям: разрыв связей и неприятие («эмоциональная депривация» (p = 0,008; r = 0,482), «ущерб-

ность / стыд» (r = 0,579; p = 0,001), «социальная изоляция» (r = 0,455; p = 0,013)); нарушения автономии и функционирования («повышенная восприимчивость к ущербу / болезни» (r = 0,53; p = 0,003), «чрезмерная близость / отсутствие самодостаточности» (r = 0,455; p = 0,013), «несостоятельность» (r = 0,438; p = 0,018)); сверхориентированность вовне («жертвенность» (r = 0,442; p = 0,016)); сверхбдительность и подавление эмоций («негативизм / пессимизм» (r = 0,611; p < 0,001), «подавление эмоций» (r = 0,442; p = 0,016), «пунитивность» (r = 0,471; p = 0,01)).

Разрыв связей и неприятие – ожидание, что потребность в эмоциональной поддержке не будет удовлетворена, ощущение ущербности, страх утратить любовь значимых других при обнаружении своей некомпетентности, повышенная восприимчивость к критике, застенчивость, склонность сравнивать себя с другими, чувство незащищенности. Также чувство оторванности от остального мира, отличие от других людей и / или непричастность к обществу.

Нарушения автономии и функционирования – преувеличенный страх, что в любой момент может разразиться катастрофа, которую невозможно будет предотвратить, чрезмерная близость с одним или несколькими значимыми другими, убеждение, что неудачи неизбежны как в настоящем, так и в будущем.

Сверхбдительность и подавление эмоций – навязчивая концентрация внимания на негативных аспектах жизни и преуменьшение значения позитивных аспектов, избыточное подавление спонтанных действий, чувств и стремления к общению, чувство стыда и потери контроля над собой, убеждение, что за ошибки стоит жестоко карать, стремление винить людей и себя за недопустимое поведение, не отвечающее идеалам.

Сверхориентированность вовне – чрезмерная озабоченность в удовлетворении потребности других людей в ущерб собственным интересам.

При обобщении видно, что присутствуют концентрация на оценке извне, связанная с потребностью в установлении новых социальных контактов, страх неодобрения со стороны окружающих и чрезмерный контроль эмоций. При социальной тревоге также присутствует ощущение, что другие люди относятся негативно или осуждают, оценивают, смотрят свысока. Поэтому было поставлена задача посмотреть, как соотносятся социальная тревожность и депрессивные симптомы у данной выборки. С этой целью был проведен однофакторный дисперсионный анализ и выявлены значимые различия между группами всех уровней депрессии (t = 3,335; p = 0,003) (рис. 1).

При умеренной депрессии социальная тревога наиболее выражена, а при выраженной депрессии происходит снижение. С усилением выраженности депрессивных симптомов увеличиваются дезадаптация и, соответственно, социальная тревога. Поэтому депрессивные симптомы в данной возрастной группе тесно связанны с взаимоотношениями с окружающими людьми.

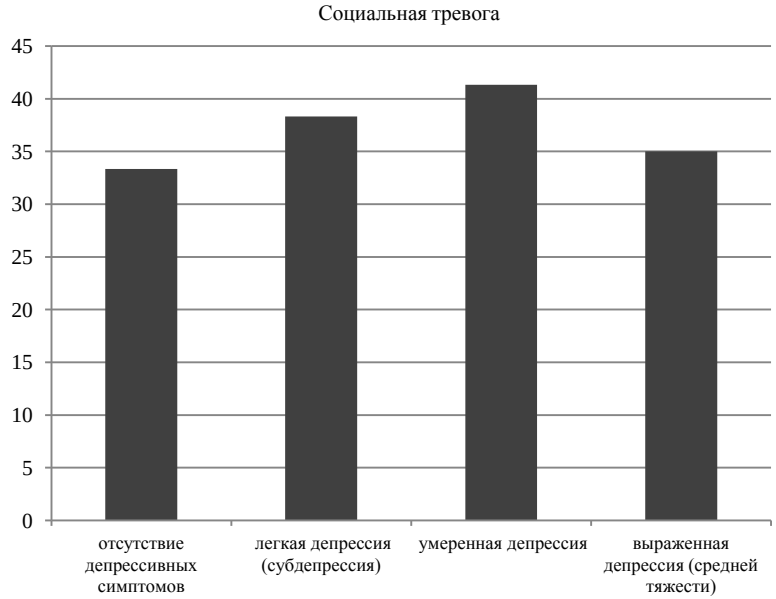


Рис. 1. Значимые различия социальной тревоги по уровням депрессии

Следует отметить значимую обратную корреляционную взаимосвязь (r = –0,547; p = 0,02) социальной тревоги и оптимизма. Чем выше уровень социальной тревоги, тем чаще человек принимает вину на себя, соответственно, наоборот – чем ниже социальная тревога, тем чаще он обвиняет в неудачах окружающих.

В соответствии с этими данными, подводя итоги, можно выделить четыре этапа актуализации дисфункциональных убеждений при депрессивных симптомах у студентов первого курса.

1. Этап первичной актуализации неадаптивных реакций на рядовые ситуации. Он связан со столкновением с негативными ситуациями и ав-

томатическими мыслями, которые выделяют негативные аспекты ситуации и обращают внимание на собственную негативную роль и тем самым дают толчок для ухудшения настроения.

2. Этап закрепления негативных реакций посредством автоматизации дезадаптивных мыслей – стереотипного видения ситуаций и стереотипных переживаний, которые закрепляют негативное отношение к данным ситуациям и постепенно переносят паттерны реагирования на другие, не аналогичные ситуации.

3. Этап установления депрессивного мышления и актуализации дисфункциональных убеждений. На этом этапе возрастает уровень депрессии и социальной тревоги за счет актуализации дисфункциональных убеждений и возрастания дезадаптации. Ключевой этап – в определенный момент наступает «перелом», и у человека включается избегание социальных ситуаций.

4. Этап ухода от контактов – полная дезадаптация, избегание социальных контактов с целью избегания автоматических мыслей, ситуаций, вызывающих негативные эмоции, однако негативные эмоции усиливаются за счет потребности в общении и неудовлетворения этой потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек А. Когнитивная терапия депрессий // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 3. С. 69–92.
2. Young J.E. Cognitive Therapy for Personality Disorders: A Schema-Focused Approach. Sarasota, FL, 1990. 83 p.
3. Бек Дж. Когнитивная терапия : полное руководство. М. ; СПб. ; Киев : Вильямс, 2006. 396 с.
4. Сагалакова О.А., Труевцев Д.В. Опросник социальной тревоги и социофобии // Медицинская психология в России. 2012. № 4 (15). URL: http://medpsy.ru (дата обращения: 01.09.2015).
5. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Шевяхова В.Ю. Диагностика оптимизма как стиля объяснения успехов и неудач : опросник СТОУН. М. : Смысл, 2009. 152 с.

Специфика формирования инвариантов профессиональной идентичности студентов на этапе профессионального обучения

Филенко И.А.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The Specificity of Formation of the Students Professional Identity Invariants During Professional Training

Filenko I.A.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. Исследованы инварианты, характеризующие профессиональное становление личности. Разработан опросник для определения инвариантов профессиональной идентичности у студентов различных специальностей. Показано, что структура инвариантов профессиональной идентичности в юношеском возрасте представлена двумя факторами, описывающими эмоционально-смысловую значимость профессионального выбора и профессии для личности, а также профессиональную автономность и способность к целеполаганию в профессиональном развитии.
Ключевые слова: инварианты профессиональной идентичности, профессиональное обучение, факторный анализ.

Abstract. The invariants characterizing the professional development of the personality are investigated. The students professional identity invariants questionnaire is designed. It is shown that the structure of invariant of professional identity at junior age can be provided by two factors describing: the emotional and semantic importance of the professional choice and profession for the personality; professional autonomy and capability to the goal-setting in the professional development.
Keywords: invariants of professional identity, professional training, factorial analysis.

Выявление инвариантных структур в психологии связано с необходимостью обнаружения закономерностей в условиях, когда исследуемые явления (поведение, различные формы активности человека) описываются показателями, обладающими значительной вариативностью. В последние годы детально изучаются инварианты, связанные с учебно-профессиональной и профессиональной деятельностью, в связи с тем, что интенсивные изменения, происходящие в социальных системах, приводят к быстрой перестройке профессиональной среды. В силу необходимости непрерывно осваивать но-

вые технологии, пополнять свои профессиональные знания в условиях все возрастающих потоков информации, быть успешным профессионалом в меняющемся мире перед каждым человеком возникает проблема личностных ресурсов непрерывного профессионального совершенствования. В современной психологии профессиональной деятельности эта проблема рассматривается в контексте изучения инвариантов профессионального становления личности. Так, Э.Ф. Зеер [4] рассматривает инварианты профессионализма личности, к которым относит: социально-профессиональную направленность; социально-профессиональную компетентность; инструментальную (операционально-деятельностную) компетентность; метапрофессиональные качества и способности; нравственно-профессиональную нормативность. А.А. Деркач [1] выделяет следующие общие акмеологические инварианты профессионализма, не зависящие от особенностей профессиональной деятельности: «развитая антиципация, высокий уровень саморегуляции, умение принимать эффективные решения, высокая креативность, сильная адекватная мотивация достижений» [1]. В работе Г.В. Залевского, Н.В. Козловой [3] рассматривается свойство психической ригидности–флексибильности, которое обеспечивает «активное саморазвитие специалиста вне зависимости от специфики профессиональной деятельности» и может «рассматриваться как общий акмеологический инвариант профессионализма». Наиболее полно исследование инвариантных структур, связанных с профессиональной деятельностью современного специалиста, отражено в концепции инвариантов профессиональной идентичности Е.П. Ермолаевой [2].

Современные методики определения профессиональной идентичности разрабатываются, как правило, для определенной специальности, в силу чего возникает вопрос о правомерности их переноса для исследования испытуемых из других профессиональных групп. В связи с этим нами изучалась возможность создания опросника, позволяющего исследовать инвариантные структуры профессиональной идентичности у студентов различных специальностей в процессе их обучения в вузе. Ориентируясь на современные представления о профессиональной идентичности как сложном многокомпонентном образовании, в ходе исследования в первичной форме опросника были выделены 38 утверждений, которые описывают отношение личности к своей профессии и особенности восприятия себя как потенциального профессионала. Последующее использование данного опросника в группе студентов 1–3 курсов различных специальностей (157 человек – 52 юноши и 105 девушек, возраст 16–21 год), а также обработка результатов исследования с использованием техник

факторного анализа и структурного моделирования позволили получить окончательный вариант опросника, соответствующего двухфакторной модели с 12 переменными, которая оценивалась следующими характеристиками: $\chi^2 = 65{,}26$; $df = 53$; $P = 0{,}120$; $\chi^2/df = 1{,}23$; GFI = 0,939; AGFI = 0,911; CFI = 0,986; RMSEA = 0,039 (HI90 = 0,067); PCLOSE = 0,718, что свидетельствовало в пользу ее хорошей пригодности. Полученные результаты исследования одномоментной и ретестовой надежности, а также эмпирической и конструктивной валидности теста также свидетельствуют в пользу его приемлемости для измерения профессиональной идентичности.

Фактор 1 (33,88% дисперсии, 7 пунктов) характеризует эмоционально-смысловую значимость профессионального выбора и профессии для личности. Фактор 2 (25,54%, 5 пунктов) связан с профессиональной автономностью и способностью к целеполаганию в своем профессиональном развитии. Два указанных фактора образуют общую шкалу профессиональной идентичности, включающую все 12 пунктов.

В табл. 1 для всей группы студентов, а также для групп юношей и девушек приведены средние значения показателей и стандартные отклонения для всех шкал теста. В ходе исследований были обнаружены значимые отличия между среднегрупповыми показателями для шкал опросника у студентов, обучающихся на разных специальностях. Так, наивысшие показатели по всем шкалам были обнаружены в группе дизайнеров первого курса, а наименьшие – в группе студентов, обучавшихся по инженерной специальности (отличия между этими группами по всем шкалам были значимыми на уровне $p < 0{,}05$). Сходные тенденции были выявлены при сравнении показателей студентов-экономистов с показателями студентов инженерных специальностей.

Таблица 1

Статистические показатели для шкал опросника по всей группе студентов и для подгрупп юношей и девушек

Показатели		Шкала 1 (7 пунктов)	Шкала 2 (5 пунктов)	Общая шкала
Юноши	Среднее	35,89	26,44	62,33
	Станд. отклонен.	7,73	5,37	12,59
Девушки	Среднее	36,32	27,13	63,45
	Станд. отклонен.	7,89	4,65	11,42
Вся выборка	Среднее	36,2	26,93	63,13
	Станд. отклонен.	7,82	4,86	11,74

Выводы. По результатам проведенных исследований апробированный опросник можно рекомендовать в качестве экспресс-методики с целью

определения уровня сформированности инвариантов профессиональной идентичности у студентов различных специальностей в возрасте 16–21 год. Ниже приведен бланк опросника (табл. 2) и инструкция к нему.

Таблица 2

Бланк опросника инвариантов профессиональной идентичности

№	Утверждение	Полностью не согласен	Частично не согласен	Слегка не согласен	Затрудняюсь с ответом	Согласен в слабой степени	Частично согласен	Полностью согласен
1	Я доволен своим профессиональным выбором							
2	Я могу сам ставить перед собой учебные цели, связанные с моей профессией, и активно работать, чтобы их осуществить							
3	Я чувствую, что моя профессия имеет смысл для меня и других людей							
4	У меня есть хорошие планы личной самореализации в будущей профессии							
5	Я счастлив, что смогу реализовывать себя в этой профессии							
6	Мне приятно представлять, как в будущем я смогу успешно решать профессиональные задачи							
7	Я ощущаю положительные эмоции, когда думаю о профессии, на которую я учусь							
8	У меня нет особого желания работать по профессии, на которую я учусь							
9	Я хотел бы достичь в выбранной мною профессии уровня мастерства							
10	Обучение по выбранной мной профессии реально связано с моими ценностями, мотивами, интересами							
11	Я уверен в себе, когда выполняю учебные задачи, связанные с моей будущей профессией							
12	В большинстве своих поступков я ориентируюсь на цели, связанные со своей будущей профессией							

Инструкция. Прочитайте внимательно каждое из приведенных ниже утверждений и постарайтесь оценить, насколько точно оно описывает Ваше отношение к профессии, по которой Вы обучаетесь, и к себе как буду-

щему профессионалу. В приведенных справа в таблице клетках отметьте галочкой или кружком степень Вашего согласия с каждым утверждением.

Ключ. По каждому прямому пункту шкалы баллы подсчитываются следующим образом: полностью не согласен – 1 балл; частично не согласен – 2 балла; слегка не согласен – 3 балла; затрудняюсь с ответом – 4 балла; согласен в слабой степени – 5 баллов; частично согласен – 6 баллов; полностью согласен – 7 баллов.

Шкала 1. Эмоционально-смысловая значимость своего профессионального выбора и профессии для личности. Прямые пункты: 1, 3, 5, 7, 10, 12. Обратный пункт: 8.

Шкала 2. Профессиональная автономность и способность к целеполаганию в своем профессиональном развитии. Прямые пункты: 2, 4, 6, 9, 11.

Общая шкала инвариантов профессиональной идентичности: Сумма баллов шкал 1 и 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмеология : учебник / под общ. ред. А.А. Деркача. М. : Изд-во РАГС, 2004. 300 с.
2. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М. : Институт психологии РАН, 2008. 347 с.
3. Залевский Г.В., Козлова Н.В. Психическая ригидность–флексибильность как акмеологический инвариант профессионализма // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 146–149.
4. Зеер Э.Ф. Акмеологические инварианты профессионализма личности и его издержки // Акмеология профессионального образования : материалы 9 Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 13 марта 2012 г. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2012. С. 21–25.

Миф и мечта в жизненном мире творческих молодежных субкультур

Частоколенко Я.Б.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Myth and dream in the life world of creative youth subcultures

Chastokolenko Y.B.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. Работа посвящена исследованию творческих молодежных субкультур, создающих иные реальности и новые идентичности. Выявле-

но, что основанием конструирования субкультурной реальности является ремифологизация, выступающая как способ согласования времен: мифа (актуализация ценностей прошлого), мечты о счастье (активное творчество в настоящем) и утопии (социальная мобилизация ради благого будущего). Следствие ремифологизации – восполнение экзистенциальных дефицитов современной молодежи.
Ключевые слова: молодежная субкультура, творчество, миф, иллюзии.

Abstract. The work is devoted to research of creative youth subcultures that create another realities and new identities. It was revealed that the remythologization is the base construction of subcultural reality, serving as a way to harmonize the times: the myth (actualization of the past values), dreams of happiness (the active work in the present), and Utopia (social mobilization for the benefit in the future). The investigations of remythologization - Restores existential deficits of modern youth.
Keywords: youth subculture, creativity, myth, illusions

Мы предполагаем, что наблюдаемое сегодня возникновение множества творческих молодежных субкультур (ТМС), нацеленных на конструирование иной реальности и новой идентичности, – это социальный ответ молодежи на формирующийся в ее жизни «экзистенциальный вакуум», возникновение которого во многом обусловлено доминированием в современном западном и российском обществе подмены ценности бытия ценностью обладания (вещью, деньгами, имиджем, брэндом и т.п.). Такая подмена ценностей напрямую связана с «потерей мифа», создающей экзистенциальные дефициты личности и общества. Идут стремительные процессы обесценивания моральных, нравственных, этических, религиозных норм, уничтожающие человеческое в человеке. Брошенный в океан свобод, но не наученный пользоваться этими свободами, человек стал искать опору в мифах, создавая при этом новые, которые могут утешить, защитить от абсурдности и бессмысленности человеческого существования. Эта тяга естественна, а потому ремифологизация сознания направлена на возрождение базовых ценностей. Одно из самых страшных проявлений стремления к ремифологизации – религиозный радикализм (ИГИЛ и т.п.), предлагающий крайне примитивную форму архаического мифа, который, «застревая», в прошлом агрессивно сводит к нему настоящее и будущее.

ТМС, конструируя свои социальные миры и творческие среды, «возвращают» миф, очень своеобразно «разворачивая» его временные горизонты. Мифологическое пространство ТМС начинается актуализацией

архаического мифа (прошлое), который конструктивно операционализируется в творчестве (настоящее) и рационализируется в «проект» будущего. Благодаря такому «связующему временные горизонты» возвращению мифа, происходит восполнение экзистенциальных дефицитов, имеющее ряд важных социальных следствий.

1. Социальные фантомы повседневной реальности уступают место виртуальности (от лат. virtus – потенциальный, возможный) как строительству возможного мира, в котором ТМС создают реальность живого общения, активного действия, прикосновения к природе, устанавливают этические нормы и ориентиры бытия, наполненного смыслом. Фактически ТМС представляют своеобразную модель (и живую практику) социогенеза, понимаемого как инициативный процесс создания людьми социальной реальности. Иллюзорный мир субкультуры развенчивает и обесценивает социальные иллюзии обыденного мира. Представители ТМС обретают возможность «неиллюзорного» видения обыденной реальности [1].

2. Различные типы творческих сред ТМС позволяют личности быть максимально успешной при минимальных затратах на самоизменения. Личность, включаясь в творческие практики такой, какая она есть, неизбежно меняется в процессе этих практик, но начальное «включение» оказывается максимально комфортным, соответствующим природным склонностям и способностям. Создается иллюзия мгновенной успешности, глобального позитивного изменения мира и отношений с миром, и весьма своеобразно решается проблема заполнения «экзистенциального вакуума».

3. Иллюзорная реальность и иллюзорная легкость вхождения в нее с последующими творческими трансформациями личности приводит представителей творческих субкультур к тому, что мы обозначили как парадокс высокой социальной успешности людей, уходящих в игровые миры и не интересующихся «обыденной реальностью» [3]. Под социальной успешностью в данном случае мы имеем в виду формальные показатели (успешная учеба, бизнес, научная работа, личное благополучие).

Материалы и методы исследований. Анализировались мифы, сюжеты, архетипы в источниках, составляющих основу конструирования субкультурной реальности (литературные первоисточники, апокрифы, фанфики, сценарии ролевых игр, интернет-сообщества и дневники представителей ТМС). Исследовался коммуникативный мир (методом моделирования коммуникативного мира); применялись методы включенного наблюдения и интроспекции в сочетании с методиками выявления актуальных субличностей.

Респонденты – молодые люди возрастом от 16 до 36–40 лет. Исследования ведутся более 10 лет, на сентябрь 2015 г. в исследованиях приняли участие в общей сложности 1 200 человек.

Полученные результаты. Анализируя полученные результаты, мы пришли к выводу, что основанием жизненного мира ТМС (с разнообразными социальными следствиями) является «мечта о благе», т.е. стремление обрести гармонию в реальной жизни и подлинную идентичность. Но поскольку «обыденная реальность» мало доступна для радикального конструирования, в качестве «действительности» выступает мифологизированная действительность субкультуры, в которой материализуется воображаемая реальность, включающая идею творения, познавательную модель и целостную картину мира. «Мечта о благе» обладает тремя временными горизонтами – мечтами о прошлом, настоящем и будущем.

Мечта о прошлом – актуализация ценностей прошлого, поиск «потерянного рая», блага и силы прошлого. Ее истоки – в архаическом мифе, который представляет целостность мира, истоки жизни. Это «…пространство непосредственно-жизненных смыслов, в котором осуществляется нерушимая связь человека и мира, в котором познающий и видящий, глаголящий и действующий не могут быть строго отдифференцированы от познаваемого, видимого, описываемого и претерпевающего» [2, с. 34].

Мечта о настоящем – ценность творчества, способность «возделывать рай» на земле, сочетающая представление о благе-прошлом и одновременно «санкционирование» блага будущего. Архаический миф «операционализируется», превращаясь из архаического в «архетипический». Матрица архетипических форм, заданная архаическим мифом, обретает множественное содержание, позволяя его «оживлять», интерпретировать, путешествовать в облике различных героев, воплощающих архетипы.

Мечта о будущем – ценность потенциала, личностного и социального ресурса, способность «спроектировать рай». Архетипический миф подвергается рационализации и обретает активно-интенциональный характер, свойственный утопии. Присущий мифу потенциал социальной мобилизации реализует рационализированный миф через способность конструировать социальную реальность и управлять ею.

Инструментом и способом воплощения мечты является ремифологизация, которая не только «возвращает» и «проявляет» миф, но и конструирует его, разворачивая во времени и создавая эффект согласова-

ния времен через актуализацию архаического мифа, его операционализацию и трансформацию в архетипический миф с дальнейшей рационализацией.

Таким образом, наши исследования показали, что ремифологизация в среде ТМС создает такие формы (смыслов, отношений, восприятия и т.д.), которые свободны от манипулятивных воздействий (эксплуатирующих естественное стремление к ремифологизации и восполнению экзистенциальных дефицитов молодежи) и от опасностей примитивных мифов. Изучение ремифологизации и смысла «мифостроительтсва» в ТМС, на наш взгляд, имеет большое значение в профилактике радикализма и религиозного экстремизма молодежи.

Современные ТМС, на наш взгляд, – это появление новых культурных стилей, опирающихся на традиционные смыслы и образы культуры, но адаптированных к современному поликультурному пространству образов. Нерешенной остается проблема привлечения к «реальной жизни» колоссального творческого потенциала успешных молодых людей, которые находят миры ТМС более отвечающими их собственным духовным, социальным и творческим исканиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукьянов О.В., Частоколенко Я.Б., Котикова К.О. Псевдосоциализация в творческих молодежных субкультурах // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 87–93.
2. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М. : Научный мир, 2005. 256 с.
3. Частоколенко Я.Б., Котикова К.О. Специфика актуализации потенциала достижений личности в творческих молодежных субкультурах // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 374. С. 163–170.

Личностные ценности медицинских сестер

Чеснокова Г.Н.

Алтайский государственный университет, Барнаул

Personal value orientation of nurses

Chesnokova G.N.

Altai State University, Barnaul

Аннотация. Статья раскрывает актуальность проведения исследования и анализа личностных ценностей медицинских сестер. Обосновывается по-

ложение о том, что качество получаемой пациентом медицинской помощи и вместе с тем сохранность психического здоровья самого медицинского работника, стремление выполнить профессиональные обязанности максимально компетентно, желание повышать свои профессиональные знания и умения находятся в тесной взаимосвязи с системой личностных ценностей медицинских сестер.
Ключевые слова: сестринское дело, медицинская сестра, личностные и профессиональные ценности.

Abstract. The article is focused on consideration and analysis of personal values of a nurse. Goal of the present article is to support an idea that good mental health of health-care workers allows them to perform duties as efficient as possible, stimulates them to enhance their professional skills, thus to show its conjunction with a system of personal values.
Keywords: nursing care, nurse, personal and professional values.

Сестринское дело является составной частью системы здравоохранения, направленной на решение проблем индивидуального и общественного здоровья населения в меняющихся условиях окружающей среды. Оно включает в себя деятельность по укреплению здоровья, профилактике заболеваний, предоставлению психосоциальной помощи и ухода лицам, имеющим физические и (или) психические заболевания, а также нетрудоспособным всех возрастных групп [4]. Сестринское дело является частью системы здравоохранения, которая располагает значительными кадровыми ресурсами, потенциальными возможностями для удовлетворения потребностей населения в доступной медицинской помощи. По данным Центрального НИИ организации и информатизации здравоохранения, в 2013 г. в России насчитывалось 1 295 736 человек среднего медицинского персонала.

Медицинская сестра – это не только наиболее распространенная специальность среди медицинских работников, но и связующее звено между человеком, нуждающимся в медицинской помощи, и лечащим врачом, это специалист, от которого в значительной степени зависит качество медицинского обслуживания населения. Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения приводит такие цифры обеспеченности населения медицинскими работниками (на 10 тыс. населения) [1]: 2011 г. – медицинские сестры – 92,4%, врачи – 44%; 2012 г. – медицинские сестры – 90,8%, врачи – 44,7%; 2013 г. – медицинские сестры – 90,4%, врачи – 44,3%. Эти данные показывают, что в настоящий момент профессия медсестры является одной из самых востребованных, потому

что большинство молодых людей, которые хотят связать свою жизнь с медициной, предпочитают сразу выучиваться на врачей – это более престижно и экономически выгодно. Работать младшим медицинским сотрудником никто не хочет.

Из рисков и сложностей данной профессии можно определить такие, как большая ответственность за здоровье и жизнь вверенного пациента, серьезные последствия в случае невнимательности или непрофессиональности действий. Медсестра всегда должна быть собранной и аккуратной, оставляя все проблемы и тревоги дома, так как даже самая минимальная ошибка (перепутывание назначений или диагноза, неправильный прием анализов, введение не того лекарства) может стоить пациенту здоровья или жизни. Современные медсестры должны знать МКБ-10 (международную классификацию болезней). Непростым является и график работы медсестры: далеко не все могут выносить изнурительные ночные дежурства, работать в режиме постоянного аврала. Практически все медицинские работники периодически жалуются на эмоциональные и физические перегрузки, гнет ответственности за чужую жизнь. Кроме того, каждый медработник находится в группе риска, так как во время оказания помощи пациенту может заразиться различными заболеваниями – от сравнительно безобидного гриппа до СПИДа.

Профессия медсестры предполагает наличие определенных личностных качеств, таких как соучастие, доброжелательность, сочувствие, умение успокоить и приободрить пациента, внушить в него веру в лучшее даже в самых тяжелых случаях. Кроме того, медсестра должна обладать устойчивой психикой и умением дистанцироваться от психологически тяжелых ситуаций. С одной стороны, им необходимо неравнодушие к чужим бедам, с другой – если принимать все болезни и жалобы пациентов слишком близко к сердцу, то можно довольно скоро если и не сойти с ума, то впасть в серьезную депрессию.

Исследования и анализ личностных ценностей, которые можно выделить у медицинской сестры, в отечественной теории и практике психологии до настоящего времени освещены недостаточно. Однако значимость подобных исследований трудно переоценить, так как от системы личностных ценностей медицинского работника непосредственно зависит качество получаемой пациентом медицинской помощи и в то же время сохранность психического здоровья самого медицинского работника, стремление выполнить профессиональные обязанности максимально компетентно, желание повышать свои профессиональные знания и уме-

ния. Исследования подобного плана не проводились, в чем и заключается явное несоответствие очевидной теоретической значимости проблемы личностных ценностей медицинских сестер и степени систематичности и развернутости исследований в данной области.

Для научной психологии ценности традиционно выступают в единстве трех сопряженных форм своего реального существования: общественные идеалы, предметно воплощенные и личностные ценности. «Личностные ценности лежат в основе оценок, которые выносит субъект событиям «внешнего» и «внутреннего» мира в пространстве таких понятий, как истина, добро, красота, справедливость, порядочность, честность и др. Данные понятия являются вырабатываемыми в культуре ценностными категориями, а их присвоение, смысловое и эмоциональное наполнение индивидом составляет субъективное измерение культуры, указывает на психологический облик человека, уровень его индивидуальной культуры, степень нравственной воспитанности» [2].

Личностные ценности лежат в основе жизненных выборов человека. Совокупность ценностей определяет стремление людей к идеалам, а идеалы уже порождают нормы, нормативные долженствования. Существуют многообразные типологии и классификации ценностей. Так, М. Шелер [5] различает ценности чувственного восприятия (приятное и неприятное), ценности жизненного чувства – благородное и вульгарное, духовные ценности – прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое, чистое знание истины, ценности святого и не святого. Свободная воля субъекта позволяет ему оказывать предпочтение тем или иным ценностям. В этом случае возникает вопрос: что позволит выполнять сестринские обязанности на высоком профессиональном уровне, может побудить к осуществлению непрерывного профессионального самосовершенствования, формированию личностных качеств и ценностных ориентаций, и каковы они на данном этапе культурно-исторического развития общества у данной категории медицинских работников? Мы можем предположить, что личностные ценности среднего медицинского персонала будут иметь свои особенности в зависимости от стажа работы медицинской сестры, а также от медицинского отделения, в котором она работает.

Становление сознания современного специалиста в области сестринского дела непосредственно связано с развитием социально и личностно ценных компонентов: нравственного, профессионального, эстетического, правового, экологического и др. Это компоненты культуры и системы

мировоззрения в целом. Что касается личностных ценностей, то они являются определенными внутренними критериями, своеобразной личностной мерой, которая дает возможность отделить добро от зла, пользу от вреда, истину от заблуждения, достойное от недостойного. Профессиональные и личностные ценности, столь важные и необходимые медицинскому работнику для профессионального выполнения своих обязанностей, не приобретаются с рождения. Они формируются в процессе профессиональной подготовки, практической деятельности. Но какие они? На этот вопрос еще предстоит ответить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гажева А.В. Совершенствование деятельности среднего медицинского персонала / ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России. М., 2014.
2. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей : дис. … д-ра психол. наук. М., 2014. 550 с.
3. Каширский Д.В., Сивцова А.В. Психологические особенности внутренних конфликтов в системе ценностных ориентаций как основания развития личности // Ползуновский вестник. 2006. № 3–2. С. 222–232.
4. Мухина С.А., Тарковская И.И. Основы сестринского дела. М. : Родник, 2002. С. 352.
5. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. 490 с.

Имплицитные теории интеллекта и личности как психологические факторы личностного потенциала студентов*

Шекетера А.А.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Implicit theories of intelligence and personality as psychological factors of personal potential students

Sheketera A.A.

National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье анализируются теоретические представления зарубежных и отечественных психологов об имплицитных теориях интеллекта и личности, а также степень взаимосвязи этих теорий с обучаемостью и

* Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2014 г.

успешностью и личностным потенциалом человека. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязей личностного потенциала со сформированными имплицитными теориями у студентов технического колледжа.
Ключевые слова: имплицитные теории интеллекта и личности, личностный потенциал, психологическая безопасность.

Abstract. The article analyzes foreign and domestic psychologists' theoretical concepts of implicit theories of intellect and personality and the degree of influence of these theories on learning and a person's success and potential of the human personality. The results of an empirical study of interrelations of personal potential with implicit theories technical college students are performed.
Keywords: Implicit theories of intelligence and personality; personal potential; psychological safety.

В настоящее время существует множество представлений о том, что влияет на успешность и обучаемость человека. Ранее многие годы ключевыми факторами влияния считались интеллект (Кудрявцева, 1995; Смирнов, 2007) и некоторые личностные особенности (Heckhausen, 1986, Гордеева, 2006). Однако со временем стало понятно, что интеллект не стоит рассматривать в качестве единственной существенной причины достижения успеха. Относительно личностных детерминант можно сказать, что нами были получены парадоксальные данные, указывающие на то, что личностные свойства, отражающие отношение человека к деятельности, не оказывают существенного влияния на экзаменационную результативность российских школьников, а в ряде случаев отрицательно коррелируют с нею [5]. Эти факты инициируют поиск иных причин, определяющих обучаемость и успешность человека.

В качестве одной из таких возможных причин могут выступать имплицитные теории интеллекта и личности, которые, по мнению К. Двек, представляют собой совокупность стихийно сложившихся убеждений человека о природе интеллекта и личности. При этом одни люди считают, что интеллектуальные способности и личностные свойства находятся под их контролем, и имеет смысл прилагать усилия к их развитию, они ориентированы и мотивированы на мастерство и успех в той или иной профессиональной области, на первом плане у них задача не доказать свою компетентность, а увеличить ее. Другой тип людей склонен считать, что интеллектуальные способности и личностные свойства даны человеку от рождения и находятся вне сферы их контроля, как следствие,

они склонны считать, что нет особого смысла прилагать усилия к их развитию (C. Dweck et al., 1986, 1995). Опираясь на эти теории, человек описывает мир, который его окружает, и самого себя в нем.

Нам было важно оценить, в какой степени сформированные имплицитные теории интеллекта и личности взаимосвязаны личностным потенциалом студентов.

С целью исследования имплицитных теорий на студенческой выборке был использован опросник К. Двек в модификации Т.В. Корниловой и соавторов [2]. Опросник позволяет оценить 4 параметра: превалирование представлений о наращиваемом интеллекте; преобладание представлений о неизменной или обогащаемой личности; принятие целей обучения; самооценка обучения. Для оценки личностных особенностей была использована Шкала базисных убеждений Р. Янов-Бульман в адаптации О.А. Кравцовой, М.А. Падуном и А.В. Котельниковой [4], позволяющая оценить убеждения человека о мире, себе и возможности контролировать жизненные события в этом мире. Личностные особенности изучались нами с помощью методики «Опросник самоорганизации деятельности» [3], предназначенной для диагностики сформированности навыков тактического планирования и стратегического целеполагания. Полученные психодиагностические результаты были организованы в электронную базу данных и обработаны с помощью программы Statistica 6.0. Выборку составили 120 студентов (возраст 15–20 лет), обучающихся по различным специальностям на первом и втором курсах технического колледжа.

При сравнении вычисленных значений с нормативными получились следующие результаты. По Шкале базисных убеждений у студентов наблюдаются сниженные значения по параметрам «убеждение в доброте людей» (3,49 ± 0,67 балла) и «убеждение в контролируемости мира» (среднее значение 3,67 ± 0,56 балла). Таким образом, данная выборка характеризуется убеждением в том, что потенциально люди не относятся к ним доброжелательно, а также в том, что все происходящее в мире случайно, и на это никак нельзя повлиять, поэтому нет необходимости прикладывать усилия.

Также по Шкале базисных убеждений были обнаружены результаты выше среднего по следующим параметрам: «убеждение в ценности своего Я» (5,2 ± 0,6 балла), «убеждение в везучести» (4,66 ± 0,62 балла), «убеждение в способности к самоконтролю» (5,33 ± 0,46 баллов). Таким образом, у данной группы студентов преобладает убеждение в том, что

они нужны и важны для окружающих людей, способны себя контролировать, а также обладают определенной долей везения, что помогает им достигать запланированного результата. Следовательно, данная группа учащихся с завышенной самооценкой надеется только на себя, воспринимая окружающих людей если не враждебно настроенными по отношению к ним, то, по крайней мере, такими, от которых не стоит ждать помощи.

При сравнении полученных результатов по методике «Опросник самоорганизации деятельности» были обнаружены следующие данные. Шкалы «планирование» (12,02 ± 4,2 балла), «фиксация» (16,53 ± 3,11 балла) значительно ниже нормативных значений, однако, шкалы «наличие целей» (39,46 ± 1,62 балла) и «ориентация на настоящее» (11,2 ± 2,8 балла) выше нормативных значений. Таким образом, студенты сконцентрированы на происходящем с ними в настоящий момент, не склонны возвращаться к прошлому, часть из них смело формулируют цели на будущее, однако им не свойственна обязательность и зацикленность на завершении начатого, они способны гибко и легко перестраиваться на новые виды деятельности. Также данная группа студентов характеризуется тем, что поставленная ими цель не всегда может быть достигнута, поскольку у них сниженная склонность к планированию деятельности.

При сравнении полученных результатов с нормативными значениями по методике «Имплицитные теории интеллекта и личности» было определено, что параметры «принятие имплицитной теории наращиваемого интеллекта» (8,67 ± 3,4 балла), «принятие целей обучения» (–0,58 ± 3,7 балла) и «самооценка обучения» (5,18 ± 2,3 балла) находятся в границах нормативных значений, параметр «принятие имплицитной теории обогащаемой личности» (7,45 ± 2,3 балла) – выше нормативных значений. Это говорит о том, что учащиеся считают, что личностные качества можно развивать и улучшать.

В ходе проведенного корреляционного анализа был выявлен ряд значимых корреляций. Например, была обнаружена взаимосвязь между параметрами «принятие имплицитной теории наращиваемого интеллекта» и такими параметрами ШБУ, как «справедливость мира» (r = –0,24; p = 0,007), «контролируемость» (r = –0,36; p = 0,007) и «ценность Я» (r = –0,45; p = 0,007). Также значимые корреляции обнаружены между параметрами «самооценка обучения» и «доброта окружающего мира» (r = 0,23; p = 0,006), «справедливость мира» (r = 0,33; p = 0,000), а также

«случайность как принцип распределения событий» (r = –0,28; p = 0,002). Это означает, что чем сильнее студенты убеждены в справедливости и контролируемости окружающего мира, в ценности собственного Я, тем в большей степени они разделяют идею о возможности наращивать интеллектуальные способности и тем выше их самооценка обучения. Однако чем выше их убеждение в случайности всего происходящего и в том, что от человека ничего не зависит, тем самооценка обучения ниже. Следовательно, мы можем предположить, что при наличии позитивных базисных убеждений в доброте окружающего мира, его справедливости студенты потенциально оценивают себя выше, уверены в своих силах и успехе в обучении.

Между параметром «принятие имплицитной теории наращиваемого интеллекта» и такими шкалами ОСД, как «планирование» (r = –0,41; p = 0,000), «фиксация» (r = –0,25; p = 0,006), «ориентация на настоящее» (r = –0,22; p = 0,02), обнаружены отрицательные корреляции. Следовательно, те студенты колледжа, кто разделяет идею о возможности развития интеллекта, отличаются низкой склонностью к планированию и сосредоточенности на процессе деятельности. При этом им менее свойственно ориентироваться на настоящее.

Полученные результаты неоднозначны, поэтому мы планируем расширить и продолжить исследование. Выявленные факты и закономерности можно будет учитывать при организации образовательного процесса, подготовке программ психологического сопровождения и проведении психологических тренингов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомаз С.А., Козлова Н.В. Модель личностного развития подростков и юношей с учетом переживаемого ими чувства собственной безопасности в условиях трансформации российского общества // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 14–19.
2. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новотоцкая-Власова Е.В. Модификация опросников К. Двек в контексте изучения академических достижений студентов // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 86–100.
3. Мандрикова Е.Ю. Опросник самоорганизации деятельности. М. : Смысл, 2007. 15 с.
4. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М. : Смысл, 2008. 172 с.
5. Шекетера А.А., Суднева О.Ю., Богомаз С.А. Степень выраженности и анализ взаимосвязи абстрактно-логического и социального видов интеллекта у школьников // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 206–211.

Показатели здоровья и психологической безопасности студентов в образовательной среде вуза

Шухлова Ю.А., Терехина О.В., Чеканова М.О.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Indicators of health and psychological safety among students in the educational environment of the university

Shukhlova Y.A., Terekhina O.V., Chekanova M.O.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи показателей здоровья и психологической безопасности студентов высшей школы 17–19 лет. Показано, что инфантильное отношение к своим физическим переживаниям, здоровью и духовному развитию, малоэмоциональность, склонность скрывать от окружающих свои переживаниями являются рисками снижения психологической безопасности студентов и мишенями психологического сопровождения учащихся в данной образовательной среде.
Ключевые слова: психологическая безопасность, субъективное благополучие, базисные убеждения, образовательная среда, здоровье студентов вуза.

Abstract. The article presents the results of research of the relationship between health condition and psychological safety of students 17-19 years old in higher education. It is shown that infantile attitude to their experiences of physical, health and spiritual development, little emotionality, the tendency to hide from others their experiences are decrease risk of psychological safety of students and targets of psychological support of students in this educational environment.
Keywords: psychological safety, subjective well-being, basic beliefs, educational environment, health of University students.

Сегодня образовательная среда является важным местом в жизни каждого студента [3], но всегда ли можно чувствовать себя в безопасности в такой среде?

Вуз – это место, где человек не только получает знания, но и становится полноценной личностью, которая стремится самостоятельно саморазвиваться и самоактуализироваться, овладевая профессиональными навыками и компетенциями [2]. Поступление в вуз является одновремен-

но значимым событием и переходным (кризисным) периодом [7], которые оставляют свои отпечатки на личности.

В последние годы отмечается ухудшение показателей здоровья студенческой молодежи. Сохранение здоровья, не только физического, но и психологического, особенно актуально в студенческом возрасте, так как здоровье студентов определяется особенностями этого периода в их жизни, когда формируется будущий профессионал и носитель интеллектуального потенциала нации, из чего следует, что его здоровье приобретает общественное значение [4].

Тем самым современная высшая школа может быть рассмотрена как объект высокого риска, так как выпускает «сверхсложный продукт» – психологически здоровую личность, требующую для своего создания индивидуальных технологий [8]. Именно поэтому важным и социально значимым является изучение показателей психологической безопасности студентов в образовательной среде вуза, в качестве которых могут выступать базисные убеждения, трансформирующиеся под влиянием значимых для личности событий [1], жизнестойкость, субъективное и психологическое благополучие, отражающие полноту самореализации человека в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах, нахождение «творческого синтеза» между соответствием запросам социального окружения и развитием собственной индивидуальности [5–6].

Целью исследования было изучение показателей психологической безопасности и уровня здоровья студентов в образовательном пространстве вуза. В исследовании приняли участие 35 студентов (в возрасте от 17 до 19 лет) г. Томска. Для оценки состояния здоровья респондентов использовался тест «Оценки уровня здоровья и образа жизни» Р. Страуба, адаптированный и модифицированный Г.В. Залевским [4]; для анализа показателей психологической безопасности были использованы следующие методики: «Шкала базисных убеждений», разработанная Р. Янов-Бульман (в адаптации О. Кравцовой), «Субъективное благополучие», «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, тест «Жизнестойкость». Статистическая обработка данных была произведена с помощью программы SPSS Statistics 22.0, использовался метод корреляционного анализа (критерий Пирсона).

В ходе исследования были выявлены достоверные взаимосвязи (при $p \leq 0{,}05$) между следующими шкалами.

1. «Благосклонность мира» и «самопринятие» ($r = 0{,}493$), «социальное здоровье» ($r = 0{,}388$). Ощущение внутренней и внешней безопасности

дает веру в то, что в мире больше добра, чем зла; это убеждение позволяет личности принимать себя такой, как есть, сохранять свои моральные устои, быть заинтересованным в жизни других людей, уметь создавать долгосрочные связи с окружающим миром.

2. «Доброта людей» и «личностный рост» (r = 0,373), «напряженность и чувствительность» (r = –0,575). Такая группа респондентов убеждена в доброте окружающего мира, его позитивном отношении к ним; ощущение безопасности снижает напряжение внутри любой среды, в которой находятся респонденты. Среда показывает свое благоприятное отношение, это дает возможность студентам саморазвиваться и самоактуализироваться.

3. «Справедливость мира» и «управление средой» (r = 0,406), «превентивная практика» (r = –0,360). В данном случае респонденты чувствуют свою безопасность в окружающей среде, будь то общество или студенческая жизнь, они уверены, что способны контролировать процесс своего образования и включенности в систему получения знаний, это дает им возможность самим управлять своей жизнью внутри вуза или другой окружающей реальности. Однако, ощущая комфорт, такая группа студентов не стремится заботиться о своем здоровье и духовном развитии, здесь имеет место некая доля инфантильного отношения к своим физическим переживаниям, к примеру, нежелание вовремя обращаться к врачу или избегание личной самогигиены.

4. «Ценность собственного Я» и «контроль» (r = 0,492), «субъективное благополучие» (r = –0,410), «самоконтроль» и «изменение настроения» (r = –0,465), «субъективное благополучие» (r = –0,375). Самоценность таких людей обусловлена желанием все контролировать, в частности и самих себя, держать в рамках; возможно, эти студенты внутри образовательной системы занимают такое положение, как «староста группы», или же стремятся быть лидерами при работе на семинарах. Недостаток таких личностей заключается в том, что у них нет ощущения удовлетворенности своей жизнью, они стремятся к тому, чтобы получать хорошие оценки, похвалу от преподавателей, обратную связь от окружающего мира, но все время испытывают внутренний дискомфорт и неуверенность, не показывая их окружающим. При этом важно отметить, что настроение не имеет свойства меняться, оно сохраняется в том же виде, в каком было в начале дня. Подобная форма самоконтроля может оказывать отрицательное влияние на духовное и физическое самочувствие респондентов, будучи некой «все контролирующей системой», такие

студенты, скорей всего, малоэмоциональны, не склонны делиться с окружающими своими переживаниями.

В результате проведенного исследования можно сделать некоторые выводы. Для студентов высшей школы характерны следующие факторы риска снижения психологической безопасности: инфантильное отношение к своим физическим переживаниям, здоровью и духовному развитию, малоэмоциональность, склонность скрывать от окружающих свои переживания, испытывая внутренний дискомфорт и неуверенность. Для некоторых респондентов характерна склонность контролировать всё вокруг и внутри себя.

Данные показатели являются мишенями и основными задачами психологического сопровождения учащихся вуза, профилактики снижения психологической безопасности, благополучия и здоровья, способствуя тем самым саморазвитию и самоактуализации студентов в учебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомаз С.А., Рубанова А.Л., Шухлова Ю.А. Позитивная система базисных убеждений как фундамент развития личностной зрелости у студентов-первокурсников // Медицинская психология в России. 2014. № 2 (25). URL: http://mprj.ru (дата обращения: 01.11.2015).
2. Бохан Т.Г. Психология развития и возрастная психология. Томск, 2003. 232 с.
3. Ефремкина И.Н., Христиченко В.В. Исследование субъективной оценки студентами психологической безопасности образовательной среды вуза. URL: http://elibrary.ru/download/83477609.pdf (дата обращения: 01.11.2015).
4. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. Психология здоровья студенческой молодежи : учеб. пособие. Томск : Том. гос. ун-т, 2012. 144 с.
5. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. URL: http://www.aksp.ru/work/ activity/nac_strateg/resurs_centr/files/soln_testgizn (дата обращения: 01.11.2015).
6. Лепешенский Н.Н. Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф. URL: http://media.miu.by/files/store/items/pj/15/pj_15_2007_3.pdf (дата обращения: 01.11.2015).
7. Мороденко Е.В. Социально-психологические критерии социальной адаптации личности в переходные (кризисные) периоды (поступление в вуз, окончание вуза, первичное трудоустройство) : автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль, 2011. 23 с.
8. Повшедная Ф.В., Лебедева О.В. Особенности восприятия феномена «психологическое здоровье» студентами педагогического вуза. URL: http://elibrary.ru/download/18332803.pdf (дата обращения: 01.11.2015).

Специфика угроз психологической безопасности воспитанников военно-интернатных учреждений

Щелин И.В., Шакурова Л.М.
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

The specificity of the threats of psychological safety of the pupils of military-run residential institutions

Chshelin I.V., Shakurova L.M.
National Research Tomsk State University, Tomsk

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования, проведённого на базе одного из кадетских корпусов с целью оценки угроз психологической безопасности воспитанников. В ходе исследования получены результаты, касающиеся показателей тревожности воспитанников, их отношения к учреждению, специфики угроз психологической безопасности со стороны субъектов образовательно среды (сверстники, учителя, воспитатели).
Ключевые слова: психологическая безопасность, военно-интернатное образовательное учреждение, образовательная среда.

Abstract. The article presents the results of empirical research conducted on the basis of one of the cadet corps for the purpose of assessing the threats of psychological safety of pupils. The study obtained results concerning the performance anxiety of pupils, their relationship to the institution, specific threats of psychological safety of the subjects of the educational environment (peers, teachers, educators).
Keywords: psychological safety, military boarding educational institution, educational environment.

Образовательная среда любого учебного учреждения является частью жизненной среды человека. Психологизация образовательной среды с целью сохранения и укрепления здоровья путем создания безопасных условий обучения и защиты от всех форм дискриминации является важным условием снижения числа стрессовых ситуаций и одним из важных факторов, которые обеспечивают психологическую безопасность при взаимодействии участников образовательного процесса. Человек не может быть здоровым, если среда больна, но можно утверждать и обратное: среда не может быть здоровой, если болен человек, прежде всего, если он болен социально и духовно, т.е. в нем не воспитана экологическая культура [2].

В отношении степени разнообразия подходов к вопросу о понимании психологической безопасности, ее компонентов и критериев Т.В. Эксакусто и Н.А. Лызь выделяют три направления, которые формируют единый образ психологической безопасности [4].

1. Психология безопасной деятельности изучает человека в различных видах деятельности, в том числе и на экстремальных объектах с высоким уровнем риска, в чрезвычайных ситуациях (М.А. Котик, В. Кроуфорд, К. Марбе, Г. Мюнстерберг, Т.М. Краснянская).

2. Сам человек – «ответственная инстанция», «носитель» и сфера локализации феномена безопасности. Психологическая безопасность определяется через субъективную картину мира, защищенности и готовности человека преодолевать опасности и быть устойчивым к негативным воздействиям, что способствует минимизации опасности для самого человека, общества, природы и благополучию в целом (К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн и др.)

3. Психологическая безопасность среды. Здесь объектом изучения является пространство «среда–человек», а предметом являются информационные, социальные, предметно-пространственные и другие характеристики жизнедеятельности, которые способны оказывать влияние на психику, сознание, поведение и личность человека, нарушая его безопасность (И.А. Баева, Т.С. Кабаченко, А.Н. Сухов и др.). В рамках данного направления следует выделить работы И.А. Баевой, а также ее последователей. Под психологической безопасностью понимается «состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников» [1]. В проведенном эмпирическом исследовании данный подход был взят за основу.

Если говорить о военных интернатных образовательных учреждениях, то подростки, попадая в такое учебное заведение, живущее по воинским уставам, оказываются в условиях повышенных умственных, физических и психологических нагрузок, сталкиваются с рядом разнообразных проблем в период адаптации. Процесс обучения в военно-интернатных учреждениях осложняется тем, что воспитанники живут и проходят обучение в одном и том же пространстве. Если учащиеся школ меняют обстановку и круг общения, то воспитанники военно-интернатных учреждений все время находятся с одними и теми же людьми. Таким образом, психологическая нагрузка (отношения в коллективе, взаимоотношения с педа-

гогами и воспитателями, ограниченность в свободе действий) увеличивается, соответственно, усложняется образовательный процесс. Максимальная защищенность воспитанников упрощает образовательный процесс и сохраняет позитивное отношение к обучению в кадетском корпусе. В связи с этим воспитанники должны чувствовать себя максимально защищенными от психологических угроз во взаимодействии со всеми участниками образовательного процесса.

В проведенном исследовании приняли участие воспитанники седьмых классов одного из кадетских корпусов Сибири в возрасте от 13 до 14 лет. Объем выборки составил 50 человек. В качестве методов исследования использовались: шкала личной тревожности (А.М. Прихожан); анкета привлекательности классного коллектива [3]; анкета-опросник для учащихся «Психологическая диагностика образовательной среды» И.А. Баевой. Статистическая обработка данных производилась в программе SPSS Statistics 21. с помощью методов описательной статистики, корреляционного и факторного анализа.

Результаты проведенного эмпирического исследования показывают: несмотря на то, что обучение в кадетском корпусе вызывает позитивное отношение со стороны воспитанников (84% испытуемых положительно относятся к обучению в военно-интернатном учреждении), 56% воспитанников имеют высокий уровень тревожности; это говорит о существовании психологических угроз в образовательном пространстве.

В ходе факторного анализа нами были выявлены основные факторы психологической безопасности: 1) отношение к образовательному пространству (учебная среда, среда проживания, досуговая среда); 2) образовательная ситуация (обстановка на уроках, дополнительных занятиях, досуговых мероприятиях и т.д.); 3) поведение в коллективе (проявление лидерских способностей); 4) взаимоотношения с одноклассниками и педагогами (взаимопонимание, конфликтные ситуации); 5) психологическая защищенность (учет личных проблем и затруднений, помощь в их решении, работа психолога); 6) инициатива и активность (в условиях военной дисциплины); 7) учет личных ценностей и потребностей (личные интересы и ценности); 8) взаимоотношения в коллективе (настрой, расположение).

Кроме этого, благодаря корреляционному анализу с помощью параметрического критерия Пирсона (при достоверном $p < 0,05$*), были выявлены взаимосвязи характеристик образовательного пространства с психологическими угрозами: в условиях военной дисциплины воспитанники испытывают переживание психологической небезопасности в проявле-

нии инициативы и творческих способностей, а также страх негативного отношения со стороны педагогов, воспитателей и одноклассников, старшеклассников, тревогу при обращении за помощью и поддержкой.

Также в ходе исследования с помощью методов описательной статистики были выявлены наиболее приоритетные характеристики образовательного пространства, такие как взаимоотношения с педагогами, воспитателями и одноклассниками, старшеклассниками, возможность проявлять инициативу, высказывать свое мнение, учет личных проблем и затруднений, возможность обратиться за помощью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб. : Союз, 2002. 270 с.
2. Залевский Г.В., Залевский В.Г., Кузьмина Ю.В. Антропологическая психология: биопсихосоционоэтическая модель развития личности и ее здоровья // Сибирский психологический журнал. 2009. Вып. 33. С. 99–103.
3. Психология детства : практикум : тесты, методики для психологов, педагогов, родителей / под ред. А.А. Реана. М. : Олма-Пресс, прайм-Еврознак, 2004. 224 с. (сер. Мэтры психологии).
4. Эксакусто Т.В., Лызь Н.А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 86–91.

Методология системно-синергетического подхода к обоснованию состояния тревожности

Языков К.Г.[1, 2]; Абушаева М.Э.[3]

[1]*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск;* [2]*Сибирский государственный медицинский университет, Томск;*
[3]*Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск*

Methodology for systemic-synergetic approach to substantiation of anxiety

Yazykov K.G.[1,2]; Abushaeva M.E.[3]

[1]*Tomsk State University, Tomsk;* [2]*Siberian State Medical University, Tomsk;*
[3]*Tomsk Politechnic University, Tomsk*

Аннотация. В статье предлагается использовать подход, основанный на принципе диалектического единства, позволяющий анализировать состояния психологических систем. Системно-синергетический подход фикси-

рует существование когерентных состояний по типу мощностей спектра. Устойчивые состояния преобразуются по гармоническим системным закономерностям в различные означаемые в языке эмоциональные состояния. Тревожные состояния могут быть отражением процессов диссипирования схизисных эмоционально противоположных по знаку неравновесных состояний.
Ключевые слова: методология, системно-синергетический подход, психологическая система, модель, тревожные состояния.

Abstract. The paper offers to use an approach based on the principle of dialectical unity that enables analyzing the states of psychological systems. The systemic-synergetic approach captures the existence of coherent states according to the type of capacity range. Steady states are converted in accordance with harmonic system patterns into various language expressed emotional states. Anxiety can be a reflection of dissipative schistic processes of emotionally opposite nonequilibrium states.
Keywords: Methodology, systemic-synergetic approach, psychologic system, model, anxiety.

Построение ментальных математических и физических моделей на основании выделения из некоего множества определенной наиболее репрезентативной группы инвариантных, имплицитных символических и семиотических структур является, вероятно, главной доминирующей особенностью человека творящего (Homo faber).

Можно предполагать, что наличие этой предельной особенности является отражением неких фундаментальных свойств не только человека, но и самой вселенной. Здесь под вселенной понимается место жизни и познания человека.

В философских системах это воспринимается как реализация антропного принципа. Согласно этому принципу устройство вселенной имеет опору на некие реперные сущности (в том числе универсальные константы), которые наиболее соответствуют появлению и существованию человека («…и поклонились человеку»; Библия).

Актуализация антропных свойств вселенной проявляется, прежде всего, в создании все более высоких инженерных технологий – создании искусственной среды, сопоставимой по качественно-количественной сложности с натуральной.

Несомненно, это является важнейшей особенностью человека как субъекта деятельностного познания. Это достаточно тривиальное суждение относится к человеку, прежде всего к его свойствам, открывающим

все новые собственные внутренние состояния, и он сопрягает–моделирует в соответствии с ними внешний мир.

Неким пока неизвестным способом человек извлекает объясняющие и созидающие условия, на основании которых строятся искусственные O–S миры.

Постепенно складывается представление о том, что многие закономерности, открываемые человеком, соответствуют заложенным в самой сути антропной вселенной законам и подчиняются гармонии. Под определением гармонии нами принимается такое состояние, которое соответствует ее организующей и динамической роли в природе и человеке (антропосфере).

В отечественной философии космогонический принцип гармонии воплощен в так называемом русском космизме – варианте философии развивающей гармонии. В деятельностной функции человека «воспроизводства и сохранения целостного целостного человеческого бытия» присутствует существенно значимая тектологическая деятельность (от tecton – строитель; см. В.Н. Сагатовский).

Вряд ли можно игнорировать общий принцип эволюции – развитие от менее организованных форм к более организованным. Это касается и антропоэволюции. Любая эволюция есть сложный многовариантный путь преобразований, в том числе включающий и варианты усложнения.

В антропной эволюции ведущей стратегией эволюционных преобразований по достижении оптимальной эволюционной морфоформы становится психоформа. На это указывает полная разнообразия динамика возможных путей в пространстве психоистории.

Эти преобразования выражаются в формировании и развертывании антропных психологических систем (ПС, в определении В.Е. Клочко). Процесс эволюционного развития происходил и происходит с разной скоростью и в разных направлениях. Учитывая, что дивергентные процессы в наибольшей степени происходят в рамках действия этнического фактора (производная климато-географических, природных процессов), в его активе находится сфера становления–воспроизведения–развития в уникальных культурно-исторических ландшафтных формах. При том что эти формы являются существенно аутопоэтическими в представлении концепции Сантьяго (Ф. Варела, У. Матурана). На самом деле это и есть наиболее специфическая антропная среда созидания человека. Ее описание не предполагает использование биологизаторских терминов теории эволюции, особенно в ее доминирующей традиции СТЭ. Для это-

го, несомненно, лучшим вариантом будет применение тезауруса более развитых семиотических систем и / или создание новых в рамках универсальной синергетической парадигмы.

Есть обоснованное положение о системном характере преобразований психической сферы в ходе развития психологических свойств человека. В первом приближении можно конструировать некоторые ПС, используя традиционные, но несколько обновленные структурно-функциональные понятия в терминологии Кемпиньски–Рейковски–Якубик (Львовско-Варшавская школа). Такие, например, как ИЭМ (инстинктивно-эмоцио-нальные механизмы), структура Я (Self), КС (когнитивная сеть), ЦС (ценностная сеть). Однако требование неэклектичности, использования представлений определенной методологической традиции, школы, теории накладывает определенные условия на принятие некоторых ограничений. В задачу статьи не входит рассмотрение даже приблизительного схематичного спектра теорий становления ПС, но указываются диалектическое направление, тенденция в отношении ее системных качеств.

В развитии системного представления о формах пограничных психических состояний особую роль играют неопределенные, не имеющие выраженных классификационных свойств тревожные состояния и расстройства.

Действительно, само понятие тревога (тревожность) недостаточно отрефлексировано даже в традиционных классификационных системах. В рамках формализованных схем эмоциональные расстройства рассматриваются как рядоположенные с поведенческими.

Однако за этим термином стоит целостный и всепроникающий феномен, эффективное раскрытие которого возможно только с системных позиций. В статье мы собираемся лишь наметить некоторые методологические подходы, позволяющие исследовать такие специфические латентные кризисные состояния с неопределенной «метрикой».

Несмотря на размытость и нечеткость определяющих свойств такого рода состояний, они могут стать образом работы в рамках системно-синергетического подхода (ССП).

Укажем на некоторые важные положения ССП (не претендующие на полноту необходимых и достаточных свойств):

– выделение существенно значимых управляющих параметров системы;

– внешнее проявление формы внутреннего содержания [1];

– воспроизведение порядка и состояния (аутопоэтическое свойство).

Согласно В.Г. Буданову, вариантом сценария кризисных состояний может служить так называемое состояние преодоления «пограничья хаоса и порядка» [2].

Дисбаланс между целеполагаемым и текущим состояниями антропной системы в теории Симонова определяется через параметр «эмоции». В действительности определяемые состояния могут варьировать в выраженности от крайне неравновесных интенсивных до промежуточных квазиустойчивых и слабых стабильных / нестабильных во времени с низкой интенсивностью. Кроме того, эти состояния могут входить в качестве системных управляющих параметров в другие ПС. Теория Симонова, видимо, описывает скорее близкие к нейтральным, небольшой интенсивности состояния. Формально эти состояния описываются известной линейной формой. Сильно неустойчивые и длительные неопределенные состояния требуют иного подхода к описанию. Но объединяющим в описании может стать системная природа сложного феномена. Здесь применима формализация системных преобразований в гармонической форме [3, 4]. Такое описание позволит учитывать промежуточные состояния между достаточно выраженными и имеющими относительно четкие понятия в языке (как в наиболее богатой и экономной семиосистеме, согласно А.А. Зиновьеву) и собственные психосемантические корреляты. В развитых системах им соответствуют некие выделенные состояния – «спектральные» линии состояний по аналогии со спектром.

ССП, преодолевая ограничения ОТС фон Берталанфи, открывает возможности использования всего богатства диалектики общей теории систем (ОТС) Урманцева применительно классификационной процедуре в соответствии психосемантическим единицам развитого языка, чувствительного к дифференцированным эмоциональным состояниям. Математические подходы качественного гармонического анализа Марутаева позволяют применить октавный зеркально-переносный способ преобразований симметрии к шкале эмоциональных состояний. Золотые сечения как волны резонансов в модели синергетического сценария ритмокаскадов Буданова в соответствии с моделью удвоения Фейгенбаума усиливают методы качественного гармонического анализа применительно к нелинейной динамике преобразования эмоциональных состояний.

Таким образом, созданный методологический базис ССП и когнитивных методов конструктивного и психосемантического анализа в психологии позволяют открыть новую обоснованную в языке ПС психосемантику эмоциональных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданов В.Г. Принципы синергетики и управление кризисом // Синергетическая парадигма: человек и общество в условиях нестабильности / под ред. О.Н. Астафьевой. М., 2003. С. 86–99.
2. Волкова Е.С., Невидимова О.Г. Устойчивость в природе и обществе: системно-синергетический подход // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 258–263.
3. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мироздания). СПб. : Петрополис, 1999. Ч. III: Антропология (Человек и мир: укоренена ли вселенная в Человеке?). 288 с.
4. Система. Симметрия. Гармония / под ред. В.С. Тюхтина, Ю.А. Урманцева. М. : Мысль, 1988. 315 с.
5. Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение: три взгляда на природу гармонии. М. : Стройиздат, 1990. 343 с.

Разработка модели исследования и развития психологического и воспитательного потенциала замещающей семьи*

Яцута Е.И.[1], Мудрец Т.В.[2], Александрова Л.А.[3]

[1]Кузбасский региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Здоровье и развитие личности», Кемерово;
[2]Всероссийская ассоциация восстановительной медиации, Кемерово;
[3]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Elaboration of model for study and development of replacing families 'psychological and pedagogical potential

Yatsuta E.I.[1], Mudrets T.V.[2], Alexandrova L.A.[3]

[1]Kuzbass regional center of the psychology and pedagogical, medical and social maintenance "Health and development of personality", Kemerovo;
[2]Russian association of restorative mediation, Kemerovo; [3]National Research University "Higher School of Economics", Moscow

Аннотация. Статья посвящена разработке модели исследования, оценки и развития воспитательного потенциала замещающих семей в процессе со-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Разработка, апробация и внедрение системы медико-социального и психолого-физиологического сопровождения семейного устройства воспитанников образовательных организаций интернатного типа для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», № 15-16-42005.

циального и психолого-педагогического сопровождения семейного устройства сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.
Ключевые слова: дети-сироты, семейное устройство, замещающая семья, психологический и воспитательный потенциал замещающей семьи.

Abstract. The article presents the model for studying, assessment and development of pedagogical potential of foster families in the process of social, medical, psychological support of family arrangement of orphan children and children with absence of parental care.
Keywords: Orphan children, family arrangement, replacing family, psychological and pedagogical potential of replacing family.

Решение проблемы социального сиротства путем активизации семейного устройства детей-сирот нуждается в минимизации рисков как для самих замещающих семей, так и для детей, входящих в семью. Недоучет рисков неизбежно влечет за собой такие негативные социальные последствия, как возврат ребенка в учреждение интернатного типа из-за сложностей воспитания или обнаруживаемых проблем со здоровьем, формирование у ребенка социальных и психических девиаций в результате использования моделей воспитания, неадекватных его индивидуальным особенностям, возможностям и ограничениям, напряженные отношения между членами замещающей семьи в связи с трудностями прохождения критических периодов адаптации вхождения ребенка в семью, которые могут привести к ее распаду.

Создание системы комплексного медико-социального и психолого-физиологического сопровождения процесса вхождения детей-сирот в замещающую семью и адаптации их в новых социальных условиях имеет своей целью минимизацию возможных рисков за счет развития актуальных и потенциальных ресурсов как самого ребенка, так и замещающей семьи, внедрение качественных методов диагностики и сопровождения ребенка и замещающей семьи на разных этапах ее существования.

Одним из аспектов исследования является разработка модели социально-психологического сопровождения процесса вхождения ребенка-сироты в принимающую семью, взаимной адаптации семьи и ребенка, условий для реализации потенциала семьи как саморегулирующейся и развивающейся системы. Модель базируется на неклассической модели диагностики, представлении о личностном потенциале как потенциале саморегуляции [2], контент-центрированном подходе к фасилитации

личностного развития [5] и восстановительном подходе к разрешению проблемных ситуаций как «пути заживления социальной ткани» [3].

Восстановительный подход опирается на внутренние ресурсы человека и ближайшего социального окружения, возможность совместно найти оптимальный выход из проблемной ситуации. Важнейшим социальным последствием реализации восстановительного подхода является создание пространства понимания, организация сообщества людей, заинтересованных разрешения возникшей проблемной ситуации, что позволяет всем участникам восстановительных практик приобрести совместный опыт в преодолении выученной беспомощности и создании безопасной развивающей и поддерживающей среды [3]. Феноменологическое исследование показывает, что скорость позитивных личностных изменений участников восстановительных программ (принятие ответственности за свои действия, развитие коммуникативной гибкости, толерантности к неопределенности, оптимизма) и стойкость этих изменений созвучны тому, что происходит в процессе контент-центрированного взаимодействия, направленного на совместное понимание какого-либо содержания [5]. В данном случае содержанием являются проблемная ситуация и построение «модели потребного будущего» семьи, принимающей в свой состав ребенка-сироту.

Для изучения социальных аспектов готовности мы предлагаем также использовать психотехнические методы исследования, совмещающие в себе решение диагностических, коррекционных и развивающих задач. Эти методы позволяют выявлять не только актуальные, но и потенциальные возможности участников исследования через моделирование возможных ситуаций взаимодействия и построение «модели потребного будущего» для семьи и ребенка. К числу таких методов можно отнести восстановительные практики «Круги сообщества», «Семейный совет», «Круги примирения», «Семейная конференция», «Восстановительные встречи», «Родительский клуб», направленные на создание сети взаимной психологической и информационной поддержки замещающих семей [1].

Важно создать условия для осознания интересов и мотивов членов семьи, понять систему ожиданий, базовые установки, ресурсы и дефициты как ребенка, так и замещающей семьи. Для этого используется комплексная система медицинской, физиологической, психологической диагностики потенциала ребенка, а также базирующаяся на восстановительном подходе к разрешению проблемных ситуаций технология «Семейный совет», которая позволяет прояснить следующие вопросы:

1) актуальное видение семьи (личные семейные истории, ценности семьи); 2) мотивация каждого члена семьи о принятии ребенка («почему я хочу, чтобы мы приняли ребенка в семью»); 3) ожидания по отношению к особенностям ребенка, которого хотелось бы видеть в семье. Очень важным диагностическим фактором является готовность семьи к изменениям, способность будущей приемной семьи моделировать совместное будущее с принимаемым ребенком, к объективной оценке возможных рисков и трудностей.

Психологическая диагностика будущих приемных родителей включает в себя как качественные, так и количественные методы. В качестве показателей, важных для диагностики будущих приемных родителей в свете тех задач, которые им необходимо будет решать в связи с принятием ребенка в семью, выбраны, прежде всего, ресурсы позитивного личностного развития – те особенности личности, за счет которых решаются задачи мобилизации, адаптации и преодоления стрессовой ситуации [2]. Это такие методы, как Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера и др. в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина (Осин, Леонтьев, 2008), Шкала диспозиционной витальности Р. Райана и С. Фредерик в адаптации Л.А. Александровой (Александрова, 2014), Тест смысложизненных ориентаций СЖО Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 1992), Тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006), Опросник толерантности к неопределенности Д. Маклейна в адаптации Е.Г. Луковицкой (Луковицкая, 1998), Шкала общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека (Шварцер, Ерусалем, Ромек, 1996). Для оценки степени преодоления психологической травмы родителями будет использован Опросник посттравматического роста в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова (Магомед-Эминов, 2007), диагностирующий различные аспекты позитивной переработки психотравмирующих событий, имевших место в прошлом у членов этой семьи. Для оценки стиля детско-родительских отношений (в формируемой будущими приемными родителями модели потребного будущего замещающей семьи) будет применяться тест-опросник родительского отношения А.Я. Варги и В.В. Столина (Варга, Столин, 2001) с модифицированной под задачу оценки воспитательного потенциала будущей замещающей семьи инструкцией. При размещении в приемную семью детей с ограниченными возможностями здоровья предлагается дополнительно использовать подходы к работе с семьями, воспитывающими особых детей, а также разработанные М. Селигманом и Р.Б. Дарлинг

методы оценки особых потребностей таких семей, в частности список потребностей родителей и схему собеседования с семьей [4, с. 311–316].

Комплексное сопровождение и поддержка замещающей семьи должны осуществляться как на этапе приема ребенка в замещающую семью, так и в наиболее значимые для успешной взаимной адаптации семьи и ребенка периоды взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восстановительные программы в работе с детьми и семьями, оказавшимися в трудной жизненной ситуации : сборник материалов / Межрегиональный общественный центр «Судебно-правовая реформа». М., 2014.
2. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика. М., 2011.
3. Максудов Р.Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани / Межрегиональный общественный центр «Судебно-правовая реформа». М., 2012. 256 с.
4. Селигман М., Дарлинг Р.Б. Обычные семьи, особые дети. М., 2009.
5. Яцута Е.И. Контент-центрированный подход к фасилитации личностного развития // Журнал Международного института чтения им. А.А. Леонтьева / ред.-сост. И.В. Усачева. М. : НИЦ ИНЛОККС, 2010. № 9 С. 144–147.

Научное издание

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
ДИАЛОГ ПАРАДИГМ

Сборник материалов
VI Сибирского психологического форума
12–14 ноября 2015 г., г. Томск

Под редакцией профессора
С.А. Богомаза

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 16.09.2016 г. Формат $60\times84^{1}/_{16}$.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 16,9. Тираж 250 экз. Заказ № 2046.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-94621-563-3